

охота

и охотничье хозяйство

2

2011

Нужен ли России

промысловый охотник?

Г. ЛАПСИН

Если для охотника-любителя нахождение на лоне природы с ружьём, удочкой или лукошком приятное времяпровождение для души, и далеко не всегда существенное подспорье к семейному бюджету и кухонному столу, то для промысловика добыча охотничьих животных и собирательство — основной источник существования всей его семьи.

Практически промысловый охотник это профессия, профессия очень сложная, требующая больших знаний в области биологии диких животных, техники их добычи. Настоящий промысловик — высокопрофессиональный специалист — в совершенстве владеет многими специальностями. Он и повар, и портной, и сапожник, и плотник, и радист, и рыбак, и бондарь, и кинолог, и при необходимости лекарь. Мастерски управляет моторной лодкой, снегоходом, мотопилой, трактором. Обладает навыками слесаря-ремонтника. Профессионал должен быть сильным духом, не теряться в самой сложной обстановке, обладать психологической устойчивостью, мужеством, отменным здоровьем, хорошими физическими данными, неутомимой работоспособностью, умением ориентироваться на местности в любую погоду, в любое время суток. Настоящий профессионал, романтик, всей душой прикипевший к родной Природе и бережно к ней относящийся.

Испокон веков в России государство проявляло живой интерес и поддержку различным промыслам. Всё круто изменилось после революции 1991 г., когда развалилась Великая империя, а денег катастрофически не хватало даже на содержание армии. В тяжелейших для страны условиях государство отказалась от пушной монополии и от охраны диких животных и их окружающей среды. Сразу же развалились и прекратили существование основные производства мелких городов, посёлков, деревень Сибири и Дальнего Востока, включая специализированные охотничье-промысловые хозяйства. В крайне плачевном положении оказа-

лось население таёжной глубинки и северных территорий, выжившее, и по сей день выживающее, за счёт охоты, рыболовства и собирательства. В настоящее время приходится признать, что категория охотников-промысловиков претерпела существенные изменения. Истинные профессионалы старой заправки стареют и, как и охотоведы советской школы, покидают любимую работу, которой посвятили всю жизнь. На смену им в тайгу ринулись толпы голодных и обездоленных людей. Большинство из них не обладают профессиональными знаниями добычи промысловых животных, первичной обработкой и консервацией шкур пушных зверей, важнейшими навыками таёжной жизни. У них нет того бережного отношения и любви к Природе, какое было у истинного промысловика. Откуда взяться такому отношению у разочарованных людей, которых государство выбросило на обочину жизни, лишив любимой работы и средств к существованию? В чём причины? По-моему, самая важная заключается в следующем. В 1991 г. в России объявились демократы, которые развалили социалистическую государственность и ускоренными темпами начали строить новую — для богатых. Россия — государство без всенародно оглашенной идеологии. Конечно, негласно она существует, но руководство страны о ней стыдливо умалчивает. Идеология «недоразвитого капитализма» — обогащение богатых людей и чиновников за счёт народа. Что такое богатство? Это когда труд многих принадлежит одному. Где уж думать о каких-то промысловиках, прозябающих на задворках нищей России.

Сразу после развала СССР «братья-капиталисты», к которым сломая голову бросилось руководство «новой России», вместо помощи опустили нашу экономику ниже плинтуса. В начале девяностых годов пушно-меховые базы оказались без государственного финансирования. Закупать пушнину было некому. Робкие шаги начал делать частный капитал. Но средств у него не было. Союзпушнина нашла деньги и привлекла к закупкам наиболее предприимчивых охотоведов со всей России.

В октябре 1992 г. я, работник московской фирмы, приехал в Томский облпотребсоюз, который был единственным производителем дикой и клеточной пушнины в области. В его подчинении находилось пять коопзвер-

промхозов, два из которых имели свои зверофермы, и сеть заготконтор в каждом районе. Ситуация была катастрофической: денег нет, реализовать пушнину некому. Когда я озвучил заместителю председателя облпотребсоюза по заготовкам цену закупа соболя и белки, да ещё с предоплатой, он моментально собрал всех своих подчинённых, и они с радостью стали называть руководителям коопзверпромхозов и заготконтор. И их можно было понять. Предложенная цена была намного выше внутреннего рынка, но значительно ниже цены советского периода.

В девяностых годах закупочная цена шкурки соболя падала ниже тридцати долларов, по белке — до восьмидесяти центов. В то же время на Ленинградском и других международных пушных аукционах цена шкурки соболя обвалилась почти вдвое. Скорее всего был сговор международных пушников, воспользовавшихся создавшейся ситуацией в России и неумением торговать некоторых «совковых купцов», поставлявших соболя на зарубежные пушные аукционы, минуя ленинградский. И это несмотря на то, что, например, на майском международном пушном аукционе в Ленинграде 1993 г. было выставлено не более полумиллиона шкур соболя, которые были проданы полностью.

Осознанные и преднамеренные действия кучки «денежных мешков» от охоты, входящих в руководство страны, были направлены на полный развал охотничьей отрасли и захват за бесценок лучших угодий и успешно функционирующих охотничьих хозяйств. В этих целях за последние десятилетия охотничью отрасль «реорганизовывали» чуть ли не каждый год. Из подчинения государственным органам на несколько лет её «зادвинули под хвост» ветфитконтроля. Оно и понятно, легче всего ловить рыбу в мутной воде. Вступил в действие Федеральный Закон — № 209 «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов...» Он имеет антиобщественную, антиэкологическую, антиохотничью направленность, направленность на уничтожение охотничьих животных и среды их обитания. За его принятие практически голосовала одна партия — Единая партия России.

Новый закон написан для охотников европейской части России. Он совершенно не учитывает специфику огромной территории Севера, Сибири и Дальнего Востока, продуктивность охо-

охота

и охотничье хозяйство 2 2011

Ежемесячный иллюстрированный журнал
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

* Основан в октябре 1955 г.

дий, их доступность, низкую плотность населения, где в северных территориях преобладает промысловая охота.

В проекте Правительства при заключении охотхозяйственного соглашения необходимо внести единовременный платёж в размере до 30 тыс. руб. за 1 тыс. га охотничьих угодий. Для Томской области — 8 тыс. руб., где 80% угодий составляют северные малопродуктивные болота; в то время как, по подсчётам специалистов, реальная хозяйственная продуктивность 1 тыс. га охотугодий составляет всего 10 руб.

Девяносто девять процентов охотпользователей будут не в состоянии произвести завышенный в десятки и сотни раз платёж и лишиться своих угодий со всеми многолетними вложениями, сокращением рабочих мест в самых отдалённых поселениях многоотрадной России. Возникает законный вопрос — для чего это делается? Дальнейший сценарий очевиден. Рассмотрим его на примере Томской области. После того как все охотугодья лишатся хозяев, объявятся богатые люди и подставные лица, которые на «законных» основаниях выкупят самые продуктивные кедровые и другие доступные угодья за бесценок, но не дороже 8 тыс. руб. за 1 тыс. га. Остальные малопродуктивные и отдалённые угодья на многие десятки лет перейдут в разряд угодий общего пользования, охрана которых полностью ляжет тяжёлым бременем на плечи государства и налогоплательщиков.

Почти двадцать последних лет на обезглавленное «охотничье хозяйство» страны набросились все, кому не лень: лесники ввели липовую аренду на лесные площади, Роспотребнадзор придумал платное пломбирование и биркование каждой шкурки соболя, да всего и не перечесать.

Государство выделяет мизерные средства на охрану диких животных и среды их обитания. За последнее время маховым цветом расцвело браконьерство. В этом явственно просматриваются крайне циничные действия чиновников, упразднивших в первую очередь институт общественных охотинспекторов в лице работников охотблизости и охотпользователей.

Катастрофическое положение с охраной животного мира сложилось в Сибири. На одного охотинспектора приходится от 1 до 25 млн. га поднадзорных охотничьих угодий. Так, в Томской области, где преобладает промысловая охота, 16 охотоведов охраняют 35 млн. га охотничьих угодий. На одного специалиста в среднем приходится 1 млн. 400 тыс. га, в отдельных районах в два-три раза больше. Вся техника, со слов начальники Комитета охраны животного мира, на 90% «неживая», запчасти и бензин практически отсутствуют.

До 2008 г. в области 28 охотоведов Томского Россельхознадзора «надзирали» за работой 26 охотоведов комитета охраны животного мира. Уточняя, надзирали, не занимаясь охраной ди-

У зимовья промысловика

Фото Ю. Журавлева

ких животных непосредственно в охотничьих угодьях. Такое положение было и в других регионах Сибири. Дурдом?

Нисколько не лучше положение в Алтайском, Красноярском краях, Омской и Иркутской областях. В последней — на огромнейшей территории всего 20 охотинспекторов и такое же количество административных работников. На отдельных территориях один охотинспектор на три-четыре района. Рыба внутренних водоёмов делится на две категории: Федеральную и Региональную. Естественно Федералы делят квоты на вылов омуля и прочие ценные породы. Они истинные «демократы», поэтому вылов частиковых пород великодушно отдали местным властям.

Неудивительно, что в стране повальное браконьерство. Наглядный пример в этом преступном деле подают некоторые члены руководства страны, выскопоставленные чиновники, крупные бизнесмены, не гнушающиеся добычей «краснокнижных» животных в вертолёт. Голодный народ российской глубинки берёт с них пример. И хотя техническая оснащённость простого охотника крайне низка, но он, движимый жесточайшим «допингом» голода, берёт массовостью, близостью к местам обитания животных и смекалкой.

Наряду с этим неоправданно сокращаются площади среды обитания диких животных за счёт хищнической вырубке лесов и технической индустрии. За последние годы резко сократилась численность всех видов диких животных России, за исключением волка, бобра и соболя.

Рыночные отношения в нашей стране в корне не способны объективно регулировать цены на все виды товаров и услуг. Бизнес и существует для получения прибыли и сверхприбыли, он жесточайшим образом ущемляет интересы потребителя, в первую очередь

простого народа.

Вплоть до 90-х гг. прошлого столетия стоимость снегохода «Буран» на чёрном рынке равнялась 18—20 шкуркам соболя, в настоящее время — в 3—4 раза выше, вследствие необоснованно завышенной стоимости техники. Такое же положение с капканами и другим инвентарем для охоты. Цена на бензин, полученный из нефти, которую в девяносто случаев из ста качают из недр под охотничьими участками промысловиков, близка к мировой при заработной плате близкой к нулю.

В советское время профессиональные промысловые охотники и промысловые охотники-любители были полными работниками народного хозяйства со всеми вытекающими последствиями. Профессионалов одевали, обували в спецодежду, выдавали бесплатно оружие, провиант, орудия лова, снегоходы, моторные лодки и горюче-смазочные материалы. Заброску охотников в угодья осуществляли специализированные промысловые предприятия. Промысловик понятия не имел о выкупе лицензий за свой счёт на добычу промысловых животных и, тем более, за аренду охотничьих угодий. За все работы по благоустройству своего участка: строительство зимовий, прорубку троп для снегохода, пугал, изготовление стационарных орудий лова, за биотехнические мероприятия, за вывозку заготовленной продукции получал заработную плату по твёрдым расценкам. Закончив по возрасту трудовую деятельность, получал весьма достойную пенсию. За свой опасный и нелёгкий труд лучших промысловиков награждали государственными орденами и медалями, они были участниками ВДНХ наряду с другими достойными людьми государства.

Капиталистическая Россия «демократично» взвалила все расходы по орга-

уизации такого процесса на плечи простого народа. Постановление Правительства РФ «О территориях традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», в котором прописаны льготы для населения, не выполняется.

При царе-батюшке отдалённые территории России равномерно осваивали малочисленные народы Севера и русские «промышленные люди», принося казне осязаемый доход. Советское правительство вкладывало немало средств, создавая различные фактории в самых северных территориях вплоть до Северного ледовитого океана. Забрасывало местному населению необходимый провиант даже воздушным транспортом, вывозя пушнину, мясо северных оленей и дикой птицы и рыбу. В 70—80-х гг. прошлого столетия наметилась устойчивая тенденция к снижению уровня освоения северных территорий вследствие нехватки рабочих рук. Это был результат неадекватной политики, заключавшийся в укрупнении крупных поселений за счёт мелких и насильственного вывоза детей в школы-интернаты. Вкусив «плоды цивилизации», лишь единицы из них возвращались в родные чумы.

Руководство новой «капиталистической» России пошло дальше. Оно вообще исключило из сферы своих интересов всё население отдалённых территорий. В результате этого некому пасти тысячные стада северных оленей, добывать пушнину, ловить рыбу, заготавливать дикорастущую продукцию. В последнее время молодёжь не желает продолжать дело своих отцов, стремглав бежит из глубинки. В этом грядущие беды для охотничьей отрасли. Возникает законный вопрос — нужен ли России промысловый охотник?

Ответ диктует сама жизнь — нужен, как сама жизнь! Освоение биологических богатств нашей природы, не нарушая её целостности, невозможно без промысловых охотников и членов их семей. Только в комплексном освоении богатств северных территорий — залог рентабельности всех отраслей народного хозяйства, включая охотничью.

Уникальность Российской Природы в наличии обширных территорий, не тронутых безжалостной индустрией. Это наше национальное достояние. Это должно осознать руководство страны. Изменить политику государства не на словах, а на деле — в сторону достижения в ближайшее время достойной жизни для каждого россиянина. Высокая заработная плата — основа высокой производительности труда, что давно доказано развитыми государствами.

По моему субъективному мнению, необходимо сделать следующее:

1. Создать единую вертикаль руководства охотничьим хозяйством страны.

2. Приостановить на год действие нового ФЗ РФ «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов...», так как он в корне антисоциальный.

3. Выделить в необходимом объёме государственные средства на действенную охрану животного мира и окружающей среды обитания. Через средства массовой информации развернуть постоянную пропаганду **ОСОЗНАННО БЕРЕЖНОГО** отношения к **ПРИРОДЕ** каждым гражданином России. Разрешить охрану своих охотничьих угодий, как было раньше, охотоведам и егерям общественных организаций, всем арендаторам и лесникам.

4. В настоящее время, при бедности основной массы охотников, аукционы по закреплению угодий за охотпользователями лишены здравого смысла.

5. Привести законодательство охотничьего хозяйства к требованиям и положениям, отвечающим интересам отрасли и всем категориям охотников.

6. Законодательно выделить отдельное Положение о промысловой охоте и промысловом охотнике.

7. Все участники пушного рынка должны вносить средства в развитие промысловой охоты на основе экономических законов бизнеса. Административные постановления вряд ли выполняемы. Каково положение дел в настоящее время? Основной промысловый вид у нас соболь. Удельный вес его не ниже 90% от стоимости всей пушнины. В России промысловые охотники добывают соболей в пределах полумиллиона за сезон. Пока благополучие промысловиков в какой-то степени зависит от стоимости шкурки соболя на рынках реализации. Цена любого товара складывается из спроса и предложения. Спрос зарубежного покупателя в пределах 400 тыс. соболиных шкур в год. По тем или иным причинам он незначительно может колебаться в ту или иную сторону. Россия предлагает 500 тыс. В целом для мирового рынка по соболю предложение опережает спрос, что не способствует росту цены на мех соболя. С учётом мирового экономического кризиса она понижается. Низка и закупочная цена.

Казалось бы, резко должно сокращаться количество «добытчиков». Но такого не происходит из-за жуткой безработицы в глубинке, достигающей в отдалённых поселениях 90—95%. С улучшением экономического положения в стране появятся рабочие места, что «высвободит» из охотничьего промысла в первую очередь случайных и неквалифицированных людей, что неминуемо приведёт к уменьшению добычи ценного зверька, чего пушники не допустят. Они вынуждены будут вкладывать реальные средства в развитие промысловой охоты.

8. Квалификация и профессионализм большинства охотоведов не отвечает положению дня. Многие из лучших специалистов покинули отрасль, оставшиеся устали и разуверились от насильственно навязываемого сверху хаоса и неразберихи. Необходимо повысить уровень подготовки охотоведов в вузах страны. Открытие новых факультетов по подготовке охотоведов во многих вузах только ухудшило названную ситуацию. Происходит распыление средств и дискредитация профессии охотовед.

9. В последние годы очень низка роль охотоведов в вопросах реального положения охотничьей отрасли и её становления. В большей степени это относится к специалистам Сибири и Дальнего Востока. Назрела необходимость создания объединения охотоведов России.

Промышленность не выпускает недорогого гладкоствольного, а тем более нарезного, оружия. Неоправданно усложняется система приобретения и перерегистрации охотничьих ружей. Дорожают боеприпасы, различного рода разрешения и лицензии на право добычи диких животных. И, тем не менее, охотники — промысловики ещё долго будут востребованы. Именно они осваивают самые отдалённые охотничьи угодья необъятной Сибири, прославляя державу прекрасным собольим мехом.

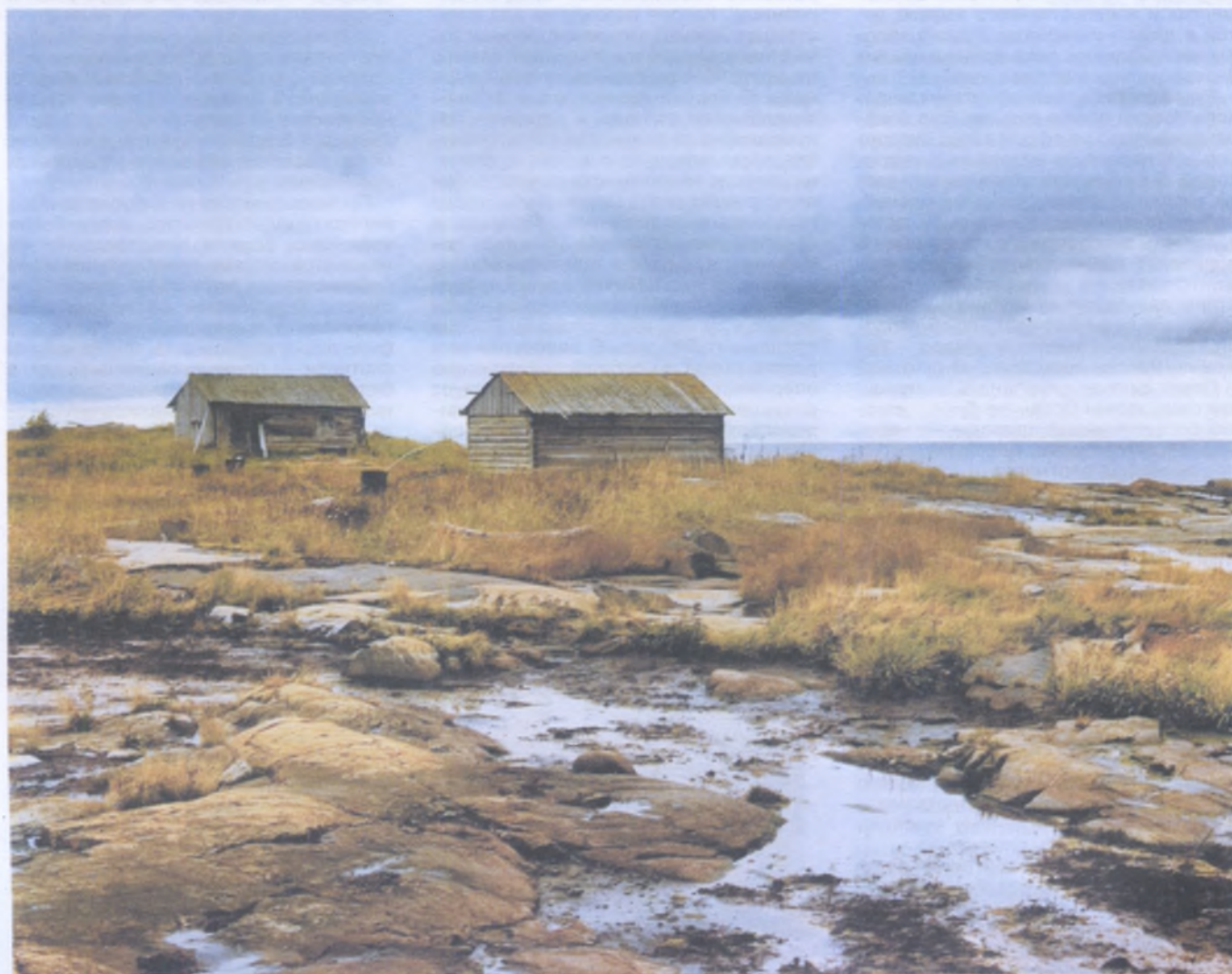
Охотничье-промысловые избушки

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук, Институт Наследия. Фото автора

Охотничья избушка в Кенозерском национальном парке

За десятилетия своих скитаний по северу России мне не один раз выпадало счастье во время маршрутов находить старые избушки. Эти пристанища для охотников и рыбаков, как и для любого путешественника, всегда были праздником. Такими они оказывались и для меня. Будь то стонущая под порывами океанских ветров избушка на острове Беринга или старые, брошенные полвека назад дома промышленников — зверобоев и охотников — на Новой Земле, рыбацкая избушка в глуши Каргопольских лесов на берегу живописного озера или такие же пристанища из плавника на скалах и среди высоченных сосен на островах Белого моря. Дни и часы, проведённые в этих незабываемых местах, до сих пор в памяти, будто подобные события произошли только вчера.

Охотничье-промысловая изба и сарай на берегу Белого моря. Кольский полуостров

Залив Абросимова. Старая промысловая точка на Новой Земле

Остров Великий, кордон Лобанихина

Самая северная промысловая изба, давно отслужившая свой век. Оранские острова, Новая Земля

Тажная избушка, бор-беломошник

Охотничье-рыболовная изба на берегу Белого моря

Европейская и сибирская косули: основы трофейной селекции

А. ДАНИЛКИН, профессор, доктор биологических наук

Развитие трофейной охоты в России немислимо без селекции — выбраковки неполноценных в чем-то зверей и отбора племенных особей с нужными признаками в целях повышения трофейного качества популяций. Специалисты отечественного охотничьего хозяйства и охотники должны знать особенности развития, индивидуальную и географическую изменчивость рогов и клыков, уметь определять возраст и трофейное качество животных в полевых условиях и знать основы трофейной селекции хотя бы важнейших охотничьих видов. К сожалению, уровень теоретической и полевой подготовки многих наших охотников, егерей, охотоведов и руководителей охотничьего хозяйства таков, что они не могут отличить сеголетка от взрослой особи или самца со сброшенными рогами от самки. Попытаемся восполнить этот пробел на примере европейской и сибирской косуль.

Изменчивость рогов. Первые покрытые кожей рожки начинают расти у теллят-самцов косуль с августа, в сентябре—ноябре они могут достигать 0,5—5 см, к маю—июню вырастают до 6—24 см и окостеневают. Первые рога, как правило, не имеют отростков или же, изредка, разветвляются на самом конце. Однако у немногих хорошо развитых сеголетков они уже к декабрю вырастают до 6—12 см, окостеневают и отпадают в самом конце декабря или в январе. У таких особей с февраля развиваются вторые, обычно двух-трехотростковые, рога. Годовалые самцы европейской косули очищают их от кожи на западе ареала в мае, сибирские косули — в июне—июле, на 1—3 месяца позже взрослых. Сбрасывают рога они чаще в декабре. В конце января — в феврале начинается рост новых, сравнительно тонких двух-трехконцевых, которые очищаются от бархата в конце мая—июне, на 2—4 недели позже, чем у взрослых (рис. 1).

С третьего года жизни сброс рогов происходит с конца октября до середины декабря. На западе и юге ареала самцы теряют их примерно на полмесяца раньше. На Урале, например, в октябре рога имеют практически все самцы, за редким исключением, в первой декаде ноября — 79%, во второй — 60%, в третьей — 48% и около 10—12% — в начале декабря. В конце ноября и в декабре рога носят преимущественно молодые особи, и в этот период селективный отстрел может быть особенно эффективным.

Рост рогов у взрослых самцов европейской косули на западе ареала начинается в конце ноября, на востоке — в декабре, у сибирской — в конце декабря — в январе. В феврале—марте у первых они уже сформированы, у вторых этот процесс завершается в апреле (рис. 1). Однако при недостатке корма

их рост задерживается более чем на месяц, и они не достигают максимального развития. Очищаются рога у самцов европейской косули на западе и юге ареала в феврале—марте, на востоке и севере ареала — в апреле, у сибирской косули — в конце апреля—мае.

Форма рогов косуль разнообразна, индивидуальна и почти не меняется в зрелом возрасте, за исключением случаев их физического повреждения или ранения, болезни и истощения животного. У таких самцов, подлежащих выбраковке, они обычно несимметричны, уродливой искривленной или загнутой формы, иногда неочищенные («париковые») и в форме нароста, закрывающего морду животного. Наиболее массивны рога у здоровых 4—8-летних зверей, затем происходит их деградация: уменьшаются масса и размер, утрачиваются отростки и жемчужины, значительно укорачиваются и утолщаются лобные стержни. Нередко рога старых самцов по форме становятся похожими на рога одно-двухлетних особей (рис. 4). В отдельных случаях один, два или несколько уродливых рогов могут развиваться у самок, тогда как некоторые самцы комолы.

Определение пола и возраста. Определение пола животных в летний период несложно, труднее это сделать зимой, когда самцы сбрасывают рога. Основной отличительный признак самцов, сбросивших рога, — свисающий под брюхом пучок волос вокруг препуциального отверстия, а также более короткая и толстая шея. Самок опознают по висящему пучку волос, закрывающему мочеполовое отверстие, который четко выделяется желтым пятном на фоне белого зеркала (рис. 2).

Определение возраста косуль более сложно. На расстоянии с уверенностью можно опознать только сеголетков, самок старше года и самцов старше двух лет. Сеголетки легко отличаются от взрослых размерами тела, более темной окраской в зимнем меху (не всегда) и типичным «детским» поведением. Годовалые особи обоих полов менее массивны по сравнению со взрослыми, их ноги кажутся длинными, крупно слегка приподняты сзади, голова узкая, шея тонкая и длинная, при движении поставлена почти вертикально, морда темная, у самок отсутствует вымя. Двухлетние самцы внешне выглядят более крепкими, чем годовалые, однако все еще стройными. Туловище средневозрастных самцов кажется приземистым, ноги короткими, шея толстая, мощная, наклоняющаяся вниз с возрастом. Престарелые самцы и самки снова приобретают форму тела, свойственную молодым особям, но костистые, тощи, при спокойной ходьбе держат шею почти параллельно земле (рис. 3), из-за седых волос светлеет окраска головы (у самцов вокруг глаз образуются светло-

серые кольца) и туловища, у самцов на брюхе заметно выделяются сильно отвисшие волосы вокруг препуция. Молодые особи вылинивают первыми, старые — последними. Старые звери, в отличие от молодых, всегда более осторожны, выходят на кормежку последними и держатся отдельно.

Рога тоже служат отличительным признаком возраста у самцов (рис. 4). Отсутствие отростков свидетельствует о том, что эти рога первые, но у части хорошо развитых годовалых особей уже имеются направленные вперед отростки. У двухлетних особей обычно два отростка, но есть особи и с тремя. У средневозрастных животных рога типично трехотростковые, их основания и стержни утолщены. Чем больше возраст, тем толще и короче, в связи с ежегодным сбрасыванием, основания рогов. У старых самцов рога деградируют, отростки малы или исчезают, рога из-за редукции оснований кажутся «посаженными» на череп.

Определение размера рогов. Ориентировочную длину рогов у самцов косуль в полевых условиях легко определить, соизмеряя их с длиной ушей

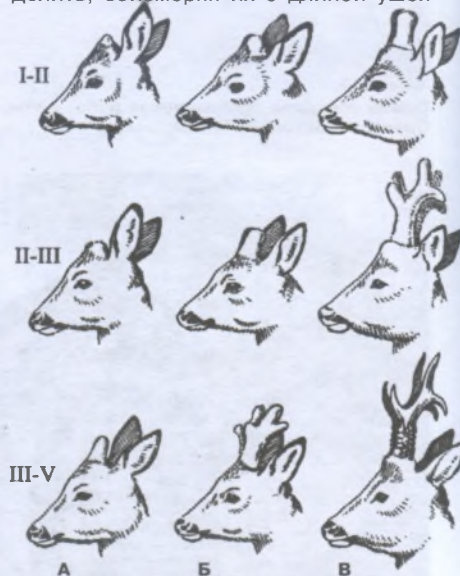

Рис. 1

Рис. 2

рис. 5). Этот способ измерения при-
годен и для других видов копытных с
учетом длины их ушей и рогов. Сред-
няя длина уха европейской косули рав-
на 13 см, сибирской — 15 см.

У европейской косули рога сравни-
тельно небольшие: в среднем 17—26,
максимально — 30 см, их размах в
среднем около 14 см, и даже у рекор-
дных рогов не более 20 см. Отростков,
как правило, 3. У сибирской косули рога
с мощными стволами, сравнительно
высокие (28—33 см в среднем, макси-
мально до 48 см), с большим разма-
хом (17—26 см, до 47 см). Число отр-
стков в норме тоже 3, но иногда их 4—
6 на каждом роге.

Трофейный отбор. Продолжитель-
ность жизни отдельных маркированных
косуль в природе достигает 15—17 лет,
но в интенсивно эксплуатируемых груп-
пировках они редко живут больше 10
лет. Масса тела, рогов и наивысшая
воспроизводительная способность у
этих зверей максимальны в возрасте от
3—4 до 8—9 лет, после чего начина-
ется медленная деградация. Соответ-
ственно эксплуатируемую популяцию
желательно поддерживать в обозначен-
ном средневозрастном диапазоне.

В большинстве стран самцов косуль
добывают только в летне-осенний пе-
риод (с мая—июня по октябрь), когда
они имеют рога и их трофейное каче-
ство легко определить, самок и сего-
летков — с сентября—октября по де-
кабрь—январь. В России, напротив,
большинство самцов отстреливают пос-

ле того, как они сбросили рога. В до-
быче преобладают средневозрастные
животные, что приводит к резкому сни-
жению продуктивности и трофейного
качества популяций и массовой гибели
сеголетков, оставшихся зимой без ма-
терей. Их ежегодные потери в масшта-
бах России исчисляются десятками ты-
сяч особей. Поэтому одна из основных
задач охотничьих хозяйств трофейного
типа — полное прекращение добычи
сбросивших рога самцов и интенсифи-
кация отстрела сеголетков (не менее
60—90% в объеме добычи в зависимо-
сти от плотности населения).

Сеголетков добывают осенью и зи-
мой, невзирая на пол. В семьях остав-
ляют лишь одного самого крупного те-
ленка. Особенно тщательно отбирают
годовалых самцов, отстреливая в лет-
не-осенний сезон охоты всех особей с
рогами ниже ушей и не имеющих ви-
димых зачатков отростков на рогах.

Выбраковку взрослых самцов косуль
крайне важно произвести до начала гона.
Это вызвано следующими обстоятель-
ствами. Взрослые самцы — сугубо тер-
риториальные животные в весенне-лет-
ний период. Однажды заняв территорию,
они, как правило, удерживают ее всю
жизнь, и кроют, в первую очередь, са-
мок, живущих на их участках обитания.
Пространственная структура популяции
в летний период выглядит как «сотовая»
система — в каждой «клетке» размером
от нескольких десятков до 1—2 сотен
гектаров есть хозяин территории, порой
не лучшего качества, который до глупо-

кой старости изгоняет со своих владе-
ний всех молодых самцов. При выбра-
ковке некачественного взрослого самца
у 1—2-летнего зверя появляется возмож-
ность закрепиться на освободившейся
территории. В противном случае наибо-
лее развитые молодые самцы вынужде-
ны эмигрировать, что вряд ли хорошо
для конкретного охотничьего хозяйства.
Хорошие егеря обычно знают каждого
взрослого территориального самца в
«лицо», и отбор их по качеству не вызы-
вает проблем.

Главное в селекционной работе — не
только выбраковка худших зверей, но и
бережное отношение к элитным особям.
Многие западноевропейские популяции
косуль безвозвратно деградировали
именно из-за длительного выборочного
отстрела самцов с большими рогами.
Поэтому самцов с высокими трофейны-
ми качествами желательно добывать
лишь на стадии начала деградации ро-
гов (в возрасте старше 8 лет) и после
гона — они должны успеть оставить ка-
чественное потомство. Гон у европейс-
кой косули идет с середины июля до сен-
тября, у сибирской — в августе—сентяб-
ре. Следовательно, в популяциях косуль
без большого вреда для них ограничен-
ный трофейный отстрел зрелых каче-
ственных самцов возможен лишь с сен-
тября по 1—15 ноября. Два месяца —
вполне достаточный для этого срок.

Генофонд косуль, как и других жи-
вотных, формировался на протяжении
многих тысячелетий, а уничтожить его
можно при жизни всего лишь одного
поколения охотников, охотоведов и
«трофейных» бизнесменов, устроивших
гонку за рекордными трофеями. При-
оритетом в охотничьем хозяйстве дол-
жна быть селекция (отбор) зверей, а
не массовая «охота на самцов с высо-
кими трофейными достоинствами».

Рис. 1. Развитие рогов у самцов косуль
разных возрастных групп
А — сеголетки, Б — полузрелые, В —
взрослые; 1—V — месяцы

Рис. 2. Отличительные половые призна-
ки самцов (верхний ряд) и самок косуль
зимой

Рис. 3. Возрастные отличия телосложе-
ния у самцов и самок косуль
А — молодые, Б — средневозрастные,
В — старые особи

Рис. 4. Возрастная изменчивость рогов
самцов косуль
А — сеголетки; Б — однолетние; В —
двулетние; Г — средневозрастные; Д —
старые

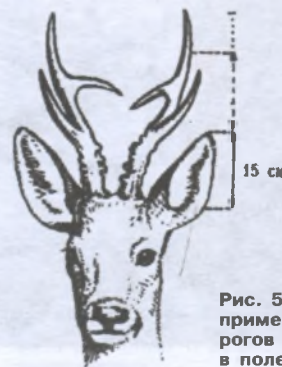
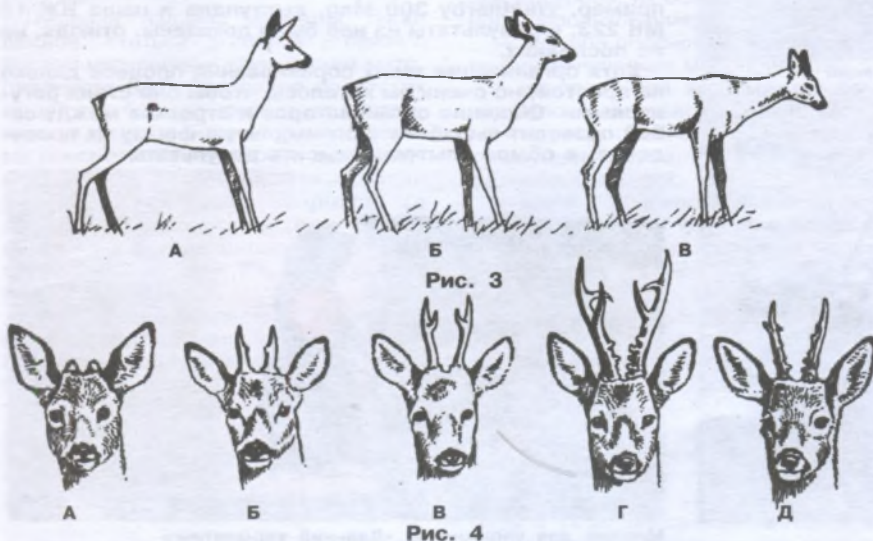

Рис. 5. Определение
примерного размера
рогов самцов косуль
в полевых условиях

Московские открытые соревнования по высокоточной стрельбе

Алексей БЛЮМ. Фото автора

В конце октября 2010 г в подмосковной Балашихе на стрельбище одной из воинских частей прошли соревнования по пулевой стрельбе. Может быть, об этом событии не следовало сообщать в нашем журнале, но эти соревнования не были похожи на чисто спортивные, потому что большинство упражнений несли в себе охотничью составляющую. Организаторами соревнований выступили Московский охотничий клуб «Сафари» и Спортивный клуб высокоточной стрельбы — СКВС.

Условия соревнований оказались очень демократичными. Во-первых, заявить себя участником мог любой, имеющий нарезную винтовку на законных основаниях; во-вторых, не было ограничений ни по калибру, ни по мощности патрона, ни по использованию оптических прицелов; и, в-третьих, разрешалось пользоваться некоторыми электронными приборами, такими, как, к примеру, баллисти-

ческий калькулятор или определитель скорости ветра.

Соревнования продолжались 2 дня и включали две стрелковые дисциплины:

Охотничий формат: 2 упражнения (50—500 метров) и формат «Спортивный снайпинг»: 4 упражнения (100—800 метров).

Первое упражнение, относящееся к спортивному снайпингу (спортивная квалификация), заключалось в следующем: стрельба велась по круглой (чёрной) спортивной мишени с диаметром круга 30 см, а «десятки» 3,0 см, из 4-х положений — «лёжа», «сидя», «с колена» и «стоя». Из каждого положения нужно было произвести по 3 выстрела, т. е. всего 12. Зачёт по очкам.

Второе упражнение — охотничий зачет, дистанции стрельбы 50, 100, 150 и 200 метров. Мишень в виде силуэта косули с обозначением убойных зон. Результат тоже оценивался по количеству набранных очков. Максимальные очки давало попадание в контур сердца, меньшими очками оценивались контуры лопатки и остальной передней части тела косули.

Стрельба на 50 и 100 метров может вестись только стоя с рук, возможно использование ремня, а на 150 и 200 метров стоя с рук, с колена, сидя, возможно использование ремня, а также некоторых типов упоров. Стрельба ведётся по одной мишени последовательно с разных рубежей. На каждом рубеже стрелок делает по 3 выстрела по мишени за 2 минуты. Победитель — стрелок, набравший максимальное количество баллов. Количество выстрелов — 12.

Третье упражнение тоже носит охотничий характер. Это так называемый дальний варминтинг. Стрельба ведётся по силуэтам сурков на дистанциях от 100 до 500 метров с интервалом 50 м. Причём зачётным считается тот выстрел, которым поражена обозначенная надувным шариком убойная зона. На 8 дистанций даётся 10 выстрелов.

Очень интересным мне показалось упражнение под названием «Не промахнись!». Мишень находится в промежутке от 300 до 500 метров, без точного указания дистанции. Стрелок должен двумя выстрелами поразить две мишени диаметром 20 см за 2 минуты. В это же время он должен любым способом определить дистанцию, силу и направление ветра, внести соответствующие поправки и сделать два выстрела.

Было и ещё одно сходное упражнение. Стрелок заказывает любую дистанцию в пределах 300—650 м с интервалом 50 м. Две мишени размера как в предыдущем упражнении, и два выстрела за 1 минуту.

Как видим, в этих соревнованиях немало прикладного, охотничьего, что, на мой взгляд, очень оживляет стрельбу.

Соревнования произвели очень хорошее впечатление деловой, несуетливой обстановкой и, как уже отмечалось — демократичностью. Наряду с винтовками известных мировых фирм с супермощными патронами, как, например, Weatherby 300 Mag, выступала и наша ИЖ 18 МН 223, и результаты из неё были показаны, отнюдь, не из последних.

Хотя организация таких соревнований процесс далеко не простой, но очень бы хотелось, чтобы они стали регулярными. Общение организаторов и стрелков между собой позволит выработать оптимальную форму их проведения, а обмен опытом повысит результаты.

По мишени «Косуля» — дистанция 100 м.

ИЖ-18МН — полноправный участник соревнований

На огневом рубеже

Мишень для упражнения «Дальний варминтинг»

«Охота и охотничье хозяйство»: страницы истории Науку — на службу охотничьему хозяйству

Н. КРУТОРГОВ, заместитель начальника Главохоты РСФСР

Решения октябрьского Пленума ЦК КПСС вызвали новый подъем трудовой и политической активности советских людей. Повсюду ширится соревнование за претворение в жизнь боевой программы, намеченной октябрьским Пленумом ЦК КПСС, — добиться ускорения темпов развития сельского хозяйства с тем, чтобы в возможно короткие сроки намного превзойти современный уровень сельскохозяйственного производства в стране, достойно ознаменовав тем самым 100-летие со дня рождения В.И. Ленина.

В решениях октябрьского Пленума ЦК КПСС дана научно обоснованная программа дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства. Первостепенная роль при этом отводится всемерному укреплению его материальной базы, ускорению научно-технического прогресса, как неперемennого условия развития сельского хозяйства. Сейчас речь идет о том, чтобы добиться нового, большого подъема научной работы, расширить ее масштабы, повысить ее качество и эффективность, ускорить разработку проблем, рекомендаций и внедрение их в производство.

Известно, что отрасль охотничьего хозяйства весьма близка к сельскохозяйственному производству. Десятки тысяч тружеников сельского хозяйства нашей страны ежегодно ведут промысел пушных зверей, а в производственные планы совхозов и колхозов Крайнего Севера охотничий промысел входит как ведущий раздел их хозяйственной и финансовой деятельности. Доходы от охотничьего промысла играют существенную роль в экономике местного населения.

Пушнина издавна является также важной статьей экспорта. В связи с ростом населения и улучшением материального благосостояния советских людей все больше возрастает потребность в мехах и внутри страны. Поэтому рассмотрение вопросов состояния охотничьего хозяйства, как отрасли народного хозяйства, вопросов его дальнейшего развития и технического прогресса в свете решений октябрьского Пленума ЦК КПСС приобретает важное значение.

Наша страна располагает благоприятными природными условиями для интенсивного ведения охотничьего хозяйства. Особенно ярко выражены эти возможности в Российской Федерации, которая дает свыше 80% пушнины и до 90% дичи от общих заготовок в стране. Совет Министров СССР и Совет Министров РСФСР за последние годы при-

няли ряд важных постановлений, направленных на дальнейшее развитие и повышение экономической эффективности охотничьего хозяйства. В то же время уровень развития этой отрасли на фоне современного технического прогресса во многом еще отстает от других отраслей народного хозяйства.

В охотничьем хозяйстве крайне мал объем научных исследований. По существу, их ведет лишь одно специализированное учреждение — Всесоюзный научно-исследовательский институт животного сырья и пушнины. Правда, научная разработка отдельных вопросов охотничьего хозяйства осуществляется целым рядом ученых на кафедрах некоторых вузов, но не входит в их основную задачу.

В этой связи можно считать весьма важным и отрядным событием создание в канун 1969 года Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников при Главохоте РСФСР. Определены основные направления научной деятельности этой лаборатории, которые включают:

- разработку научных основ организации и ведения высокопродуктивного охотничьего хозяйства в различных зонах РСФСР с учетом необходимости комплексного использования и воспроизводства природных ресурсов;

- научно-методические руководства исследованиями в области охотничьего хозяйства, координация и обобщение научно-исследовательских работ, проводимых заповедниками на территории РСФСР;

- научное обоснование и разработку методов учета охотничье-промысловых ресурсов, их оценки и рационального использования;

- научное обоснование и разработку биотехнических мероприятий;

- исследования экономики и организации охотничьего хозяйства;

- научное обоснование и разработку методов устройства и организации охотничьих угодий;

- изучение биологии, экологии охотничьих животных. Изучение болезней и других факторов, влияющих на численность диких животных;

- изучение состояния техники охотничьего хозяйства и разработку мероприятий по ее усовершенствованию.

Исходя из поставленных задач, Главохота РСФСР утвердила Положение и структуру Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников, которые предусматривают создание соответствующей материально-технической базы и укомплектование лаборатории высококвалифицированными учеными

и специалистами для обеспечения обстоятельных исследований актуальных проблем развития охотничьего хозяйства и заповедного дела в РСФСР.

Актуальных и нерешенных проблем в охотоведении, как и в любой области знаний, безусловно, много. В изыскании научных методов ведения охотничьего хозяйства есть своя специфика. Она основана прежде всего на сборе большого фактического материала на громадных просторах тундры, тайги и лесостепной зоны. Поэтому только с помощью и в содружестве с учеными и специалистами научных учреждений, практическими организациями и охотниками возможно успешное решение поставленных проблем.

Центральная научно-исследовательская лаборатория в своей научной деятельности будет опираться на широкую государственную сеть системы Главохоты РСФСР. Это прежде всего сеть госпромхозов, расположенных в основных промысловых районах, сеть государственных заповедников, заказников республиканского и местного значения, государственных лесохозяйственных хозяйств, управлений охотничье-промыслового хозяйства и государственных охотничьих инспекций при обл(край)исполкомах, Советах Министров АССР и, наконец, широкая сеть районных охотоведов, учрежденных во всех важных в охотхозяйственном отношении районах.

Для осуществления полевых научных исследований и опытно-экспериментальных работ Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников предоставлено право создавать опорные пункты, стационары, зональные биотехнические станции, экспедиции, опытные и экспериментальные охотничьи хозяйства, питомники и фермы по разведению охотничьих животных.

Центральная научно-исследовательская лаборатория охотничьего хозяйства и заповедников создана в живописном уголке природы Подмосквы на базе Лосиноостровского участка Истринского государственного лесохозяйственного хозяйства, т.е. в местах, где зарождалась в двадцатых годах охотоведческая наука. За лабораторией закреплены прилегающие угодья площадью 11 тыс. га, где будет одновременно проводиться разработка научно обоснованных мероприятий по обогащению фауны Подмосквы.

Большие задачи поставлены перед лабораторией. Коллектив работников этой новой научно-исследовательской организации должен мобилизовать все силы и возможности для их выполнения.

Ласка

Этот зверек — один из самых мелких хищников. Он похож на горностая, но в зимнем наряде у горностая кончик хвоста черный. Распространена ласка по всей территории России, на севере меньше, на юге больше. Водится там, где достаточное количество мышевидных грызунов, которых она ловит с удивительной ловкостью, принося большую пользу людям.

Снять ласку в природе очень трудно. Лишь случайность помогла мне сделать эти кадры. Я снимал лисицу, как вдруг появилась ласка. И тут я понял, какую допустил ошибку — не взял второй фотоаппарат. Имея при себе длиннофокусный объектив, снять ласку с двух метров не представлялось возможным. После этого случая я стал носить два фотоаппарата, но, честно говоря, долго себя ругал, что не сделал этого раньше. Но все-таки надеялся на успех и караулил ласку в том же месте.

Оказалось, что здесь был ее любимый переход. Появилась она неожиданно. Взмах руки остановил ее, она насторожилась, и я успел поймать в объектив эту красавицу.

А. Назаров, биолог-охотовед

В поля за русаком

А. АЗАРОВ

Ранее у себя на родине в Сибири мне не доводилось тропить русаков, т. к. они у нас в таежной зоне не водились. Оказавшись по долгу службы в Ленинградской области, захотелось освоить эту охоту. Но после первых же выходов до меня дошло, что здесь ничего не получится. Пытался по-расспросить об этой охоте товарищей, но те утверждали, что тропление — дело ненадежное, лучше вытаптывать. И сейчас, по прошествии многих лет, из разговоров с охотниками убеждаюсь, что «умельцев» тропить зайцев не так уж много. Большинство считает, что шансы здесь ничтожны. Только ноги бьешь. Каких-либо подходящих «инструкций» в охотничьей литературе не нашел. У Н. Руковского, правда, вычитал, как отличать следы русака от беляка (что я естественно хорошо знал и ранее), но дальше... Дальше эту науку (а вернее практику) осваивал ногами, колеся по полям Ленинградской области. Теперь уж отношу эту охоту к одной из захватывающих активных охот.

Итак, по порядку. Вся охота состоит из хождений по полям и перелескам. Поэтому одеваться надо соответственно. Чуть теплее, чем на лыжный кросс 10 км. Вязаная шерстяная шапка (толстая) или две тонких шапочки, один-два свитера, суконная куртка, брюки х/б, резиновые сапоги, если снег неглубок, или валенки с лыжами, если снег глубокий — 15—20 см. За плечами легонький солдатский вещмешок с термосом и бутербродами, чтобы не возвращаться «на подсосе» долгой безлюдной «дорогой» домой. Правда, если повезло, и русак в котомке, то дорога всегда кажется короче.

Если сошел с платформы в незнакомой местности — не помешает и компас. И сразу же — ориентироваться (к примеру: от железки направляюсь на юг, значит, вечером домой буду идти на север). Иначе, прихватив сумерки, можно опоздать даже на последнюю электричку. Ружье желательно иметь 12 или 16-го калибра с резким боем, т. к. стрелять часто приходится до 50 метров. Патроны с дробью № 2,1 весом 33-34 г, войлочный пыж, пороха «Сокол» 2,2-2,3 гг. Я предпочитаю Иж-27. Ранее ходил с МЦ 21-12. Но оно все же тяжеловато, а надежда на 3—4 выстрел не всегда оправдывается.

Когда знаешь, что в вертикалке всего 2 патрона — больше собранности. К тому же можно ударить сначала дробью № 2, а на дальний выстрел оставить патрон с дробью № 1.

Идеальной погодой для тропления можно считать оттепель +2, +3 градуса, а под ногами неглубокий снежок, выпавший накануне. Но вчерашняя пороша не так уж обязательна. Свежий след «вашего» русака будет резко отличаться от всех старых маликов. С

За русаком

Фото Д. Косарева

накоплением опыта это будет видно «как днём». Конечно, сначала надо приобрести опыт начинающего следопыта: уметь видеть, что следы от передних лапок русака меньше, чем у беляка; что следы от задних лапок русака — заостренные, как наконечник копья; что расстояние между следками передних и задних лапок у русака больше, чем у беляка; что след у русака — прямойнейший. Вообще, если русак не на жировке, то он любит «погарцевать» по прямой, 3—4 км для него не расстояние, он любит промчаться по дороге вдоль канавы, просеки, его следы повторяют «геометрию» пашни, поля.

Пригодится нам и знание еще одной повадки русака: промчавшись по дороге 2—3 км и сделав скидку на какой-либо участок поля, пашни, зарослей, он может там залечь. Но если ваш товарищ «стронет» его с лежки, заяц, как правило, вылетит опять на эту дорогу, причем почти в том же месте, где он делал скидку.

Следует для начала научиться различать характер следов. След на жировку — прямой, ровный, спокойный, расстояние между следками передних и задних лапок — большое. След жировочный очень характерный: заяц петляет, следки зачастую группируются вместе, временами русак «присаживается», обгрызает веточки ивы, осинки, полыни, много помета. След с жировки — ровный, прямой, направленный от жировки к лежке, но расстояние между следками передних и задних лапок уже короче. След гонный — расстояние между следами очень большое. Коронные же приемы запутать след из-

вестны, пожалуй, любому охотнику — это скидка-прыжок (смётка) с основного пути в сторону на 3—5 метров, за куст, на оголенный от снега пяточок земли, а также «двойка» (тройка) — это когда русак, пробежав некоторое время по прямой, возвращается тем же следом и делает смётку. Если прозевал смётку, идя вдоль следа зайца, не обратил внимания, что идешь уже по «странному» — двойному следу, то наткнешься на тупик. Чертыхнешься, но делать нечего, надо опять возвращаться и искать смётку. А зимний день — короткий. Но заяц не был бы зайцем, если бы набор его хитростей на этом кончался. Он живет рядом с человеком и его местные охотники давно бы выбили. Русак горазд и на другие приемы спасения своей жизни. В частности, он очень хорошо умеет оторвать от себя преследователя тем, что может проскочить по бровке борозды, где нет снега, по какой-либо балке, бревну, по корочке льда, где не остается следа, по торной дороге. Чтобы найти продолжение следа, надо обрезать это место по кругу. Иногда несколько раз, с захватом все большей площади. И еще. Много зайцев упущено охотниками по одной простой причине. Считаю, что зайчик — трусишка, и если прошел около его лежки в 15—20 метрах — он вскочит и бросится улепетывать. Как бы не так! Заяц не трус, а зверь с крепкими нервами. Нам бы такие. У меня было множество случаев, когда вытروпив русака, долго не мог выгнать его из-под какой-либо кучи нагроможденных балок, бревен, плит, из-под надува снега в мелиоративной кана-

ве. Не помогает здесь ни хлопание в ладоши, ни крики «кышш», ни свист. Сидит, пока не наступишь на него. А наступить не всегда возможно. Я даже подозреваю, что он сидит в укрытии и ухмыляется в ответ на мои крики. Вот тебе и трус...

Итак, о технике тропления. Прибыть на поле желательно пораньше, с утра. «Копаться» в жировочных следах на поле — дело почти безнадежное. Здесь легко запутаться или перескочить на «чужого» зайца. Подозреваю, что многие бросили затею вытропить зайца именно после безуспешных попыток распутать след на жировке. Особенно это трудно в многоследицу. Надо «обрезать» поле и искать выходной след с жировки на лежку (вот для чего нужно различать характер следа). И здесь, конечно, можно ошибиться, но на то она и охота. Ищи другой след...

Итак, след повел с поля в мелколежье, затем вдоль канавы на другое поле и повел куда-то по дуге. Это уже петля. По ней идти надо. Здесь ничего не срежешь, эта петля может перейти в двойку, не прозевав смётку — сокращаем путь и выходим на вторую петлю, которая опять переходит в двойку (тройку), затем можем вырुлить на третью петлю.

Вариантов здесь множество. Хотя приемы одни и те же, но в разных комбинациях. Вот прошли 2—3 петли, 1—2 двойки, тропим дальше. Но — парадокс! Тропление как таковое здесь и кончается. Вот где, воистину, надо вовремя остановиться. Это главный секрет, изюминка! Тот, кто продолжает тропить до самой лежки, тот никогда не принесет зайца. Дело в том, что перед самой лежкой русак особенно мудрствует, петляет на небольшом участке 100—200 метров в диаметре. А ложится в укромном месте у своего следа. И если идти, вперившись взглядом в след, — русак, пропустив охотника, спокойно (незамеченным) убегает. Охотник же, распутав след до конца, с удивлением и горечью обнаруживает еще тепленькую лежку. И вдобавок вдруг видит, что он только что прошел мимо нее в 5—7 метрах. Это «коронная» ошибка начинающих (и не только их).

Как только прошли основные петли и двойки — след надо бросить. Сделать это непросто. Он притягивает как магнит. Голову надо поднять и обходить подозрительные места, закручивая (обрезая) их по спирали (улиткой) против часовой стрелки. Идти надо сверхосторожно. Головой вращать все время как локатором. Заяц внезапно вскочит впереди, если ваш путь случайно напорется на лежку. Как правило, вы увидите русака, вскочившего будто пружина где-то сзади или сбоку. Здесь помогает боковое зрение. Если заяц вскочил близко — не надо горячиться, надо отпустить, а затем бить с поводкой. Если вскочил далеко — бить немедленно. Если заяц сразу не закувыркался — надо внимательно рассмотреть,

Трудовой трофей

Фото А. Живцова

реть, как легла дробь, нет ли особенностей в его беге (ранение). Бывает, что русак падает, растянувшись на снегу, через несколько метров.

При промахе, к тому же при приближении вечера, лучше не начинать все заново. Вряд ли успеете качественно повторить весь цикл. Скорее всего второпях только напортачите. Лучше проанализировать сегодняшние ошибки,

чтоб не повторять их в следующий раз.

Эта охота повышает личную самостоятельность. Надеяться здесь не на кого. Допустил ошибку — вини только себя. Походить придётся много. В среднем за день около 20 километров. Прибавьте к одной удачной охоте 1—2 пустых и станет понятно сколько времени и сил требуется для добычи одного русака.

Потерялась собака

В Новосибирской области в Сузунском р-не недалеко от границы с Ордынским р-ном в начале ноября потерялся кобель западносибирской лайки по кличке Тайшет.

Любую информацию сообщать по тел.

**+ 7-605-945-99-81,
+ 7-906-193-99-90,
8 (38345) 71-650,
8 (38345) 24-887**

**Долгушину
Анатолию Юрьевичу
Вознаграждение гарантирую**

Жизнь, отданная охотничьему хозяйству и охране природы

К 85-летию П.Д. ИВАНОВА

В прошлом году исполнилось 85 лет старейшему Ленинградскому (Петербургскому) охотоведу, Почетному члену ЛОООиР, Почетному члену ассоциации Росохотрыболовсоюз, Заслуженному работнику охотничьего хозяйства России — Павлу Дмитриевичу Иванову. На руководящих должностях в Управлении охотничьим хозяйством и в Обществах охотников области он проработал 60 лет, из которых 33 — в Госохотинспекции (в дальнейшем переименованной в Управление охотничьего хозяйства) при Леноблисполкоме.

П.Д. Иванов родился 20 августа 1925 г. в дер. Большие Шатновичи Лужского р-на Ленинградской обл., где и прошло его детство. Родители — из крестьян. Имели лошадь и корову, которая давала 7 л молока. В 30-м г. «попали под раскулачивание», отобрали скотину, но, слава Богу, самих не тронули. Нужда была страшная и в 1932 г. мать подалась на заработки в Ленинград, где жила у родной тети и перебивалась на разных временных работах. В 1934 г. приехала за мужем и двумя детьми в деревню и перевезла их в Ленинград.

Летом 1941 г. детей отправили отдыхать к бабушке в родную деревню. Грянула война. Отец ушел на фронт, где вскоре погиб, а мать, перед самым приходом в деревню немцев, приехала за детьми и сложными путями, где пешком, где на поездах-подкидывах добралась с ними до Ленинграда. Здесь Павлик поступил учиться в 9-ю специальную артиллерийскую школу, ощутил все тяготы блокадной зимы 1941—1942 гг. Неизвестно, как могла сложиться судьба будущего оховеда, если бы в конце зимы школу не эвакуировали в Горную Шорию Кемеровской обл. Закончив ее в 1944 г. Павел Дмитриевич по распределению попадает на Южный Урал в город Белорецк во 2-е Ленинградское артиллерийское училище, где учащиеся занимались на «Ускоренных курсах» подготовки младших командиров. Весной 1945 г., получив звание мл. лейтенанта, молодой офицер был направлен в Германию для прохождения воинской службы. В конце зимы 1947 г. демобилизовался и возвратился в Ленинград.

П.Д. Иванов в свободное время увлекался спортом, рыбалкой и охотой. В 1945 г. участвовал в Спартакиаде Ленфронта, многократно выступал по разным видам спорта в областных и Всесоюзных соревнованиях. Еще мальчишкой испытывал постоянную тягу к охоте, используя для этой цели такие «оружие» как рогатка, лук и разные самодельные-насторжки. Первым серьезным трофеем был лесной хорь, ко-

Павел Дмитриевич Иванов с добытым лосем

торого 7-летний Павлик поймал в дровах за хлебом в ящичную ловушку, подаренную ему дядей. На деньги, полученные в г. Луга у приемщика пушнины, были куплены первые в жизни калоши.

После демобилизации пришло время подумать о выборе гражданской профессии. Постоянно тянуло к охоте, хотелось быть полезным в деле охраны природы, но неоднократно перелистав справочники для поступающих в вузы Ленинграда и не найдя в них факультета, где бы готовили охотников, отдал предпочтение второму своему увлечению — спорту.

Уже будучи студентом 2-го курса Ленинградского ин-та по физической культуре и спорту им. П.Ф. Лестгафта, Павел Дмитриевич узнал о том, что в Москве существует Пушно-меховой институт (МПМИ) с факультетом охотоведения и звероводства, куда сразу же и поступил на заочное отделение. В 1951 г., закончив институт физкультуры и спорта, он получает из МПМИ предписание о необходимости продолжения учебы. Устраивается на должность старшего охотинспектора в Управление охотничьего хозяйства при Леноблисполкоме.

Заслуги П.Д. Иванова в деле сохранения природы и развития охотничьего хозяйства Ленинградской обл. велики. С 1951—1953 гг. он работал ст. госохотинспектором Управления охотничьего хозяйства, с 1954—1955 гг. — инструктором-охотоведом спорткомбината ЛОСО «Динамо», с 1955—1985 гг. — ст. охотоведом Госохотин-

спекции при Леноблисполкоме. В 1991 г. (уже на пенсии) был назначен начальником отдела охотничьего хозяйства, производства и реализации продукции Управления охотничьего хозяйства Леноблисполкома. С 1994 по 2004 г. работал в должности председателя правления Смольнинского межрайонного общества охотников и рыболовов, а с 2004 г. и по настоящее время — Член Совета и Правления Межрегиональной общественной организации ЛОООиР.

За годы трудовой деятельности в системе охотничьего хозяйства Ленинградской обл. под руководством П.Д. Иванова создан институт общественных охотничьих инспекторов. Это была 1,5-тысячная армия защитников фауны, кандидатов в которую рекомендовали общие собрания охотколлективов. Как и штатные егери, инспекторы имели право составлять протоколы на нарушителей. На их долю приходилось 2/3 выявленных фактов нарушения правил охоты.

П.Д. Иванову принадлежит инициатива вывода из списка «вредных хищников» медведя и рыси, за отстрел которых в любой сезон выплачивали премии. Он ввел в действие по Ленинградской обл. лицензионную добычу медведя и установил жесткие сроки охоты на рысь. Организовал бригады охотников-волчатников, которые действовали в местах наибольшей численности хищников. По его просьбе в 1956 г. Главохота РСФСР впервые в стране поручила Ленинградской Госохотинспекции использовать

препарат фторацетат бария для уменьшения высокой численности волков, приносящих в те годы огромный ущерб охотничьей фауне и сельскому хозяйству. Результат был успешным: только за 1956 и 1957 гг. в области было уничтожено около тысячи волков.

В 1960—1961 гг. под его руководством проводилось охотустройство государственного резервного фонда охотугодий и за 2 года было спроектировано 332 охотничьих хозяйства, которые были закреплены за коллективами охотников для ведения охотничьей деятельности. В начале 70-х гг. удалось разработать и устроить по всей территории области порайонную систему государственных видовых охотничьих заказников, которые просуществовали до 2004 г. Заслуга П.Д. Иванова — организация работ по внутриобластному расселению европейского и пятнистого оленей, по добыче пушных зверей в угодьях Ленинградской обл. Охотколлективы обязаны были сдавать ежегодно государству пушную продукцию.

Павел Дмитриевич — мыслящий и коммуникабельный человек, постоянно советовался со специалистами зоологических и охотоведческих научных организаций, поддерживал связь со всеми сотрудниками Западного отделения ВНИИОЗ, обсуждая и внедряя в производство передовые идеи и разработки ученых. Вместе с ними он отработывал новые методики учета охотничьих животных и совершенствовал ловушки для животолова бобра и ондатры, способствовал созданию картотеки охотников-корреспондентов, представляющих сведения о состоянии запасов промысловых видов, ввел систему ежегодного учета охотничьих зверей и птиц в области и временный запрет на добычу европейской норки, ставшей редкой в пределах всего ареала вида.

Иванов участвовал в первом выпуске речных бобров в области в 1952 г., разработал программу заселения ими всех пригодных для обитания водотоков. Звери прижились и уже в начале 60-х гг. начался их лицензионный отлов. Ему принадлежит и «пальма первенства» обнаружения канадского бобра в Ленинградской обл. Отловив в 60-х гг. двух «подозрительных» по окрасу зверей, он отправил их черепа в Воронежский госзаповедник известному знатоку бобров ст. научному сотруднику Л.С. Лаврову и получил заключение, что они относятся к канадскому виду, небольшая партия которого еще в 30-х гг. была выпущена в этой местности финскими зоологами. Это дало Павлу Дмитриевичу основание выйти с предложением в Главохоту РСФСР осуществить плановый отлов канадских бобров и начать ра-

боты по их переселению в дальние регионы нашей страны, туда, где отсутствовали особи европейского вида. Данное предложение приняли и уже на следующий год 20 первых отловленных животных отправили самолетом в Хабаровское охотуправление. В дальнейшем за короткий период 450 канадских бобров были расселены в угодьях Хабаровского края, Амурской обл., территории Камчатки и о. Сахалин.

Огромное практическое значение имели и совместные работы Павла Дмитриевича со ст. научным сотрудником Западного отделения ВНИИОЗ Альшулем М.П. по внутриобластному расселению бурой и черной ондатры; последнюю отлавливали большими партиями для отправки на водоемы Псковской и Новгородской обл., в Калмыкию и Ставропольский край. П.Д. Иванову принадлежит инициатива по внедрению в практику промысла ондатры, закрепление занятых ею угодий за лучшими охотниками-капканщиками. Благодаря этим мерам заготовка шкурок ондатры всегда оставалась на стабильно высоком уровне.

За годы работы юбиляр прочел десятки лекций на тему охраны природы и ведения охотничьего хозяйства на сборах охотоведов и егерей, в коллективах охотников, опубликовал огромное количество статей и фотографий. Является членом Клуба фотоохоты ЛОООиР, участник фотоконкурсов Росохотрыболовсоюза, 4-х Международных выставок охотничьих трофеев. В охотничьих сборниках и журналах им опубликовано около 30 науч-

ных и научно-популярных статей.

Павел Дмитриевич — ветеран Великой Отечественной войны. Имеет медаль «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другие правительственные награды. Получил удостоверение «Жителя блокадного Ленинграда». За большой вклад в развитие охотничьего хозяйства награжден 6-ю Почетными грамотами Леноблисполкома, 4-мя Почетными грамотами Главохоты РСФСР, серебряной медалью ВДНХ, Большой Памятной медалью Всероссийского общества охраны природы и 32-мя Почетными грамотами Роспотребсоюза за сдачу государству пушнины.

Интеллигентный, колоритный и обаятельный Павел Дмитриевич Иванов прекрасный рассказчик и слушать его одно удовольствие. Слава Богу, он и теперь, преодолевая жизненные невзгоды, не бросает ружье, капкан, лыжи и к нашему удовольствию часто появляется еще и в кругу друзей.

Многолетние друзья и коллеги Павла Дмитриевича поздравляют дорогого Юбилера, высоко ценят его заслуги в деле охотничьего хозяйства, профессионализм, доброжелательность, отзывчивость и постоянную готовность передавать свой богатый опыт молодым охотоведам, желают оставаться все таким же энергичным, неутомимым и жизнелюбивым. Здоровья Вам, Павел Дмитриевич, многих и плодотворных лет жизни, ну и, конечно же, новых охотничьих удач, встреч и впечатлений.

И. ТУМАНОВ, В. СМЕЛОВ,
А. КОЖАЕВ

Производим и реализуем

КАПКАНЫ КА-2

для отлова соболя,
куницы, белки,
хоря, колонка.

610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

Наш адрес и телефон
101000 Москва, Потаповский переулок, д. 3. Тел. (495) 641-02-28

Промысел белки с лайкой

С. БОГАТОВ, Иркутская обл.

Печально, но факт, по многим причинам охота на белку сегодня не пользуется той популярностью, какая была в 70-е — 80-е годы. Промысел белки сегодня стал нерентабелен. Главная причина — экономическая. Низкие закупочные цены, высокие цены на боеприпасы и продукты, дорогой завоз в угодыя и т.д. Это неминуемо приведет к сокращению поголовья лаек, работающих по белке, и существует реальная опасность исчезновения чисто беличьих собак. И если на экономическую составляющую промысла белки трудно повлиять, то в наших силах усилить популяризацию охоты и промысла белки путем проведения различных племенных мероприятий (например, состязаний различного уровня). Кроме этого, многие охотники, особенно молодые, не осознают до конца, какое сокровище попало к ним в руки в лице белячатницы, т.к. не знакомы с некоторыми особенностями промысла белки. Я надеюсь, что эта статья напомнит некоторые маленькие секреты промысла белки и послужит популяризации удивительно азартной и красивой охоты на белку с лайкой.

При промысле белки с собакой основным средством производства является лайка. Разберем работу собаки по некоторым элементам работы.

Чутье. Для большинства лаек характерны два основных направления или способа работы по белке (хотя крайне редко и встречаются собаки, способные работать и тем, и другим способом) — охотники называют их — работой «низом» или «верхом».

При работе «верхом» собака пользуется в основном слухом. При этом она способна четко фиксировать нахождение зверька порой на очень большом расстоянии (я отмечал до 200 м). С собаками, работающими «верхом» очень добычливо охотиться когда белка находится наверху (при урожае различной шишки), но при урожае грибов охота с такой собакой мало эффективна, т.к. белка вся на полу и искать ее на слух без толку. Кроме того, лайки, работающие «верхом» меньше ошибаются в мороз, когда запах быстро «вымерзает» и по следу сложнее найти белку.

При работе «низом» лайка для обнаружения зверька использует в первую очередь обоняние и находит белку по запаху. Или следом, или по частичкам посорки при кормежке зверька на дереве, или перемещении верхом. Такие собаки имеют уникальный нюх. В сезон, когда белка кормится на полу, охота с такими лайками самая добычливая. Но в морозную погоду они проигрывают лайкам-верховикам, т.к. запах быстро вымерзает, кроме того, в мороз очень шумно и белка, далеко ус-

лышав собаку, затаивается. Очень редко встречаются собаки, способные работать и тем, и другим способом.

Вообще о работе в мороз следует сказать отдельно. Выражение «стабильность — признак мастерства» четко характеризует требования к работе лайки именно в морозную погоду. Дело в том, что многие охотники максимальное количество белки добывают в бесснежное время осени. При выпадении снега (появляется кухта) и наступлении морозов добычливость резко снижается. А т.к. добычливость на промысле белки в первую очередь зависит от работы собаки, то собаки у таких охотников слабые. Если вы добываете 20 белок в начале осени, а в мороз 2—3, то ваша собака не великий белячатник. А если соотношение добычливости 20—25 в тепло и 12—15 в морозную погоду, то в этом случае вам крупно повезло и вы владеец настоящей беличьей собаки. В массе в мороз чаще ошибаются собаки, работающие «низом» и добычливость с ними снижается больше. Лайки с верхним чутьем в мороз предпочтительнее. Собаки, не умеющие работать в холодную погоду, ведут себя по-разному: или делают много пустых поалаек, или, если не уверены до конца, что зверек на дереве, не подают голоса. При этом результат только один — добычливость резко снижается. К сожалению, и в промысловых районах собак, способных продуктивно работать в мороз, не так много, и многим охотникам приходится растолковывать, что необходимо не разводить своих слабых собак, а стараться взять и вырастить щенка от сильных белячатников и уже его пускать в разведение. Поэтому я категорически против положения наших правил испытаний по белке, где сказано, что испытания не проводятся при температуре ниже 20 градусов Цельсия. Не проверяя способность работать в морозную погоду и не выбраковывая таких лаек, мы сознательно разводим слабых собак.

Отдельно хочется сказать о верности чутья. Это злободневная тема, которая очень часто обсуждается охотниками. За свой 25-летний стаж промысла белки я не видел собак, которые не ошибаются ни разу. Если охотник говорит, что его собака никогда не врет, то он либо говорит неправду, либо его лайка из 10 возможных белок находит только 3 и то, когда наткнется на них. И причин тут много: неопытность собаки, мороз, ветер, большое количество собак, создающих много шума, и т.д. При множестве причин выход только один — жестко пресекать вранье. Хотя верность чутья базируется на наследуемых признаках лайки, но охотник может повлиять на него сво-

им правильным или не правильным поведением. Так можно испортить собаку с хорошим чутьем и отучить врать лайку со средним или слабым чутьем, что необходимо в практической работе на промысле. Работу по становлению верности чутья начинают с щенячьего возраста и поддерживают весь период охоты с собакой. При охоте с молодой лайкой я сначала стараюсь обойти дерево со всех сторон, пытаюсь обнаружить зверька. Если дерево невысокое и я уверен, что белки там нет, то применяю свой главный аргумент — добрый посох. Если я не уверен до конца, то стреляю по дереву 1—2 раза из малокалиберного ствола. Не обнаружив зверька, собаку не бью, но ругаю и отзываю. Лучше не добыть 1—2 белки, которые ты не смог обнаружить, чем потом попусту потратить время и боеприпасы на обстреливание и осмотр 10 деревьев, на которых зверька нет и собака на них лает только потому, что видит мой интерес к этим деревьям. Такой «синдром вранья» закрепляется, если охотник начинает стучать по дереву топором, палкой или другим способом старается выпугнуть зверька, которого там нет. Этого делать нельзя. К сожалению, в азарте добыть охотник этим пренебрегает и сам стимулирует собаку не обязательно обнаруживать белку. Быстро закрепляется условный рефлекс на интерес охотника и дело доходит до того, что лайка начинает лаять на дерево, даже когда хозяин его просто разглядывает. Это, конечно, крайний вариант и таких собак устраняют. Вообще, как бы ни казалось жестоким такое воспитание, на промысле только так можно добиться верности чутья. И охотник должен знать, что всегда можно найти причину, чтобы оправдать вранье собаки и не наказывать ее, но при этом добычливости не будет, а на промысле это не допустимо. Лично я, если даже вижу белку, а лайка не дает голос, крутится под деревом, еще не доислав зверька, не стреляю, а иду мимо или останавливаюсь в стороне. Если собака залает, то я вернусь, но при этом исключается возможность закрепления «синдрома вранья».

Как это не покажется странным, но большее количество белки в районах, где обитает еще и соболь, добывается не с чисто беличьими собаками, а с молодежью. Молодые лайки очень азартны, нестемчивы и с удовольствием работают по белке (если хозяин это не пресекает) пока не начинают с возрастом переключаться на соболя или лося. Характерная особенность промысла с молодежью та, что наряду с интенсивной охотой еще необходимо параллельно вести их обучение и дрессировку. При этом молодые охотники,

настраивая» щенка, должны знать такую особенность работы первоосят, как частые проверки.

Собака находит белку или даже загоняет ее на дерево и начинает облаивание. Белка затаивается и не проявляет себя. Если хозяин быстро не смог подойти, щенок начинает сомневаться и снова пытается доискать зверька. Убедившись, что белка на месте — продолжает облаивание. В этот момент белка может переместиться или собака слышит другого зверька при высокой численности белки и бросает уже найденного зверька. В такой ситуации щенок еще не заражен «синдромом вранья», просто сказывается недостаток опыта. Охотник должен разобраться и не наказывать собаку. В таких случаях, убедившись, что щенок проверяет и ошибается, я стараюсь как можно быстрее к нему подойти, или, вытравив место где он лаял до этого, начиная шумно добывать белку (например, стреляю 1-2 раза мимо дробью), лайка возвращается на выстрел под дерево и в ее присутствии добываю зверька. При проведении такого несложного тренинга щенок быстро набирает опыт и отвлекается на проверку все меньше и меньше.

Следующий элемент работы — **поиск**.

В нашей охотничьей литературе считается аксиомой, что поиск у бельчатницы должен быть не широкий и не глубокий, на кругах или челноком. При проведении охоты так оно скорее и должно быть, но на промысле несколько другие законы. Здесь охотник должен добыть максимальное количество пушнины с минимальными физическими и материальными затратами. И все здесь, начиная с работы собаки и кончая рационом питания самого охотника, подчинено этому закону.

С моей точки зрения, поиск лайки при промысле белки — величина регу-

лируемая, и зависит от мастерства собаки и численности зверька. При высокой численности белки хорошая бельчатница просто не может далеко оторваться от охотника, т.к. делает полайку за полайкой. А при низкой численности поиск увеличивается в ширину и глубину, т.к. собака стремится найти белку и ею движет неумный охотничий инстинкт. Если лайка не уходит от хозяина дальше 50—100 метров, то когда белки мало охотник просто наводит собаку на зверька, а должно быть наоборот — собака ведет поиск пока не найдет белку. На промысле это необходимо по следующей причине. Дело в том, что на полайку охотник идет быстрее, чем просто по охотничьему маршруту, и когда лайка ведет поиск сообразно условий (плотности белки), за световой день добыча будет выше, чем если охотник наводит собаку на зверька. Для иллюстрации всего вышесказанного хочу привести два примера.

В октябре 1993 года я шел во второй половине дня в сторону зимовья по геофизическому профилю. Две собаки «улетели» вперед и метрах в 300 залаяли на белку прямо у профиля. Со мной осталась сука Яна 4-х лет. Она нашла белку в 50 метрах справа по ходу. Я оставил котомку на профиле и добыл зверька. В следующие полчаса добыл еще 7 белок, причем каждый раз, выходя на профиль, я видел свою понагу. Большая численность белки и высокое мастерство собаки просто не давали уйти. А в этот момент две другие лайки облаивали добычу в 300 метрах от меня.

В сентябре 2002 года мы проводили Жигаловские районные испытания по белке. В первый пристрелочный день отработали до обеда и решили переехать в другие угодья, т.к. зверька было мало. Мой кобель Скиф (3 года) на-

шел 2 белки в первом запуске. После переезда кобеля пустили во второй запуск, и 20 минут комиссия проходила сама по себе. Собака не появлялась и не лаяла. Уже решили идти на табор, когда кобель залаял метрах в 400 внизу у кромки поля. После отработки этой белки мы продолжили маршрут вдоль поля, пес нашел еще 2 белки и получил диплом первой степени. Он просто обыскал угодья где ходила комиссия, т.к. зверька не было — расширил поиск, уходя от хозяина, пока не нашел белку. Как потом оказалось, белка скопилась именно вдоль полей на мелкаче. Если бы кобель работал в 50—100 метрах от охотника, мы бы ничего не нашли, т.к. нам и в голову не приходило спускаться к полям.

Как на бельчий охоте, так и на промысле очень нежелателен прямолинейный поиск. При таком поиске собака не достаточно плотно обыскивает угодья и вместо планомерной работы по добыче белки получается беготня по лесу, особенно если маршрут проложен по профилям, дорогам или тропам.

Служба. К сожалению, в последнее время приходится слышать мнение, что при проведении испытаний по белке служку необходимо исключить из проходных элементов работы из диплом. При этом мотивация такая, что на промысле охотник никогда не гоняет белку, а старается ее быстро добыть. Этого категорически нельзя делать! Конечно, промысловик белку не гоняет, но вот какая незадача: она сама (белка) иногда бежит верхом многие сотни метров, не только после первого промаха, но в некоторые годы просто так, без видимых причин. И если собака не следит зверька или следит плохо, то при промысле с такой лайкой будет много пустых полаек и большие затраты времени и боеприпасов.

Характер облаивания. Также очень важный элемент работы лайки по белке. Дело в том, что период промысла белки с собакой очень короткий. Это страдная пора. Охотник старается работать без выходных, чтобы добыть максимальное количество пушнины. Количество добытой пушнины, кроме трудолюбия охотника, зависит от скорости работы собаки и быстроты добычи каждого отдельного зверька. В идеале белка должна добываться с первого выстрела, и охотник должен тратить как можно меньше времени на ее обнаружение. А это, в свою очередь, напрямую зависит от характера облаивания. Поведение собаки под деревом может либо облегчить, либо сильно осложнить обнаружение и добычу зверька. Это особенно актуально при охоте в смешанной или темной тайге. Лично я более 20 лет охочусь в кедровнике, и этот элемент работы считаю наиважнейшим.

По нашим охотничьим канонам, описанным в литературе, собака должна аккуратно облаивать белку чуть в стороне от дерева, четко следить за ее перемещением, при этом занимать позицию, оптимально позволяющую

Западносибирская лайка в горах

Фото С. Зуева

контролировать зверька. Это идеал, и я полностью согласен с этим. Но, к сожалению, промысловые собаки не редко так не работают. И в этом отношении я ставлю выше собак заводского разведения. Приходилось охотиться и с теми и с другими, при этом лайки промысловых районов явно проигрывали.

Факторов, влияющих на характер облаивания, множество, это в первую очередь наследственность, азарт и горячность собаки, ревность к другой лайке под деревом и т.д. Опять же, при множестве причин, итог только один, когда собака лает прямо под деревом, прыгает на него, грызет сучки, то белка пугается, и обнаружить ее в кедре бывает очень сложно. А в дальнейшем это еще осложняет и добычу, т.к. напуганная собакой белка после первого же неверного выстрела начинает либо таиться, либо убегать.

Здесь мне хочется описать одну аномалию, отмеченную мною у промысловых собак. Дело в том, что иногда встречаются лайки, которые, в зависимости от ситуации, не лают совсем. Так, например, если собака слышит, что я иду на нее, то она не подает голоса. Бывает, идешь, видишь — сидит лайка, над ней белка. Такие собаки имеют очень уравновешенный тип ВНД. Как ни странно, но такое не лаечное (от слова лаять) поведение не мешает на промысле, а иногда, при охоте в темнохвойной тайге, это даже удобно. Чем руководствуется собака в такой ситуации я не могу сказать, но зверек такого поведения не пугается, а, бывает, сидит в 4—5 метрах от земли и делает вид, что затаился (какой-то гипноз). И что самое интересное, та же самая собака в другой ситуации нормально делает полайку согласно лаечным канонам. Такого «молчалника» заметно со щенячьего возраста. Первоосенок активно интересуется запахом, видом зверька, но не лает. Его нет нужды стрелять, лучше попробовать «разговорить» такую собаку.

Отношение к убитому зверьку. Это очень злободневная и большая для меня тема. Я 18 лет проработал заведующим Константиновским производственным участком Жигаловского зверопромхоза. Участок был «беличьей империей» (заготавливали в сезон до 35 тысяч белки). И вопрос качества шкурок белки был первостепенным. У беличьей шкурки два самых серьезных дефекта — кровь на волосе и плешина. Вся белка у нас добывается с собакой и плешины в большинстве случаев результат не правильного отношения лаек к убитому зверьку. Дело в том, что у белки очень слабый волос, особенно у горячей тушки. Иногда плешины получают при падении убитого зверька с дерева. А если лайка схватит тушку, то плешина появится почти со 100% вероятностью и это резко снизит стоимость шкурки. Поэтому закон промысла белки полностью противоречит правилам испытаний. На промысле тушка

белки для собаки табу. Об лайку сломано столько посохов, что ее нормальная реакция при падении убитого зверька — тут же искать другого. Этого охотник добивается жесткими, порой жестокими методами. Крайний вариант — собаку, хватающую белку, отстреливают, ибо она не столько найдет зверьков, сколько испортит. Лайку бьют, кидают под выстрел, когда есть возможность, горячую картофелину, в картофель втыкают гвозди, морозят такого ежа и в лесу также подбрасывают под выстрел сильно хватающую собаке. И если на соболиной охоте хватающую собаку можно привязать, то на промысле белки охотник никогда такого делать не будет — слишком много временных затрат. Проще застрелить такую собаку и вырастить щенка.

У меня в практике был такой случай. Один опытный охотник пришел сдавать 300 беличьих шкурок. Сортируя пушнину, я обратил внимание на большое количество плешин, при этом отпечатков зубов на мездре я не нашел ни на одной шкурке. Зная опытность охотника, я выразил свое удивление количеством плешин неизвестного для меня происхождения. Помывшись, охотник рассказал, что вся пушнина добыта с одним щенком. Это очень милая и ласковая собака, и хозяин позволял ей в порыве азарта, просто тыкать тушку носом, как свинья рылом. Итог такого «тыкания» — общая стоимость пушнины снизилась на 20 %. После такого горького опыта я категорически против любого касания беличьей тушки собакой.

Каким бы уникальным и бесценным средством производства ни была охотничья лайка, это только инструмент. И этим инструментом нужно уметь пользоваться. В умелых руках собака — уникальное средство для добычи

ливой охоты, в неумелых — бедолага, которую не ценят, попусту эксплуатируют и никогда не дадут полностью раскрыть свои охотничьи таланты. Поэтому главная фигура на промысле — охотник.

Промысел белки это такая же работа, производственный процесс, как, например, уборка урожая в сельском хозяйстве. Только при четкой организации труда охота становится промыслом, а не призрачной погоней за фартом. Правильная организация промысла включает в себя множество различных аспектов: это и время заезда в лес, и знание участка, и организация рабочего дня, и рациональная техника добычи, и, наконец, правильная обработка пушнины.

Пусть меня простят надзорные органы, но время заезда в лес и начала промысла охотник-промысловик должен решать сам. Заезд лучше производить по возможности раньше на 5—7 дней до начала промысла. До начала охоты необходимо подремонтировать зимовья, напилить дров, разнести по избушкам продукты, боеприпасы, собачий корм, промять собак. Если есть время, то провести предварительную разведку участка на предмет определения концентрации белки и ее спелости. Для белки характерны местные, локальные концентрации в пределах одного охотничьего участка. Эти места необходимо выявлять. Такая информация позволит добиться максимальной добычливости. Если нет возможности произвести разведку до начала охоты, то это нужно сделать параллельно с началом промысла. Охотник планомерно посещает все урочища участка и определяет места наибольшей плотности зверька, а потом начинает методично обрабатывать эти участки.

Период промысла белки с собакой

Лайка облаивает белку (отроги Саян)

Фото А. Твердохлебова

очень короткий и важно использовать продуктивно каждый день нахождения в лесу. Поэтому охотник должен вовремя начать добычу. Время начала промысла он определяет по спелости белки. Никогда промысловик не выйдет на охоту, если белка не выходная. Причина простая — стоимость не выходных шкурок (II и III сорта) низкая и все ваши физические и материальные затраты при добыче низкосортной продукции не окупятся. Кроме того, и общее количество I-сортных шкурок будет меньше, т.к. из популяции будут изъяты особи с еще не вышедшей шкурой.

При определении спелости белки охотник должен учитывать то, что на мысах и поймах рек белка спелет раньше, чем в кедровниках на хребте. Причин тут несколько. На хребте теплее, чем внизу, в кедровниках больше кормов, собирается больше молодняка, который спелет позднее. Поэтому в начале осени я всегда стараюсь в первую очередь обстрелять уголья на мысах. Численность белки здесь, как правило, ниже, чем в кедровниках, но количество первосортной белки в начале осени достигает 80—90 %.

Организация рабочего дня охотника зависит от активности зверька. В начале осени белка активна в течение всего светового дня. Активность несколько снижается в период 12—14 часов. В это время можно сварить чай, отдохнуть и дать отдохнуть собакам. В морозное время активность белки ограничена примерно с 10 до 15 часов. И чтобы добиться хорошей добычливости необходимо этот отрезок времени отработать без перерыва, а после 15 часов можно смело идти в зимовье, т.к. белка уходит отдыхать и дальнейшая охота будет малодобычлива.

Осенняя погода часто очень переменчива. Мороз сменяется оттепелью, в последние годы нередко идет дождь в конце октября. Это часто приводит к образованию льдистой корки на снегу — чира. Чир — страшнейший враг лайки. Охотничий инстинкт гонит собаку в поиск и она до крови ранит лапы. Первейшая обязанность охотника — сохранить здоровье своей собаки. В чир на охоту с утра выходить нельзя. В лес можно идти только ближе к обеду, температура воздуха повысится и чир смягчится. Обычно с утра до обеда в такую погоду мы стараемся сделать все таборные дела (сварить собакам, себе, зарядить патроны, починить снаряжение и т.д.). При этом я постоянно выхожу и пробую снег; как только он смягчится, можно выходить на охоту. Кроме того, в чир очень шумно, белка далеко слышит собаку и затаивается. Так что, кроме опасности покаречить собаку в такую погоду, как правило, низка и добычливость. Приведу такой пример. Однажды в чир я вышел из зимовья в 13 часов дня. В 14-30 на границе участка я встретил соседа. Он вышел из избушки в 9-00 и к нашей встрече добыл 4 белки. Его собаки сразу упали на землю и, пользуясь передышкой, стали зализывать раны на лапах, кото-

рые сильно кровоточили. Я к этому времени добыл 5 белок и мои собаки то и дело задирали собак соседа, у которых не было сил даже отгрызаться и нам пришлось гонять моих собак посохами.

Если чир очень сильный, как бы не хотелось идти в лес, необходимо переждать день-два. Он либо перемерзнет, либо его присыплет свежим снегом. Это не просто, т.к. времени на охоту мало, и охотник боится «пролететь» с добычей. Но здесь должен возобладавать трезвый холодный расчет. Только сохранив лапы собак, можно будет продолжить промысел и требовать от собак полной отдачи.

У белки есть одна особенность, когда ударят первые морозы, зверек становится очень тайким. Это продолжается буквально 1—2 дня. Потом белка «обмерзнет» и снова ведет себя, как и прежде, даже в более морозные дни. Так вот в такие первые морозы не грех выйти когда «степлит», чуть позднее, чем обычно. И не надо отчаиваться, если в такие дни охота не очень добычлива, и не стоит наказывать сильно собак. Через 1—2 дня все встанет на место.

После выявления мест локальной концентрации белки необходимо их методично осваивать. При этом нужно учитывать, что в пасмурные, серые дни охотнику труднее обнаружить зверька на высокоствольных густых деревьях (кедр, пихта, ель). Зато в солнечную, ясную погоду видимость отличная и белку хорошо заметно на трудно просматриваемых деревьях. Поэтому в пасмурную погоду лучше планировать охотничьи маршруты по мелкому или светлохвойному лесу. А в ясную — смело идти в высокоствольный кедровник.

Вообще о планировании охотничьих маршрутов следует сказать отдельно. На промысловой охоте все передвижения охотника должны проходить по угольям с максимальной численностью зверька. Многие охотники, особенно молодые, наметив ход от пункта А до пункта Б, стараются пройти его с максимальной настойчивостью, не обращая внимания на плотность белки. Лично я грешил этим очень многие годы. На промысел человек пришел работать, а не бегать по угольям. Поэтому он, попав на уголья с высокой численностью белки, может ходить кругами, зигзагами. Некоторые охотники, запустив собаку в поиск, садятся на колоду и ждут, когда она залает. Так сберегаются силы охотника и собаки, и плотно обрабатываются уголья.

Техника добычи. Она включает в себя процесс обнаружения и отстрела зверька. Об обнаружении мы уже немало говорили выше. Хочется только обобщить. Указанное лайкой дерево необходимо обойти со всех сторон и хорошо просмотреть. Делать это желательно без лишнего шума (топанья, хруста валежника и т.д.). Если белка затаилась, ее нужно выпугнуть. Для этого лучше всего подходит резкий щелчок кнута или выстрел из малока-

либерного ствола. Использование топора и большой жерди в темной хвойной тайге дает желаемый результат, если ходишь вдвоем с напарником. А в одиночку этот прием не всегда эффективен, т.к. белка чаще всего проявляется после первого резкого удара, и из-под дерева ее трудно заметить, потому что обзор закрывают ветки кроны.

После обнаружения охотник отстреливает зверька. Желательно делать это с первого выстрела, ибо потом белка может затаиться или пойти верхом, а это повлечет за собой большую потерю времени и расход боеприпасов. Поэтому первый выстрел должен быть надежный. Я всегда стараюсь стрелять только с упора. Конечно, бывают случаи, когда приходится стрелять с руки, но желательно это не делать нормой. И причина проста — кроме самой добычи охотник еще должен **правильно** добыть, то есть с минимальными по смертным дефектами. Поэтому белку и стреляют в голову, при этом шкурка получается бездефектной или дефекты незначительные.

«Крутые» бельчатники очень часто рассказывают, как они стреляют белку в глаз на бегу, или о том, что считают не достойным для себя стрелять с упора. Я всегда очень негативно отношусь к таким разговорам. Во-первых, они лживы или глупы на 90%. Во-вторых, если даже это правда, то отличных стрелков не так и много, а масса охотников стреляет средне. Наслушавшись таких разговоров, все хотят попробовать. Итог — низкое качество пушнины. На охоте важно просто добыть, а на промысле главное — цена шкурки. От нее зависит рентабельность работы охотника. Даже при попадании в голову зверька из малокалиберного оружия, если выход пули в шею или между лопаток, то прострел неминуемо затечет кровью, и шкурка будет стоить на 10—25% ниже. И это в лучшем случае. На качество выстрела влияет множество причин: ветер, быстрое перемещение зверька, не устойчивое положение охотника и т.д. При стрельбе с руки все это «подстерегает» охотника в большей степени, а так как на промысле необходимо заботиться о качестве каждой шкурки, то я рекомендую стрелять только с упора.

При охоте с малокалиберным или комбинированным оружием, имеющим малокалиберный ствол, легко стрелять в голову, но не худших результатов можно добиться и при стрельбе из гладкоствольного оружия крупных калибров (16 и 12). Просто охотник уходит от дерева и занимает позицию, когда тушка зверька закрыта стволом соседнего дерева, а видно одну только голову. После выстрела часть дробы падает в ствол, а другая в голову зверька и шкурка не портится. Этот нехитрый прием позволяет существенно повысить качество пушнины при охоте с крупнокалиберным гладкоствольным оружием.

При стрельбе дробью трудно дать

какие-то конкретные рекомендации. Общеизвестно, что белку стреляют мелкой дробью, но вот конкретно каким номером, охотник должен решить сам. Это зависит от резкости и кучности боя конкретного ружья. Из оружия с отличной резкостью можно стрелять даже дробью № 8 и № 9. При этом пробины мелкие и затягиваются при сушке шкурки, а крови такие прострелы, как правило, не дают. Я стреляю белку пятеркой, но при этом существует такое правило: в мороз стрельба мелкой дробью идет хуже. Поэтому специально для морозов мы завозим немного тройки и стреляем ею в холодные дни.

Оружие и снаряжение. Основным инструментом для добычи белки с собакой является охотничье оружие. На промысле применяется оружие следующих типов: нарезное, гладкоствольное и комбинированное.

Нарезное оружие представлено различными винтовками и карабинами под патрон 5,6 мм кольцевого воспламенения. Это оружие имеет великолепный точный бой, достаточную скорострельность, возможность носить большое количество боеприпасов и удобные прицельные приспособления у большинства моделей, позволяющие вести быструю и точную стрельбу. Такое оружие незаменимо на промысле в светлой тайге. Но при охоте с таким оружием в смешанном или темновом лесу добычивость снижается. Когда я охотился с винтовкой ТОЗ-17 в кедровнике, то не добывал до 30% найденных зверьков.

Гладкоствольное оружие — это в первую очередь одно- и дробовые ружья малых калибров 32, 28, 20, но некоторые охотники охотятся и с оружием крупных калибров, хотя при этом получается большой расход пороха и дробы. К достоинствам этого оружия следует отнести хороший бой, скорость добычи, продуктивную стрельбу во всех охотничьих угодьях. К недостаткам — трудность ношения большого количества боеприпасов и невозможность выпугивания белки выстрелом из малокалиберного ствола. Иногда при высокой численности белки охотник либо вынужден возвращаться в зимовье заряжать патроны, либо носить припасы с собой и заряжаться в лесу.

Самым оптимальным оружием для промысла белки, с моей точки зрения, является комбинированное оружие с одним стволом 5,6 мм под патрон кольцевого воспламенения и вторым дробовым 28 или 20 калибра. Такое сочетание позволяет эффективно стрелять в светлой и темновом лесу, выпугивать белку выстрелом, носить достаточное количество боеприпасов и т.д. Самыми массовыми моделями этого типа оружия у нас в стране были ИЖ-56-3 «Белка» и ИЖ-94 «Север».

«Белка» имеет отличный бой из обоих стволов и хорошие прицельные приспособления. К недостаткам нужно отнести слабый ствольный блок (иногда при ударе гнется нарезной ствол) и

частые отказы переводчика очередности стрельбы, особенно у подержанных ружей, что приводит к осечкам при стрельбе из дробового ствола. По моему мнению, это отличное оружие сегодня устарело физически и морально. Часто приходится слышать, что «Белка» — это верш совершенства для промысла. В свое время так и было. Но сегодня можно найти очень мало новых ружей этой модели, а те, которые в массе используют охотники, отслужили уже 40—50 лет. И обеспечить потребность большого количества охотников «Белкой» сегодня нет возможности. Кроме того, часто возникает потребность после выстрела из малокалиберного ствола сразу ударить дробью, а у «Белки» нужно двинуть переводчик, взвести курок, только после этих манипуляций можно стрелять. На все это уходит время и быстрой стрельбы не получается.

В этом отношении «Север» имеет преимущество перед «Белкой». К его достоинствам следует отнести точность стрельбы из малокалиберного ствола, надежность, возможность стрельбы сразу из обоих стволов. К недостаткам — неудобные прицельные приспособления и излишний вес. За 25 лет промысла белки я охотился и с малокалиберной винтовкой, и с «Белкой», а с 1996 года хожу с «Севером». И, несмотря на некоторые свои недостатки, он показал себя с лучшей стороны. С моей точки зрения, сегодня из всех серийно выпускаемых моделей оружия «Север» оптимально подходит для промысла в смешанной и темновом лесу. Желательно приобретать ружье с дробовым стволом сужения средний чок (0,75 мм) или чок (1,0 мм). Для ведения точной и быстрой стрельбы я вынужден был доработать прицельные приспособления. Дело в том, что мушкетер «Севера» толщиной 2,2 мм, и на расстоянии 20—25 метров полностью закрывает голову белки. Охотнику приходится часто стрелять интуитивно. Не редко пуля попадает либо в шею, либо пролетает перед носом зверька. Я уменьшил толщину мушкетера до 1,8 мм (как у ТОЗ-17) и сделал новый целик с прорезью в 1 мм. После такой доработки стрельба пошла быстрее и точнее.

Ну, и к недостаткам «Севера» следует отнести его изготовление. Хорошая серийная модель делается без души. Иногда видишь такие экземпляры, что кажется мальчишки в детстве делают поджиги с большим умением. И охотник, покупая такое ружье, вынужден не только дорабатывать прицел, но и заказывать новые ложе, цевье, паять стволы и т.д. Хочется пожелать, чтобы ИЖМАШ поставил на внутренний рынок оружие лучшего качества.

Отдельно хочется сказать о применении оптических прицелов. Их использование при стрельбе из нарезного и комбинированного оружия позволяет добиться отличной точности стрельбы. На промысле белки лучше показывают

себя прицелы кратностью 2,2—3,5. Они дают достаточное увеличение и хороший угол зрения. При применении оптических прицелов необходимо соблюдать определенные правила: беречь их при ходьбе, ежедневно утром проверять точность пристрелки, защищать линзы от попадания снега и воды, запотевания. Всегда мечтая о таком прицеле на промысле, после охоты с ним, я был вынужден отказаться от его применения. Зрение позволяет еще стрелять с открытого прицела, а мой непоседливый характер мешает соблюдать необходимые правила использования оптического прицела.

Кроме оружия на промысле белки необходим стандартный «джентльменский» набор охотника: топор, нож, котелок, поняга. Топор и котелок могут быть любого исполнения по желанию охотника. Нож должен быть острым, хорошо поддающимся правке. Лезвие длиной 10—12 см. Если нож используется для обезжиривки шкурок, то его рукоять должна быть длиной не меньше лезвия, а лучше чуть больше, т.к. с маленькой рукоятью будет быстро уставать кисть. Беличим ножом желательно ничего, кроме обработки шкурок, не делать.

Поняга на промысле белки может быть любой конструкции, только мы ее дополняем приспособлением для переноски тушек. Это крепкий капроновый шнур, на котором жестко, через 2—3 см, закреплены крючки из 2-х миллиметровой проволоки, длиной 3—4 см. Этими крючками протыкаем стопу задней лапы тушки, и она висит вниз головой, а т.к. стреляешь в голову, то тушки не мажут друг друга кровью. Сверху шнура идет большой клапан из брезента, который защищает тушки от снега, влаги и механических повреждений. Такое нехитрое приспособление позволяет заметно улучшить качество пушнины.

Наконец мы подошли к одному из самых главных элементов промысла белки — качеству беличьих шкурок. Промысел — это в конечном итоге зарабатывание денег. Стоимость шкурки зависит от ее качества. Промысловик должен не только настрелять определенное количество белки, но и правильно ее обработать. Только в этом случае он добьется рентабельности своей работы.

Дефекты беличьих шкурок бывают прижизненные и посмертные. На первые охотник не может повлиять, а от вторых зависит его заработок. После отстрела зверька его необходимо ободрать. Шкурки белки снимаются трубкой, при этом обязательно нужно разрезать хвост. К сожалению, многие охотники этого не делают, и при бунтовке такой белки хвосты отламываются, ибо они пересыхают или подопревают при сушке.

Всю белку, которую стреляю дробью, я обдираю сразу в лесу. В этом случае тушка не мажется кровью и не испачкает другие тушки. Для этого я ношу с собой полиэтиленовый пакет.

ПРЕДЛАГАЮТСЯ ОХОТНИЧЬИ ХОЗЯЙСТВА В ТВЕРСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Андреапольский район, дер. Баранька	Площадь охотничьих угодий 22,7 тыс. га, площадь базы 9370 кв. м, жилые дома, баня, сарай
Нелидовский район, дер. Пустое Подлесье	Площадь охотничьих угодий 8,5 тыс. га + 4,836 тыс. га + 4,775 тыс. га, площадь базы 5000 кв. м, гараж, баня, коровник, сенокос, дровяник, ж/д
Торопецкий район, дер. Лосочи	Площадь охотничьих угодий 35,3 тыс. га + 25,0 тыс. га, площадь базы 20 000 кв. м, жилые комплексы, охрана, эллинг, дровяник, гараж, генераторная
Торопецкий район, дер. М. Кислово	Площадь базы 1625 кв. м, ж/д, гаражи, баня, коровник, сенокос, дровяник
Лесной район, дер. Нивищи	Площадь охотничьих угодий 12,0 тыс. га, площадь баз 5250 кв. м + 4950 кв. м, жилые дома, баня, гараж
Сандовский район, дер. Н. Выставка	Площадь охотничьих угодий 36,0 тыс. га, площадь базы 294 кв. м + 1490 кв. м, жилой дом, дровяник
Максатихинский район, дер. Буденовка	Площадь охотничьих угодий 12,0 тыс. га
Селижаровский район, дер. Холм	Площадь охотничьих угодий 26,2 тыс. га Земельный участок 4000 кв. м, жилой дом № 1 (VIP-1) 425 кв. м Земельный участок 6000 кв. м, жилой дом № 2 (VIP-2) 393,00 кв. м, жилой дом № 3 140 кв. м Земельный участок, жилой дом № 4 92,20 кв. м Земельный участок, жилой дом № 5 92,0 кв. м Земельный участок, жилой дом № 6 93,50 кв. м
Фировский район, дер. Лука	Площадь охотничьих угодий 32,0 тыс. га, площадь базы 40 000 кв. м, жилые дома, общежитие, гаражи, коровник, дровяник, ангар, эллинг, дизель-генераторная
Пеновский район, дер. Мизиново	Площадь угодий 10,1 тыс. га + 3,2 тыс. га + 11,5 тыс. га
Пестовский район, дер. Иванниково, Новгородская область	Площадь охотничьих угодий 20,0 тыс. га + 12,0 тыс. га, площадь баз 2800 кв. м + 31 594 кв. м, 2 жилых дома, здание дизельной, 2 гаража, баня, хозблок

- Во всех охотничьих угодьях проведено охотоустройство, засеяны подкормочные поля
- На каждом поле имеется комфортабельная вышка

ТЕЛ.: (495) 980-61-25 ДОБ. 2381

Промысловая охота с малокалиберной винтовкой

Алексей БЛЮМ

ТОЗ 78 — самое распространенное оружие охотника-промысловика

Кто-то из читателей непременно напомним, что охота с оружием под эти патроны запрещена, и будет прав, но только отчасти. Поясню, почему — отчасти. Малокалиберные винтовки под патрон кольцевого воспламенения давно стали охотничьим оружием, но в промысловых районах. Мало того, они стали основным оружием охотника-промысловика и официально разрешены для использования на охоте. Запрет касается любительской охоты и с этим трудно не согласиться.

Малокалиберная винтовка (впредь по тексту я буду так называть одноствольные карабинчики под патрон кольцевого воспламенения) десятки лет служила и продолжает служить на охотничьем промысле. За это время накопилось много информации о результатах использования стандартного винтовочного патрона кал. 5,6 мм кольцевого воспламенения (22 LR) при стрельбе по различным видам охотничьих животных. Главный вывод, который можно сделать из анализа этой информации, что патрон, в том виде, в котором он используется на стрелковых соревнованиях, на охоте показал очень ограниченные возможности. Основными объектами охоты остаются соболь, куница, белка, а из птиц — рябчик. При стрельбе по более крупной дичи процент подранков значительно превышает процент добытых. Если же вдруг такой пулей удавалось добыть северного оленя или лося, а такие случаи бывали, то, как правило, спасибо нужно говорить собакам, так как именно они после преследования находили мертвыми или останавливали неизбежных подранков. Но стрельба таким патроном по крупной дичи все-таки не правило, а исключение, и происходит она по какой-то суровой необходимости. Однако интересно попробовать выяснить, почему стандартный патрон кольцевого воспламенения столь малоэффективен при стрельбе по в общем-то небольшому животному, я не имею в виду названных выше, а, например, таких как глухарь и тетерев, лисица, корсак или сурок.

Если мы посчитаем энергию пульки на дистанции даже 100 метров, то увидим, что она окажется равной примерно 10 кГсМ или 98 Дж. Вспомним довольно расхожее мнение, правда, по моему, ничем не подтвержденное, что для надежного поражения животного должно выдерживаться соотношение, когда на 1 кг массы приходится не менее 1 кГсМ (9,8 Дж) энергии. Значит, не только для полутоннального глухаря или пятикилограммового тетерева или пятикилограммового глухаря, но даже для десятикилограммовой лисицы или сурка убийность

малокалиберной пули с энергией 10 кГсМ может быть вполне достаточной? Почему же на практике все не так? По моему опыту и по рассказам охотников, занимавшихся массовыми заготовками тетеревов в сороковые — шестидесятые годы прошлого столетия с применением малокалиберных винтовок, не менее половины стреляных птиц улетало подранками. И это при дистанции стрельбы не более 60 метров. Тогда, как промысловые, практиковались охоты на тетеревов с чучелами и с подъезда на лошади (верхом или на санях). А дело, по всей вероятности, в том, что сплошная свинцовая пулька, имея невысокую скорость, проходя по тканям животного совершенно не деформируется, но она обладает достаточной пробивной способностью, и, мало потеряв в скорости, пройдя всего 10—15 см мягких тканей, основную часть своей энергии уносит с собой дальше. И мы имеем то, что имеем. Если не поражены жизненно важные органы, получается подранок, потому что той энергии, которую сумела передать пуля тушке зверя (или птицы) пронизывая ее, не достаточно для получения смертельного шока. Это хорошо заметно на примере стрельбы рябчиков. Если пулька попадает по брюшку, то птица почти всегда улетает, по крайней мере хоть немного отлетает. И это при том, что обычно вес взрослого рябчика не превышает 400 грамм, а значит отношение массы пули к массе птицы выглядит как 1:160! Это все равно, что для 160-килограммового медведя взять пулю массой в 1 кг! Разумеется, причиной малого шокового действия будет не только высокая пронизывающая способность пули, но и меньшее количество нервных окончаний на коже брюшка и в кишечнике по сравнению с верхней частью корпуса птицы. Абсолютно убойным этот патрон можно считать для соболя и куницы и, конечно, для белки. Для каждого из этих видов предельная дистанция стрельбы не превышает 50 метров. И еще. При стрельбе этих зверьков из винтовки охотник всегда целит в голову. Это повелось издавна, когда пушнина ценилась очень высоко, и любые дефекты шкурки, а пулевые пробоины

к ним относились тоже, влекли за собой снижение закупочной цены. Понятно, что для таких маленьких животных попадание в голову такой тяжелой пули, всегда смертельно. Для них вполне достаточно и пули короткого пистолетного патрона. Однако, как мы уже говорили, малокалиберная винтовка ("тозовка" на сленге охотников-промысловиков Сибири) используется, как оружие универсальное, то есть из нее пытаются стрелять и по белке, и по другим гораздо более крупным животным, таким, например, как косуля или кабарга, хотя разница в весе между этими видами может быть почти столкратной. И происходит это не по причине недостатка опыта или гипертрофированной веры в убийность этой пульки, а просто от отсутствия специализированного промыслового оружия. Для того, чтобы промысловое ружье отвечало по крайней мере основным условиям охотничьего промысла, нужно знать эти условия, а с такими знаниями у наших конструкторов как раз и существуют проблемы. Как пример можно привести тот факт, что различные модели самозарядных карабинов под патрон кольцевого воспламенения настойчиво записывают в разряд промысловых. Если бы самому конструктору пришлось хоть один сезон позарабатывать себе на хлеб с такой полуавтоматической системой, он смог бы четко представить себе, какое оружие в зимней тайге хорошо, а какое, мягко выражаясь, — не очень. Какие трудности возникают при эксплуатации самозарядного малокалиберного оружия в условиях таежного промысла? Прежде всего, это сложность проведения неполной разборки. Представим себе, что необходимо вынуть затвор, и не в теплой избушке за столом, а в лесу на морозе и ветре. А сделать это бывает нужно потому, что возле патронника накапливается пулевая осалка, несгоревшие порошинки, всякая древесная труха, которая, нередко наряду со снегом и инеем, сыплется сверху. У самозарядных образцов это приводит к задержке выстрела по причине некорректности затвора. Накапливание такой "грязи" может происходить достаточно быстро, особенно в урожайные по бел-

ке годы, когда охотникам в течение дня приходится делать по сотне, а иногда и более выстрелов. И для удобства чистки иногда прямо в лесу приходится вынимать затвор. Если у систем с продольно-скользящими затворами, чтобы вынуть затвор можно в большинстве случаев просто нажать на спусковой крючок и вытащить его через заднее отверстие ствольной коробки, то у самозарядок этот процесс сложнее. В зависимости от конструкции или нужно сначала снять крышку ствольной коробки, вынуть возвратную пружину, а затем сам затвор, или, отсоединив ствол, вынуть затвор вместе с боевой и возвратной пружинами через нижний паз ствольной коробки, или как-нибудь по-другому. Нужно иметь в виду, что любые действия голыми руками с металлом на морозе очень неприятны, не говоря уже о риске что-нибудь уронить в снег. Хотя и не часто, но бывает, что пуля не вылетает из ствола, такое случается по разным причинам. Виной этому может быть сильный мороз, некачественные или отсыревшие патроны, слабый удар боя и пр. Чтобы выбить застрявшую пулю из ствола, обычно прибегают к простому приему: вынимают пулю из нормального патрона, гильзу с порохом вставляют в патронник и выстреливают. У самозарядных винтовок вставить гильзу с порохом в патронник гораздо сложнее, чем у простых магазинных или однозарядных образцов, не говоря уж о переломках. Промысловая винтовка должна быть надежна и предельно проста в эксплуатации.

Перед началом промысла, как и перед любой другой охотой с использованием пулевого выстрела, начинать нужно с пристрелки. Мы помним, что дистанции стрельбы для патрона кольцевого воспламенения не велики, но выстрел всегда должен быть очень точным, сродни спортивному. А это значит, что винтовку надо пристрелять не только на предельную дистанцию стрельбы, которая при таежной охоте не превышает 50 — максимум 60 метров, но и на половину этого расстояния, т. е. на 25 метров. И к пристрелке нужно отнестись с должным вниманием, потому что не редко цель не будет превышать 1,5—2 см². Если винтовка хорошо пристреляна, а зверек на дереве спокоен, в данном случае разговор идет о соболе и белке, то сделать точный выстрел по головке не представляет большой сложности. Но очень трудно стрелять по зверькам, перемещающимся "верхом", т. е. с дерева на дерево. Причем для соболя такое перемещение не характерно, его хватает на два — редко три дерева. А вот белка и куница, заметив опасность, будучи уже подстегнуты неудачным выстрелом, часто уходят верхом с такой скоростью, что не дают возможности охотнику не только прицелиться, но и появляется реальная возможность совсем потерять зверька из виду. Поэтому с первым выстрелом лучше не торопиться, а подходить на дистанцию верного

выстрела осторожно, скрытно и стрелять только тогда, когда головка зверька хорошо видна и не закрыта веточками. Одно предупреждение охотникам, относящееся к охоте на соболя. Не всегда, но бывает так, что собака загнала соболя на дерево, а охотник на лай добирается долго, и зверек, не имея возможности уйти, старается на кажущейся ему безопасной высоте устроиться поудобнее. Для этого он часто выбирает развилку между двух достаточно толстых веток или между стволом и отходящим суком, да еще так, чтобы его задняя часть опиралась на что-нибудь. Приняв удобное положение, соболю без видимых эмоций слушает лай собаки, да и на приближающегося охотника смотрит свысока, не меняя положения. Стрелять удобно, зверек почти неподвижен, головка всегда повернута мордочкой к собаке или к охотнику. Остается только прицелиться и нажать спуск. Но в этом случае лучше не торопиться. Стреляный в таком положении соболю часто остается на дереве там, где сидел. Мертвый, конечно. И возникает проблема, как его достать. Влезть даже на 7—8-метровую высоту по стволу дерева совсем не просто, да и очень опасно. В такой ситуации лучше срубить дерево, чем

лезть на него. Но чтобы этого не случилось, нужно перед выстрелом любым способом заставить соболя сменить положение, а желательно и место на дереве, и стрелять на поражение только после этого. Еще раз хочу подчеркнуть, что сложившиеся веками традиции пулевой стрельбы по мелким пушным зверькам требуют точного выстрела именно по голове, а пробоины, имеющиеся на шкурке в других местах, служат поводом порой для весьма едких насмешек в адрес неаккуратного или неумелого стрелка, стреляющего белку "по лопаткам".

Выше уже говорилось, что стандартный патрончик LR малоубоен и его эффективное использование на охоте ограничивается стрельбой по трем видам мелких пушных зверьков, а из птиц — по рябчику. Но существуют патроны повышенной убойности, с которыми успешно можно охотиться и на тетерева, и на глухаря, да и на рябчика, которые никуда не отлетают даже при попадании по брюшку. Повышенный убойный эффект достигается достаточно просто — увеличением у пули способности к деформации. Как известно, у пуль, состоящих из мягкого свинцового сердечника и относительно твердой оболочки, степень дефор-

Глухарей часто добывают на пушном промысле

мации зависит от конструкции пули, в которой тесно связаны между собой оба эти компонента, что определяет их взаимодействие между собой. У патрона кольцевого воспламенения типа LR пуля состоит из однородного материала — свинца, и которая из-за относительно малой скорости практически не деформируется, пронизывая живые ткани небольших зверей и птиц. Чтобы повысить убойное действие этих пуль, конструкторы пошли по пути ослабления конструкции их головной части, высверливая в ней продольные каналы изного диаметра и глубины. И чем больше объем пустоты, тем больше деформируется пуля. Для охоты на вышеперечисленных птиц имеет смысл использовать патроны только с такими экспансивными пулями. Однако нельзя забывать, что результативность стрельбы патронами LR даже с улучшенной баллистикой и экспансивными пулями ограничена из-за крутой траектории и снижения точности стрельбы, так как легкая пуля, да еще с нарушенной формой очень сильно подвержена воздействию различных внешних факторов (ветер, изменение давления, влажности и пр.). Для стрельбы далее 120 метров следует использовать оружие под более мощные патроны.

Безусловно, самым массовым объектом охоты с малокалиберной винтовкой из птиц следует считать рябчика. Классическая промысловая охота на рябчика, которая разрешена с таким оружием, это охота с подхода, когда вспугнутый выводок, стайку или одиночную птицу, взлетевшую недалеко от охотника и севшую на дерево, стараются высмотреть и подойти на удобную для выстрела дистанцию. Стреляют их и во время кормежки на деревьях, тоже с подхода. По существу, для такой охоты из нарезного оружия пригодна только малокалиберная винтовка. Мощного выстрела не нужно, дистанция стрельбы невелика. Его в ветках деревьев и близко разглядеть нелегко, а уж подальше-то и тем более. Стрельба рябчиков из винтовки более добычлива, чем из ружья, правда, при условии достаточного навыка пулевой стрельбы.

В позднеосеннее и зимнее время встречи с рябчиком в лесу обычно происходят по двум сценариям. Первый, это когда птицы поднимаются с земли, где они кормились, или из-под снега, где отдыхали. Они, как правило, не отлетают далеко, а, взлетев, тут же стараются приткнуться на дерево, чтобы осмотреться, обычно не далее 20—30 метров от места подъема. Взлет рябчика шумный и хорошо слышен даже во время движения. Услышав взлетающих птиц, нужно остановиться и постараться заметить, на какие деревья они расселись. В светлом лесу, состоящем из лиственных пород деревьев или лиственницы, заметить их не сложно, а вот в ельниках, кедрачах или

загущенных сосняках эта задача труднее. И все же надо стремиться заметить если уж не самого рябчика, то хотя бы то дерево, на которое он сел. Если дерево определено точно, но саму птицу сразу разглядеть не удастся, то лучше не приближаясь начать обходить предполагаемое место посадки, внимательно осматривая его с каждой новой позиции. Замеченного рябчика нужно стрелять без промедления. Признаком его беспокойства и скорого слета служит издаваемая им трещащая трелька и напряженная вытянутая поза. Чтобы не потерять сбитую птицу, надо точно заметить то дерево, на котором она сидела и место ее падения, иначе, отведя глаза, можно все потерять и потратить много времени на поиски. Тем более что "чисто" битый пулькой рябчик падает камешком и в снегу делает только небольшую дырку, которую, бывает, не увидишь и с двух метров. Сложности с поиском чаще всего возникают в лесу, имеющем густой подлесок, где точно разглядеть место падения птицы невозможно, особенно если дистанция выстрела близка предельной. В такой ситуации лучше всего не торопиться бежать к добыче, а спокойно еще раз зафиксировать в памяти то дерево, на котором сидел рябчик, и внимательно прислушаться. Очень часто упавший рябчик в агонии шумно трепещет крыльями, тем самым давая дополнительную информацию о своем местонахождении.

Когда снег наглухо прикрывает ягодники, рябчики, где их много, часто сбиваются в довольно большие табунки, иногда по 20—30 птиц и концентрируются в приручевых насаждениях, в верхинках распадков, облесенных поймах небольших речек и по окрайкам моховых болот. Основным их питанием в этот период служат березовые почки и ольховые сережки, и кормящихся на деревьях птиц можно заметить

издалека. Скрадывание рябчиков задача не сложная, просто не надо особенно маячить перед ними, а, выбирая простые укрытия, без резких движений спокойно подойти на надежный выстрел. Тридцать метров нормальная дистанция. Вообще, скрадывая любое животное, нужно избегать поперечного движения, а стараться подходить под минимальными углами, т. е. прямо к объекту или немного мимо, потому что боковое перемещение хорошо заметно, настораживает и пугает его. Почему не рекомендуется подходить очень близко? В руках умелого стрелка малокалиберная винтовка вполне результативное оружие при охоте на рябчика, если стрелять на 40 и даже на 50 метров. Когда на одном дереве или на 2—3, рядом расположенных, сидят 8—10, а иногда и более птиц, то естественная задача промысловика постараться взять как можно больше, и, чтобы добиться этой цели, надо соблюдать некоторые условия. Главные из них: не подходить очень близко, чтобы не пугать звуком выстрела; начинать стрельбу по птицам, сидящим на нижних ветках, тогда падающие не будут пугать сидящих ниже; стрелять только по тем рябчикам, которые не закрыты даже мелкими ветками, потому что малокалиберная пуля рикошетит (меняет направление полета) даже от травинки, а от веток тем более. Прицеливаться нужно аккуратно. Если рябчик сидит спиной или грудью к охотнику, то целить нужно посередине тушки, обвесишь — не страшно, либо промах, либо птица упадет, а вот обнизишь — попадешь по брюшку, в этом случае, при стрельбе стандартным патроном, рябчик часто улетает и конечно теряется. И последнее. Обязательно считать упавших птиц, чтобы потом собрать всех.

По частоте добычи с применением малокалиберной винтовки второе ме-

Основной объект промысла — соболь

Без права ношения

Владельцам охотничьего оружия, не имеющим возможности ходить на охоту, лицам, получившим оружие по наследству, и тем, кто купил его в целях самообороны, необходимо получить в милиции разрешение на право его хранения. При этом им в милиции нередко заявляют, что оружие должно храниться только по месту жительства. Даже запрещают владельцу выносить его за порог квартиры. Какие на самом деле существуют правовые нормы по этому вопросу?

Правовые отношения, возникающие при обороте оружия, регулируются Федеральным законом "Об оружии" от 13 декабря 1996 г. № 150 с последующими изменениями и дополнениями, а также рядом подзаконных актов.

В соответствии с законом, требования к условиям хранения и использования оружия различных видов определяются Правительством РФ. 21 июля 1998 г. было принято постановление "О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации", которым утверждены Правила оборота гражданского и служебного оружия (далее Правила). В Правилах (ст. 59) говорится, что оружие и патроны граждане должны хранить по месту проживания с соблюдением условий, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц, в запирающихся на замок сейфах или металлических шкафах, ящиках из высокопрочных материалов либо в деревянных ящиках, обитых железом.

Хранение оружия и патронов в местах временного пребывания должно осуществляться с соблюдением условий, исключающих доступ к оружию посторонних лиц.

К хранению оружия всех видов предъявляются одинаковые требования. В соответствии с названным законом (ст. 24) граждане могут применить имеющиеся у них на законном основании оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в рамках необходимой обороны. Становится очевидным, что гражданин, имеющий оружие на законном основании, может хранить его и в месте временного пребывания, например, на даче, что и подтверждено в Правилах. Иначе он будет лишён возможности защитить не только жизнь и здоровье, но и принадлежащую ему собственность — ту же дачу с находящимся в ней имуществом. Такой

запрет будет противоречить правовым нормам.

В указанной статье закона отмечено, что лицам, владеющим оружием на законных основаниях, запрещается иметь его при себе (за исключением тех мест, где ношение холодного оружия является принадлежностью национального костюма) во время участия в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетировании или иных массовых акциях.

Действительно, оружие, на которое имеется разрешение на его хранение, нельзя носить, однако его можно транспортировать до места хранения. В Правилах по данному вопросу содержатся соответствующие правовые нормы (ст. 75). Транспортировать оружие нужно в чехлах, кобурах или специальных футлярах.

В некоторых регионах России допускается порочная практика, когда гражданин, обращаясь в милицию за получением лицензии на приобретение огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия в целях самообороны, встречает с её стороны требование об обязательном вступлении в общество охотников или получении государственного охотничьего билета. Такие требования не основаны на действующих правовых нормах.

В Инструкции по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 апреля 1999 г., говорится, что для получения лицензии на приобретение огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия в целях самообороны в милицию по месту жительства надо представить заявление по установленной форме, медицинское заключение об отсутствии противопоказаний к владению оружием, документ, подтверждающий личность гражданина РФ, две фотокарточки размером 3х4 см. Аналогичные документы представляются и при продлении срока действия разрешения на право хранения оружия.

Таким образом, имеющееся на законном основании у граждан оружие, на которое выдано разрешение на право его хранения, можно хранить не только в жилом помещении, где этот гражданин постоянно проживает, но и в месте его временного пребывания.

Н. АСТАФЬЕВ, почётный работник Прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции

Фото автора

Трёх

Леонид КОРНИЛОВ. Рисунки В. Симонова

Вот ты мне ответь: болит душа охотничья или только прыгает от радости? Ага, осечка... А я тебе подкажу. Пальнул ты. Бах!.. И что? Закувыркалась утка. Перевертыш однокрылый... Подранка сбраконьерил, хоть и с путёвкой. И царапина по сердцу — вострой осокиной. Ну, ладно, пала в крепь болотную и с глаз долой. Но всё одно, сосёт под ложечкой. Будто сквознячком через грудину тянет. словно сам себя той дробцой и цапанул невзначай. Вот сам-то подранок и есть. Эх ты, бах-перебах... Драма жизни. А охота и душа — кровные сродственницы. И кто стрелок случайный да сырой, тот изнутри подорван. Так-то, братишка... И лишь тогда натура охотничья крепка да здорова, когда выстрел верный и, значит, щадящий. После такого птица голову на спину захлёстывает. Крылышки подбирает, соборует. И по отвесной дуге — мягким комом... Как заснула разом. Тогда душа в целости. А ежели калек дрожащими руками хватать, так никакого терпения не хватит. Душонка одна останется.

К чему это я веду? Да к собаке. Добрый напарник на ловчей тропе самый что ни на есть целебный отвар. Толковый пёс всегда тебе лечение назначит. У него же в глазах что? Радость проблесковая. Как маячок. Не собьёшься. А если что не так, собачка тебя от лишних переживаний уласует. словно ангел-хранитель. ...Кстати, Трёхина-то мать из Лос-Анджелеса, может, и из ангельских мест. Но это так, к слову. Сам себя перебил... Про что это я? Ага, про то, как лечит собачья радость. Ну, к примеру, стрелок ты аховый. Не уронил опять, как положено, а кувыркнул с растопыром. Нехорошо. Но благодари помощницу, что хоть добивать-то тебе, горемыке, не пришлось. Подали, как на блюдецке. Да ещё с улыбочкой. Бывает и такое, редко, но бывает. Вот Трёха моя улыбается! Так розовые брыли вздёргивает, что — полный Голливуд... Но это я опять забежал вперёд. А надо всё по порядку: сперва заряжай, потом уж стреляй.

Да с умом стреляй-то. С выбором. Он всегда есть в русской охоте, поверь. Это я как патриот двустолки говорю. Десятизарядки ихние все бы — через колено. Зачем отбойными молотками небо долбить? Сколько лишних дырок-

то наделать можно. Нет, я так скажу: коль не научился выбирать цель, значит, меры не знаешь. А потому — вредитель природы и сподвижник палачеству. И себя не помилую. Грешен. Вот, как на духу. Помню... а память — штука безжалостная. На ранней вечерке в слюдяном облачном проёме, помню, сходятся надо мной сразу две утки. Весело так летят, переглядываются да перекрикиваются. И загляделся бы сам, да руку-то уже не остановишь. Ну, и из правого кувыркнул их в болотную жижу. Бултыхаются. Сгоряча думаю, что всё ещё летят. Глаза бы мои не смотрели... И не смотрели бы, если бы с собакой был, с лайкой Ураликом. Он бы взял на себя «грязную работу». Да один я, как назло. Оставил Уралку под домашним арестом из-за ссоры с охотоведом-собаконенавистником: не любит он «универсалов». Всё ему мерещится, что мы больше нормы берём, «за лицензионные рамки вылезаем». А вообще-то, он мужик отходчивый. Да и то понимать надо, что без четырёхлапного пособника правильной охоты не бывает. Это ж как посредник между человеком с ружьём и государством флоры да фауны. Дипломат, консул, атташе... И всё такое. А не просто — силовик. Ну, да ладно, опять планку разговора сбил.

...Значится так... лезу я в забродниках по топи за себя и за лохматого «парня», а передо мной, как в кинострашилке, нахлещывают мутную водицу слабеющие крыла. Подгребаю ближе и вижу — широконоски это. Они же наивные: не нырнуть, не спрятаться. Да ещё клювы не по размеру: из-за них серые шейки ещё тоньше и беззащитнее кажутся. Маюются из последних. Кабы знать, что так обернётся. Но при выстреле рука всегда быстрее мысли. Таков закон охотничьей страсти. Во-во, философствуй теперь, давай, в словесную засидку хоришись. Свиночек вылетел — не поймал. Не-е, ребята, без собаки на охоте человеком трудно остаться.

А ведь вот только что стоял умиротворённо на тихой вечерке. Смотрел, как ещё один осенний день подводит закатную черту. Под свист маховых о быстролетящей жизни думал. Но бабахнул. И на тебе — пляска смерти... Не хороший выстрел. Заполосный, жадный. Душу резанул. И нет рядом знаярчушара, чтоб снял напряжение. Отряхнулся бы тот на берегу. Брызги — веером. И с тебя бы, глядишь, как с гуся вода. Береги душу — бери собаку... А всё охотвед чёртов! Замучил подозрениями. Опять, говорит, твой на переузине по

лосу работал. Я, говорит, слышал, как он там злобствовал.

— Да это с ёжиком он там поздоровался, — отвечаю.

— Во-во, никого не пропустит. Енота в августе прижал. То норку гоняет. То кабана крутит. Отъём тут с напёрсток, а балагану от твоего Урала много.

Слова охотовед выкатывал увесисто, будто камнями под самое горло обкладывал. А шея у самого от нутряной натуры, как петушинный гребень, красной наливалась. Зловредно так присоветовал спаниеля завести... для уток. А что я предатель какой своему Уралке? Хотя и сам «универсального солдата» про себя поругиваю. Оглаживать оглаживаю, а ворчать ворчу. Не бери, мол, лишнего. Раз идём на утку, так на другую дичину брыли не раскатывай. Но в том-то и загвоздка, что мне до озера надо лесом пять верст чesать. Коротким поводком я своего вольника не унижаю. Вот и хватает он по пути разные запахи. Он же лицензии не читает. Ему путёвка в жизнь охотничью самим творцом выписана. Но у охотоведа-зlobача своя правда. Так ведь и моя совесть пищит. Потому и вечерю в одиночку. А каково дома перед Ураликом-арестантом пахнуть утками? Прошмыгиваю в сени, как шкода. И так, пока лёд не встанет, страдаем оба. А уж потом по копытным отдушину ему даю.

— На, Уралик, хватай жизнь всей пастёной!

А у него хваталка такая, что он не подавится, западник мой волчьего окраса. Я с лайками с пелёнок. Неразлучники. Ну, зиму отгуляем по тайным путикам, а с летним припеком опять сомнительная думка начинает настроение карябать. А пустят ли нас на озеро? Ведь опять «худовед» начнёт плести заговор. Дескать, лосиха у него там с сеголетком ходит. Или «высокое начальство» на открытие пожалует, а оно лишнего шума не любит.

Без вины виноватые получаемся мы с Уралкой. А охота — дело тонкого натыга. Тут никакой тебе дребедени быть не должно. Чтоб как прицельная планочка — ровнёхонько всё. Вот тогда — плавный тебе спуск и патронташ не давит. Вы меня понимаете? Ага, ясно. Вот и жена думает, что понимает. Всё сунуться норовит. За тридцать лет не разлей-воды только и делает, что встрева-ет. То русскую псовую борзую впарит на день рождения. То коккер-спаниеля этого, английского, на двадцать третье февраля. Азавака... Дратхаара... Да всех не упомнишь, кого она мне на шею вешала из ревности к лайкам. Всё пе-

решибить мне хотела коренное моё чувство к остроухому работяге. А то не смыслит, что я до корней зубов лайчатник. У меня у самого, может быть, в душе хвост кольцом. Да-а, псовая борзая тоже русская порода. Но к ней же «колотушка» не нужна. Я что при ней как мальчик на побегушках буду?... А я сам люблю затвором, как клыками, лязгать. Мне самому «по месту» попадать надо. Лучше мой зоркий глаз выколи да верную руку оторви. Я без точного выстрела — инвалид последней группы. Да, больной! А ты здоровая — азавака африканского в наш климат? Ему же шубу норковую спервоначалу справить надо. Ха, ха-а... И русского спаниеля — не вздумай... Я по камышовой крепи, как на ходулях. Безвылазно. Тут одного характера мало. Высокая проходимость нужна. Маломерок надорвётся со мной. Дратхаар? А что дратхаар. Да, ногастый. Вязкий. Ничего не скажу. Вон, Гретка даже на пахучего крякша стойку держала. Но мне стойка-то побоку. Ты мне многочасовую холодную ванну в ноябре выдержи, когда пролётная северная утка с мокрым снегом на воду падает. То-то! Дратхаара уже в начале октября такая дрожь колотит, что рябь по заводине идёт. И слезу не гони. Знаю, что как лучше хотела. Но твои сюрпризы без подшёрстка мне уже вот где! У нас тут не Европа, гольфстримы на халюву не затекают. У нас тут всё — наперекор и супротив. Еврострелков спортивный интерес на благоустроенную охотничью базу завлекает, а нас страстога дремучая гонит сукастой орясиной по взмокшей горбине. Старостерпцы мы! Охотомученики и великие топтатели болот. И напарника мне такого же подавай с закушенными удилами. А то загоню к чёрту! Вот никто, кроме Уралки, и не дюжит. Потому-то давно мы с ним отбились от любительских тусовок. Мне на разлив зажигательных смесей в охотничьи костры и травлю хвалебных баек времени жаль. Да, ущучила! И до жены руки не доходят в разгар сезона. Потому и не сезонная ты у меня, как путёвка, а — на постоянной основе. И не суй Уралке палки в лапы. Я твою психическую ревность...

Сколько же раз я так нервно обдуплетился. И накатывает же глупая надежда, что поняли тебя и в покое оставят, наконец. Живёшь себе поживаешь, порошешку с дробной наживаешь. А то невдомёк, что на тебя вдругорядь хитроумная засидка устроена. И сладкими рассказами тебя потчевать начинают про то, что объявилось в мире охоты заморское диво-дивное. И цветастый журнал подсосывают, будто бы ненароком. Там красным карандашом заманные строчки подведены.

«...Новая порода, названная чесапик-бэй, то есть — утиная собака, уникальна ещё и тем, что обладает подшёрстком, пропитанным жиром. Благодаря этому густая, короткая и грубая шерсть водонепроницаема, как перья у уток. ...не обращает внимания на ледяную воду...»

— Робот какой-то. Во, наптели.

«...В настоящее время чесапик-бэй ретриверов в России и странах СНГ можно пересчитать по пальцам. Все они привезены из-за рубежа и несут крови самых знаменитых линий разведения США и Европы...»

— А, понятно, откуда ветер. Да у них там по угожьям тротуары проложены. Куда им до наших дебрей.

«...Чесапик тоже ретривер, но если сравнивать его с лабрадорами и голденами, то основное его отличие — более сильные врождённые охотничьи качества. Эта молодая порода разводится преимущественно охотниками и для охотников. Полнее всего её можно охарактеризовать словом «страсть»...»

— Стоп! Гм-м...

Дал слабину. А жена уже втюхивает мне двухмесячного щенка, темно-коричневого кучерявика. Говорит, от самого автора статьи, Жуковского, в подарок за верное служение утиной охоте. Во — выстрел! На какой ещё кривой-перекривой козе обехала. Я кочеряжиться! А сердце-то уж упало да в щечнычи очи закатилось. А они янтарно-карие, как у лайки. Сродственные. Я слыхивал. Наши предки-то пешедра-лом в Америку хаживали. Может, и наследил где нашеский кобелишка. Ну, куда с добром! Поплыл я. Да и Уралко подкидыша пригрел. Нализывает бурую шёрстку. Самые заветные куски отдаёт. И гончая моя, Пуля, уж до чего стерва, а тоже поддалась малышке. Лапка-ми её по-заячьи — то так, то этак. Видать, ко двору дарёныш. Третьей будет. Ну, и назвал её Трёшницей. Хоть и мамка у ней американская. А у нас Бог троицу любит. Трёха, и всё. Цыц, баба! Мне эти родословные бумажки... Да я меж ног столько рогозин пропустил, сколько они шагов по своим асфальтам не сделали. Учить ещё меня...

Это я жену свою, хитролисую, ошпен-тываю, чтоб не забывала, кто в доме хозяин. Знаю я этих ретриверов. И, в самом деле, знаю. Брал ведь раньше по горячей жёнкиной просьбе её выставочных лабрадоров и голденов. Палки да коряги изрядно подавали. Совсем-то уж охаивать не стану. Научить их, конечно, можно. Но буйство страстей дрессировкой не преподашь. Им что деревяшка, что утка — лишь бы приволочь. Забавы ради живут на свете. А вот лайка — тут другой интерес к жизни, глубинный. Она с первого точного выстрела все свои инстинкты выворачивает напоказ. Слышно аж как сердце ходит под взмокшей шкурой ходит. И смысловую связку: «бах — шлёп» усекает сходу. Ей палки в кусты бросать не надо. Может, конечно, с трофеем заиграться. А что? За свободу страстей ей и вольница полагается. Муштрой да дисциплинкой трепет и восторг глушить? Наоборот: самоупраство в горячем деле прощу за свободу духа и дерзость. У самого в голове — кипятилок. Не охочусь по холодному расчёту. Упреждение никогда не вычисляю. Спроси, сколько «корпусов» вперёд чирка

дал, не отвечу. Навскидку... живём. Как душа вострепнётся. На выхлесте чувств! Под горячую руку. А иначе, это дело тягостное. Так-то вот мои полевосовничья душа с лаечной и срастается. И сколько мы на пару «экваторов» по болотам намотали, не ведомо. Но имя этому великому походу — азарт. И никакой меня экстерьерной зауемью да родословными печатями не возмёмшь, пока природного нерва не нащупаю. Охотничья страсть — единственное право на охоту. Остальное — бракоНЕР-Вство.

Ну, и стал я приглядываться к «американке». Хвост, как заводяга у полуторки — вкруговую. Ушки ошпаренными малиновыми листиками свисают. Но глаза — в глаза. Каждое моё движение словно на память зубрит. Что случайно обронишь, тут же тащит. Вот подавальщица-то. Как бы не свихнулась. Следить за собой стал, контроль установил: не ронять, не кидать. Думаю-гадаю, как бы ей полновесную звериную жизнь устроить, чтобы, значит, память предков в ней расшевелить. Мне бы увидеть, как она на дичину обзарится. А где в начале июня утку раздобудешь? Подсадных я не держу. Не моя это охота, коль на ней собаке делать нечего.

А тут супружница опять пригидилась-загордилась: из морозилки задубелого крякша вытаскивает. Завалился на Трёшкино счастье. С поздней осени её, видать, дождал. А что ему сделалось? Как мамонт, сохранился. Разморозился — жирком лоснится. Дух здоровый, ядрёный, всё — не резиновый. Надо же нух собачонке сызмальства направить. Ноздря, что мушка, сбивать никак нельзя. Ну, и торжественно сунул трофей под нос трехмесячной иностранке. Думал, испугается. Где там! Вцепилась! Тут-то я на радостях проворненько и в кусток его против ветра зашвырнул. И гляжу — разворачивается вислоушка. Воздух взадых тняет, аж брюшко к позвонкам липнет. Не может, думаю, быть. А она уже в ветках смородины косячочится и мордаха к дичаре тняет. Застряла. Я не заметил, как сам на четвереньки сподобился. Ползаю, плету что-то. Молчать бы надо. Не соваться. Отвлёк только. А ветерок-то со щенком лучше меня разговаривает. Запахи нашёптывает запевные. Тут свои беседы-душеведы. И обежала-таки кусточек-то чесапка упорная. Ну, небывальщина же! Пастёнку сует в ослизлого крякша. Волочит тяжёленного. На крылья наступает. Роняет. Сама валится. И ко мне Трюндель-то, прямёхонько к хозяину таранит. На колени я перед ней. Принял. И не удержался. Ещё зашвырнул. И опять — чудо. Знать, кровь у неё правильная, не разбавленная.

Утку — в холодильник. Жене ни слова. А то ещё зазнается. Но она нас после подкараулила с фотоаппаратом. Фотофакт запечатлела. Тут уж нигде не денешься. И началось: я тебе говорила, а ты упёрся в своих лаек с гончи-ми... Отмолчался. Поживём-увидим. Собак по осени считают. И на августовском открытии насобирали с Уралкой

гостинцев. Притравил малышку по свежачку. Куда ни забрось — находит. Где ни спрячешься, туда тебе и — с доставкой в руки. Увлёкся я, чего говорить. Может, и лиху перекидал. А она с меня глаз горящих не сводит. Только — брось! Даже пугать меня стал её взгляд. Зафанатела. Взмахнёшь невзначай пустой рукой, лоб утрёшь, а она уже — на дыбки. Любую преграду ни во что не ставит. Река. Озеро. Болото... С разбега — бултых! Чашинник. Бурелом... Челночит себе. Хвост-пропеллер сучки ломает, траву клонит. Только — кинь!

Но я-то калач тёртый. Мне поиск подавай, самостоятельный, устойчивый. А где его взять? Не тащить же полугодовалого ребёнка в утиные топи. Зато с первыми заморозками по снежку подходил с ней на рябчиков для общего ознакомления с угодьями. Всё — по пятам. Выстрела не боится. Но вижу: не понятен ей наш лес. Не увлекает он её. Не будит. Но мы упёртые, нас не закатать... в банку с огурками. Весной победим. Вот урону у неё на глазах харающего вальдшнепка... Поймёт, откуды у дичи ноги растут.

И заявлялась первая Трёшкина весна-красна. А невеста годовалая — кровь с молоком. Приласкай, лес, красотку заморскую, диву американскую. Играет курчавая шёрстка, огненно-бурая с кремовым бархатным отливом. Жаркая собачка. Так и шьёт вокруг меня по вырубке. Ей нитку дай, она тебя в вирок заматает. Всё рядом выётся — в трёх-пяти прыжках. Ну, отчего же стихия лесная не заывает её? Забегалась бы, искать себя заставила, свистеть, в воздух палить. Так нет. Всё малые круги нарезает, сапоги обтирает. Игрушка с дистанционным управлением. И как сломать в ней «школу» эту раболопную, как разрушить искусственно вживлённый в её мозг культ человека, как гены очистить от плевал. На равных мы, Троекурова! К чёрту импортную законопослушность. Не царь перед тобой. А работник я, балда, преклоняющийся перед твоим гениальным чутьём. Видишь, я перед каждым суком поклоны бью. А ты гордо голову несёшь, потому как лес тебе дом родной...

Ну, и проморгал я первого хоркуна, вернее, прослушал. Трёха-то елозит по кустам, шумит. Я ей на гаснущее небо показываю, дескать, остепенись. А она выше воздетой руки не глядит. Видно, небо для неё там заканчивается, где пальцы мои растопыренные. А надо бы научить её высь просматривать на полёт дробового заряда. Вот задача какая. И — «хор...», «хор...». Тянёт! Прямо на нас. Как по заказу. Я Трёшке стволом вверх тычу, мол, глаза-то открой. А уже прикладываться надо. Ну, накрыл... И дёрнулась Трюндель в сторону падающей птицы. Но с полдороги вернулась. И не доброе чувство во мне шевельнулось, ох, не доброе. Чужая порода... Да, не трояк ты наш, вездесущий, а доллар дутый, бакс пропиаренный. Ведь в триединство: охотник — ружьё — собака, как конь в оглобли, должна вставать. Ведь как привязанная, должна возле трофея пыхтеть. Вот она, в трёх же шагах — со-

бачья мечта в тёплом оперении... Калю тут нервы с тобой добела, искусственница!.. А обиженный Уралик в вольере воет. Вот, лаечка-то, совсем другое дело. Он в лесу, как в библиотеке, запомним читает. И к первому сбиту вальдшнепу, помню, стрелой долетел. Пожадничал, конечно, помял. И — от хозяина пару скоков с добычей в зубах. А как же без этого, раз до беспамьяства предан горячему делу... Да я бы рад сейчас был, если бы Трёха схватила взъерошенный коричневопёрый ком и рванула от меня в чащу. Пусть бы «посекретничала». Втянулась бы. Но нет. Пришлось новости её на добычу. Тут же, без всякой раздумки, схватила и на автомате — ко мне. Робот да и только. С этого момента я ничего ей больше кидать не стал. А дома на жене отыгрался, дескать, повесила мне шею «выкидыша из пробирки».

Только на следующей вечерней тыге и подлечил меня Уралко. Сидит столбиком. Молится по-своему. Ухи на макухе. Так я, не поверите, по его ушам о приближающемся вальдшнепе узнаю. Вот они вздрогнули и пошли медленно в наклон. И точно, на подлёте ширококрылый. А Уралик его глазамися ест, пока я с «колотушкой» управляюсь. Мне и смотреть ни к чему, куда завалится. Не моя это забота — после выстрела думать да гадать. На спуск нажал, а дальше — Уралкова епархия. ... Ладно... Похрустели жареными косточками. Помолчали. Жене-интриганке крыть нечем. Она, видите ли, на выставку с чесапиком собралась. Раз я такой дурак, то пусть у неё хоть выставочная жизнь сложится. Ну, огребли они «цацок» да титулов. Породы-то редкая. Стати у Трёхи знатные. Здоровья я ей натолкал, куда с добром. Ладная да жизнелюбивая. Вся на мускульных пружинах. Прыгучесть леопардовая. Над калиткой, когда встречается, взлетает, как на вертолётной подвеске. Взмывает, но не перепрыгивает. Что за дурь? Лаечка, та никогда бессмыслицы не творит. Махнуть через штакетины на волю, это понятно. А с разгона бить четырьмя лапами в забор... До того калитку раздолбала, что пришлось петли менять. В общем, зарёкся я бабу слушать. Ещё журнал подсовывает. Чёртопляса какого-то в дом приволокла. Однако журнальчик цветастый полистал. А там написано: «Чесси прежде всего неутомимая работяга, и она требует больших нагрузок, дабы избежать нежелательного поведения».

Ладно, перелетовали с горем пополам. Взял я на открытие утиной охоты всех своих троих сыновей. Чтёб свидетели были Трёхиного, значит, позора. Пусть объективную картину матери своей доложат, а у меня уже язык отсох. Поставим окончательный диагноз «американскому чуду», которое, если верить журнальному брёху, до двухсот уток за день вытащить и подать может.

Ну, нам-то рекорды ставить ни к чему: не на мясозаготовках. А постреляли с сынами изрядно. Вот только собрали не всех. И молодёжь мне в голос — упрёк, мол, что это я Урала-то не взял. Трёха

разочаровала моих наследников напрочь. Сбиваем у неё на глазах утку. А она, не добегаая до очевидного места падения трофея, возвращается и вполросительно таращится тебе в глаза. В полтора-то года экая сообразительность?.. Надо лезть самому. Наводить в который уже раз. Всё проклял. Ну, как ей втемашить мыслятину, что дичь после выстрела падает. Вот рукой куда хошь залепи — приволокёт и не тормознёт ни разу. А после бабаха искать, видите ли, не интересно. Американцы! Вы чё творите-то, я вас спрашиваю? Назад к природе, Амэруэка!.. По кочкам ходить надо!.. От плоскостопия помога-

ет. Короче, жена в слезы. Господину Жуковскому звонит, асу дрессуры и натаски ретриверов. И трубочку — мне в раскалённое её истерикой ухо. Я вопрос ребром. А мне мягко и дипломатично отвечают, что на уток с матерью Трёхи не ходят. Но не далее, как вчера, взяли с ней на тетеревиных выводках восемь молодых косачей. А что касаемо моего дикого случая, то я сам виноват. Оказывается, при натаске чесапика, не хозяин должен прятать дичь и тем более забрасывать её перед глазами собаки. Кто угодно, только не хозяин. Ёлыпалы... Во, штучка заокеанская. А я-то думаю, что она жрёт-то меня своими зенками? Гипноз любви и всё такое! Да для неё ж на мне одномоментно свет клином сошёлся. Вот и прыгает она выше калитки, когда встречается. И на ружьё ей начихать и все выстрелы — побоку. Она на руку мою, дары приносящую, как на иглу, крепко подседа. Извиняй меня, Трёшница, раз такое дело. Не сердчай на лаечного однолюбца... Мы в натаске не мастаки, нам сподручной самотёком.

Ну, взял я отдых. Побегал на озеро с Уралкой. Пять вёрст туда и столько же обратно, только уже гружёный «пером». И всё бы ничего. Да как-то на скошенном клеверном полще замаял мой «вездехват» лисёнка. А охотвед, как караулил. Ну, и вышел от него «указ»: до уреза воды и назад до дому — строго на поводке. Это десять вёрст лесом да пересечёнкой на отрыв руки. Пёс-то мой тягач будь здоров. Загорюнился я, утятник прописной. Я же без свиста крыльев по осени заболеть могу тяжело. Начал опять к Трёхе приглядываться. А она, смотрю, к ружьишку жаться стала. А где рюкзак мой пахучий под себя подвернёт да посапывает. Видать, мемуары у неё, никак, тоскует по угодьям. Ну, и с ней вприпрыжку на болотину. И получаю тот же рецидив: «глаза, рука». Выкатит свои янтарные и ждёт взмаха. А трофей тем временем уже мокнет. Сызнова идём искать вдвоём. Я наводчиком работаю. Правда, сам и сбился. А Трёшка стремительным скоком по жиже кусты протаранила и метрах в десяти от меня схватила битую птицу да и подала. К ногам — шмяк мясистую. И голову вскинула на меня. А я вижу, брыли-то у неё верхние вздёрнуты и носик так кокетливо сморщен, что выходит редкого обаяния улыбка. Вот тебе и морда лица. У лаек-то выраже-

ние всегда одно — внимательной сосредоточенности. А тут, гляди ты. Ну, почесал ей между глаз. Это у меня комплимент такой. Да скоро и забыл про улыбку. Потому как опять превратилась моя Трёшница в зашоренного поносками ретривера. И как вывести её из этого состояния я, кондовый лайчатник, не ведал. Вырастить вырастил, а довести до ума...

Выручил Урал. Надоело ему сидеть под арестом. Махнул он через два забора и — в самоволку. А я слышу слева шажки по водице с шуршащим наплывом. Его походочка. Да прямо по утиным посиделкам. На ветерок, как положено. Партизан серый. Молчком. На глаза не кажется. А уже в деле. Вот-вот поднимет, чертяка. Трёха к нему на махах. Подшумела не к стати. Но он на неё рыкнул. Привёл в норму разом. И та, слышу, «взяла ногу». Вот он, собачий-то язык. А я в нём — немота голимая. Но сам-то на островок скоренько. Мне сплеховать-то сейчас никак нельзя. Чую, момент истины близится. И вот она, тяжкая оплеуха по затянутой ряской воде. Хрусткий разрыв растительного плена. И только клинки крыл полоснули по кудельным макушкам, я обрушил матёрую птицу вниз. За гулом выстрела ни шлепка, ни других шумов. И вдруг — нарастающий бурлящий мах, таранный слом

стеблей. Это Трёха ко мне рвётся сквозь зелёную гущину. Видать, Уралко шуганул: он шибко не любит добычей делиться. И скакать по воде козлом он не будет. Не его стиль. Всегда степененько рассекает грудью водоросли и носом каждый шаг выверяет. А тут вездеходина прёт. И вот она выламывается из плетёной стены. И слепой от солнечных бликов да верных брызг я не сразу глазам своим верю. Поперёк задышливой пасти — селезенька уложенный в зелёной беретке. Я рот развесил. Патрон как раз менял. Принять по-людски не могу. Одним глазом жду новую восточку от Уралки, а другим любуюсь Трёшкиной улыбкой до мозжечка. Ах, ты чудило!.. Мне бы угостить Уралкину послушницу ласковым словом. А я в камышины вжался. «...Гляжу, поднимается медленно в гору...» Утыра-а!.. Нагулянная до лоска. Последний привет сентября. В полукруг заваливается. И вверх спиралит... Ну, Трюнделёк, смотри! И Уралко сейчас морду вывесь задрал. Ждёт моего верняка. Надеется. Знает, что «толкнул», как надо, и цель — «на выстреле». Эх, теряю я голову от такой живописи. Сердце колошматится. И как оно только выдерживает, противоударное моё? И во всегдашней в такие моменты дрожливой сумятице чувств, в вековых этих влопыхах — бум!.. И вижу краем глаза, как

Трёха полетела навстречу добыче, пикирующей с заломленной шеей. Прорвало её, наконец-то! Нетерпеливые инстинкты, что распирали чесси изнутри, хлынули в этот миг, в этот день, в эту девятую осень третьего тысячелетия. Рассекая неглубокую заводь, она вынеслась на середину и в сумасшедшем прыжке перехватила утку ещё в воздухе. Но встречный отвесный удар был так крепок, что собака сама перевернулась и зарылась головой в воду. И в тот же миг какая-то яростная катапульта выбила её со дна! И это был долгожданный взрыв-выплеск... свободного духа охоты, востание брызг и фонтан страсти. С уткой в зубах бурая бестия взмыла над камышовой оградой (как дома — над калиткой) и грудью влетела в высокие врата... великой русской охоты. А там орал от восторга я. И лез с объятьями, и лизался по собацы.

Но так же, как и Урал, Трёха сейчас мне не принадлежала. Она уже не искала моего взгляда. Выskalывала-выкручивалась из рук, которые совсем недавно дарили ей манну небесную. Любовь к хозяину — это только первый шаг к пониманию и обожанию огромного мира. Всё. Теперь она присягнула своей царице — Природе. И я остался стоять с её царственным трофеем. А она унеслась к своему суровому наставнику, никогда не менявшему выражения морды. И тогда он рассказал «утиной собаке» всё, что знал о птицах, садящихся на воду. Поведал о том, где они любят уединяться. Научил держать с хозяином «связь» и «работать» на него. Единственное, чего не восприняла ученица от учителя — его врождённого степенства. Она осталась верна одержимости и кипучей энергии своих предков, прыгавших в море с бортов парусников, чтобы помочь рыбакам вытянуть тяжёлые сети. И, открыв для себя поиск, Трёха прочёсывала болотные заросли, словно трал. Силища и старание, с которыми она отдавалась промыслу, поражали своей беззаветной самоотверженностью. Никакие преграды не могли противостоять неукротимости её характера. Она подавала всё и отовсюду прямо с доставкой. От нас обоих валил пар. Даже мой и без того широкий шаг стал ещё размашистее.

И мы забрели в глубокую осень. И грянул знобными утренниками ноябрь. Но если, кто и дрожал под пронизывающим ветром на пролёте северной утки, так это я. Трёшка словно не замечала смены времён года. Смазанный чесапиковым жиром «утиный» подшёрсток, отталкивал студёную воду. Первый лёд в застоялых бочагах она ломала, как ледок. И это была невидаль. И ставший заискивать передо мной охотовед умолял показать «невидаль» его начальству. Изумлённый чинуша расчётливо поинтересовался, где, мол, такую собаку можно раздобыть? Посмотрев на его живот-пелмень и вареникообразное плечико, с которого сползала десятизарядка, я твёрдо ответил, что — нигде. Таких собак больше нет. «Правда, Трёха?» И она широко улыбнулась в ответ.

Русские писатели-охотники

Григорий Анисимович ФЕДОСЕЕВ 1899-1968

Пути Господни неисповедимы. Землепроходец Григорий Федосеев прошагал по таёжным и горным тропам многие тысячи километров, прежде чем понял, что его главный путь ведёт в страну с названием «Литература». Претерпев все мыслимые физические страдания, однажды он сел за письменный стол перед стопкой чистой бумаги и удивился: «Труд исследователя всегда был тяжким испытанием. Ему я посвятил всю свою жизнь. Но я никогда не подозревал, что написать книгу куда труднее. Порою меня охватывало смятение, я готов был бросить работу и только долг перед своими мужественными спутниками заставлял меня снова и снова браться за перо».

В литературу Григорий Федосеев пришёл в том возрасте, когда многие писатели в ней разочаровываются, — ему было за пятьдесят. А до того, как «браться за перо», он с топографическим планшетом и ружьём на плече годами жил экспедиционной жизнью: ночевал в палатке или под звёздами, варил похлёбку на костре или голодал. Родился он в канун 20 века на Северном Кавказе в станице Кардокинской (Зеленчукской), на отшибе от магистральных дорог и исторических событий. Крестьянское происхождение не сулило романтического будущего, но Федосеев окончил Кубанский политехнический институт (1926) и связал свою жизнь с путешествиями.

По сталинскому плану индустриализации страны тысячи специалистов самых разных профессий отправля-

лись в глухие и отдалённые области СССР. На долю Федосеева выпали геодезические работы по изысканиям трассы (1930) для будущей железной дороги в Хибинской тундре на Кольском полуострове, на месте его походного бивака скоро вырос город Кировск. Потом была Муганская степь в Азербайджане и, наконец, Забайкалье, Саяны, труднодоступные районы Сибири и Дальнего Востока, где он вместе со своими товарищами в нелёгких походах закрывал последние белые пятна на географической карте нашей страны. Стратегическая важность этих работ была столь велика, что они не прекращались даже во время войны, и Федосеева не отпустили на фронт.

Первые попытки облечь личные дневниковые записи об эвенкийских походах в литературную форму Федосеев предпринял ещё в 1940 году, но лишь через десять лет, по совету друзей, отправил свои записи в журнал «Сибирские огни». Рассказы представляли собой слегка обработанные путевые дневники, но после большой редакторской работы были опубликованы в журнале и вышли отдельной книгой под названием «Таёжные встречи» (1951, 1954). В «Сибирских огнях» впервые было напечатано и большое повествование «Мы идём по Восточному Саяну» (отдельное издание вышло в 1956 году). Успех первых книг совпал с выходом на льготную пенсию, и Федосеев, натерпевшись в холодных и голодных краях, перебрался ближе к родине — на тёплую Кубань, чтобы отпущенные Богом годы посвятить литературе.

Многие события из прошлой беспоконной жизни сохранились в дневниках, помогли оживлённая переписка и встречи с товарищами по давним походам. Было что вспомнить! В течение шести лет (1948—1954) Федосеев руководил небольшой бригадой топографов по исследованию пустынного побережья Охотского моря и глубинным горным областям хребта Джугдыр. Драматические обстоятельства, с которыми сталкивались участники этих экспедиций, легли в основу двух новых повестей: «В тисках Джугдыра» («Тропюю испытаний») и «Смерть меня подождёт». В них впервые появляется эвенк Улукиткан, охотник-проводник, не раз спасавший жизнь Федосееву и его спутникам. Увы, не обошлось и без гибели участников экспедиции. А эвенк Улукиткан, наряду с героем книг В.К. Арсеньева гольдом Дерсу Узала, в советской литературе стал символом бескорыстия, нравственной чистоты и особой, многим недоступной философии сосуществования че-

ловека и дикой природы. В предисловии к книге «Смерть меня подождёт» (1963) известная поэтесса Мариэтта Шагинян назвала образ Улукиткана одним из самых «обаятельных» в нашей литературе.

Улукиткану было уже за девяносто, но он по-прежнему жил по вековому укладу своих предков: олени — охота — рыбалка... На охоте он и погиб в 1963 году. Григорий Федосеев, узнав о его гибели в тайге, отправился с Кубани на Дальний Восток и вместе с верными друзьями-таёжниками поставил в память об Улукиткане четырёхгранный геодезический тур из бетона на берегу Зеи. Сейчас этот своеобразный памятник погребён под толщей Зейского водохранилища. А живший в мире и согласии с природой Улукиткан ушёл «к верхним людям», так и не поняв своим чистым, детски-наивным разумом, для чего Советской власти понадобилось все, непременно «все богатства взять из-под земли». А что же останется потомкам?

Не секрет, что экспедиции в таёжные и малодоступные районы до сих пор снабжаются огнестрельным оружием. Карabin, охотничьи ружья, револьвер — обязательная деталь в экипировке изыскателя. Во времена Федосеева о тотальном оскудении животного мира ещё не говорили, и участникам дальних походов вместо банок с мясными консервами выдавали лишнюю пачку боевых патронов. Но без охотничьей смекалки и выучки трудно подстрелить не только дикого зверя, но даже заурядную утку. Федосеев был отменным охотником, его добычей становились медведи, лоси, звери крупные и помельче, зачастую от успеха охоты зависело меню экспедиции: либо чай с сухарями, либо суп с мясом.

Для любителей охоты и охотничьей литературы повести Федосеева — настоящий клад. В советской литературе найдётся не так много писателей, посвятивших столько страниц охоте. Это и немудрено, потому что он и его товарищи никогда не расставались с оружием, а в самом авторе книг, с его же слов, «зверобой уживался с терпеливым натуралистом, много наблюдавшим за жизнью зверей и птиц». В конце жизни охотничий инстинкт угас в «зверобое», но писатель никогда не раскаивался в прошлой любви к охоте и оружию.

Великий таёжный труженик Григорий Федосеев и в литературе работал с большим напряжением сил, преодолевая ступени литературного мастерства. Рабочий день писателя начинался в 6 часов утра, и до двух часов дня он, не разгибая спины, мел-

ким убористым почерком писал новые главы, безжалостно кромсал написанное и опять писал — без выходных и праздников. И если первые его повести можно назвать документальной прозой (пусть и с множеством приключений), то более поздние произведения («Пашка из Медвежьего лога», «Злой дух Ямбуя», «Последний костёр») отличаются творческой свободой и полётом фантазии автора.

В 60-е годы книги Федосеева завоевали большую популярность, их издавали не только в «странах народной демократии», но и в Америке, Франции, Англии. Наверное, европейцам было очень занятно лишний раз поработать громадности России и убедиться в беспечности и безалаберности русских, к середине двадцатого века так и не сподобившихся облазить и обмерить все свои богатые кладовые и владения.

Приключения горстки геодезистов, предводительствуемой проводником Улукитканом («Тропой испытаний»,

«Смерть меня подождёт»), автором не выдуманы, но иногда читателю может показаться, что невероятные трудности на их пути явно преувеличены. Это не так. Магаданский старожила Варлам Шаламов, проведший в сталинских лагерях почти два десятилетия, в своих «Колымских рассказах» пишет о том, как однажды его отрядили на геодезические работы, и он с удивлением узнал, что участь и работа землемеров почти не отличаются от тяжкой доли колымских лагерников. Иное дело, что за свой каторжный труд Шаламов заработал туберкулёз и пеллагру, а Григория Федосеева за геодезические изыскания наградили (вполне заслуженно) двумя орденами Трудового Красного Знамени, в 50-е годы ещё редкими и весомыми.

Кубанская жизнь старого топографа проходила в литературных заботах, но, выкроив свободное время, он любил окунуться в привычную бродячую жизнь. Федосеев был желанным гос-

тем в азовских рыбацких артелях, выходил в море, вместе со всеми выбирал сети и сортировал рыбу, варил на костре уху «по-табьжному».

После смерти Улукиткана Григорий Анисимович пережил смену собственных воззрений на жизнь и смерть. Именно звенк-бессребренник помог ему в новом постижении огромного мира природы и человечности, проведённые с мудрым охотником годы Федосеев стал называть «академией». Символично, что повесть об Улукиткане «Последний костёр» стала для писателя последней. Он умер от разрыва сердца, внезапно, во время сборов из Москвы на Кубань. Его романтическое завещание выполнили старые друзья-геодезисты: урну с прахом писателя сначала на самолёте, а затем на вертолёт доставили в Саяны и, захоронив на перевале Идеи у пика Грандиозный, воздвигли памятник. А перевалу официально было присвоено имя Григория Федосеева.

М. БУЛГАКОВ

Улукиткан

Г. ФЕДОСЕЕВ

Распласталась тайга по заснеженным холмам, выстала пади, ушла сплошной чернотой за хребты. Всюду величественная тишина зимнего леса. Изредка стукнет дятел: ударит клювом в сушину, смолкнет, ударит еще, посылнее, и как зачистит... Долго не стихает в лесу этот дребезжащий звук. Он так обычен, что, кажется, не нарушает общего покоя.

В вечернем сумраке багровел закат. Воздух был резок. Все замерло в безмятежной истоке угасающего дня. И такая благодать, такой покой, будто в природе на века наступило примирение. Ни хищников, ни бурь, ни смерти.

Тишину разорвал шум крыльев вспугнутой стаи синиц. И еще не успел смолкнуть шорох их крыльев, как послышался хруст снега под чьими-то легкими шагами. Затем ближе, точно от удара, вздрогнула березка, раздвинулся стланник, и в образовавшемся просвете появился Улукиткан.

Выбравшись из чащи, он, не задерживаясь, на ходу стряхнул с ушанки снег, протер лосевой рукавицей глаза, глянул на меркнувшее у плоского горизонта солнце. Не торопясь, вывел из чащи три пары оленей, впряженных в нарты, нагруженные охотничьим скарбом. Спустился к речке Арга и на пологом берегу остановился. В холодном безмолвии спала река. За нею простерлась на запад бесконечная равнина, угрюмая и в снежной близине своей однообразная, как синь океана. Слева за тальниковым частокотом звенк увидел поляну, увалом прижатую к реке. Именно сюда, к ней, он и пробирался.

Более трех десятков лет назад тут однажды была его стоянка. Однако и сейчас все ему на полянке знакомо: и приземистые ели, столпившиеся у невысокого берега, и озерко под рекою, в оправе из пожелтевшей осоки, теперь замерзшее, и старые пни от срубленных им еще тогда деревьев. Проходя мимо, Улукиткан толкнул ногою один из пней, и тот развалился. «Пни и те сгнили, а я еще топчу землю», — подумал старик.

Он подвел упряжки к ельнику. Отпустил оленей. Достал пальму — большой нож с длинной рукояткой, заменяющий топор, и ушел в чащу.

За тусклым горизонтом потухал закат. Из боковых ложбин, из чащи наплывал холодный сумрак. Одна за другой в небе загорались звезды.

Старик не торопился с устройством ночлега. Для одинокого путника зимняя ночь кажется бесконечно долгой, чего только не передумаешь, где только не побываешь, мысленно дожидаясь рассвета! «Как-нибудь прокоротаю ее, а завтра приедет Басиль, будет веселей, и языку найдется работа», — размышлял он.

Улукиткан опознал место, где когда-то стоял его чум. Выстал это место лиственничными ветками, установил печь, натянул палатку, принес воды. Раньше он все это делал легко и быстро, а теперь не тот взмах пальмы, шаг стал мельче, да и в руках не осталось прежней силы.

Перед тем как забраться в палатку, старик оглядел звездную синеву неба над стоянкой. Ухом припал к тишине.

С юга через марь набегал легкий ветерок. В нем расслышал он, как далеко отсюда глухо гудел огромный, непостижимый для разума лес. «К непогоде...»

А в палатке теплынь. Мигает свеча. Пахнет отогретой лиственничной подстилкой. Чудесный запах! Куда нежнее и ароматнее запаха еловой или сосновой хвои. Вообще Улукиткан предпочитает его любому запаху.

Звенки давно уже живут оседло, сменив дырявый берестяной чум с негаснущим очагом в нем на четырехстенную уютную избу с печью. Только такие старики, как Улукиткан, не могут, не видят смысла ломать установленный прадедами уклад жизни, связанной со звериными тропами, полной поединков со стужей и непогодой. Вся его жизнь — большой аргиш. Одна-две ночевки на одном месте, и дальше, к новому небу, к другому ручейку, туда, где лес в тихую погоду, кажется, поет колыбельную. Улукиткан убежден, что на свете нет ничего уютнее полотняного жилища с лиственничным запахом, нет ничего вкуснее пшеничной лепешки, испеченной на жарких березовых углях, и здоровее сна у костра, он не знает приятнее музыки, чем голоса живой природы.

Улукиткан сбросил с худеньких плеч дошку, подложил в печку дров, присел к теплу. «Хорошо!» — подумал он, доставая из потки посуду, сумочку с сахаром, масло, отварное мясо. Скорее бы закипел чайник...

Улукиткан слышит, как шелестит снег, падая на крышу палатки, как за

озерком стонет, качаясь, старая лиственница, как за Аргой кричит голодная птица. Расстегнул вход в палатку и, высунув седую голову, взгляделся, вслушался в беспросветную темень. Где-то внизу тихо шумели старые сосны. «К утру снег перестанет, переноса будет, а это всегда охотникам фарт, может, и мне повезет», — порадовался старик.

После чаепития он занялся подготовкой к охоте: отложил несколько беличьих патронов к бердане и три для крупного зверя. Его пес Пакет — мастер берлоги искать, авось и нынче поднимет зверя, тогда он, Улукиткан, старому дружку своему Уйбану не сохатиную шкуру привезет, а медвежья. Теплая будет ему подстилка под бок, да и укрыться ею куда с добром. Улукиткан достал из потки трубку, сам не курил, но на всякий случай, для встречи с кем-нибудь возьмет и трубку. Посмотрел, не продырявились ли меховые чехлы для лыж, без них не скрадешь в тихом лесу зверя.

Сон не приходил к Улукиткану. И перед ним вставал завтрашний день: лес, встревоженный выстрелами, след зверя, призывный лай Пакета. Всякий раз, когда он находился в тайге, им овладевало это загадочное чувство. Он никогда не пытался осмыслить, понять его, просто слепо доверялся и отдавался ему. То было чувство привязанности к тайге, ко всему, что связывало с ней, — и это было для звенка чем-то таким, что дороже всякой добычи, сытого табора, что он не променял бы на сотню черных соболей. И он радовался сейчас, что это чувство дожило с ним до глубокой старости, приносит ему и теперь величайшее наслаждение. Именно эта привязанность и привела его теперь на Аргу.

Думал он и о другом. Безымянный голец, с которого он вывел в «жилуху» астрономов — Ивана Ивановича и Алю, оказался последней покоренной вершиной в его жизни, как и то стадо снежных баранов, которое он видел тогда, уходя с гольца. Не пришлось ему больше бывать в горах, скрадывать крутогорих. И тогда же, у стойбища, куда он привел астрономов, навсегда оборвалась долгая тропа проводника, догорели костры последних шумных привалов. Не сопровождал он больше ни одной экспедиции, годы отняли у него право быть впереди идущим. Будто кто-то пальмой пересек жизнь звенка, разделив ее на прошлое и сегодняшнюю старость.

Он заснул и во сне увидел далекую чайдахскую тайгу — глухой безлюдный край, где много лет назад он, будучи проводником, ослеп. Потерял солнце, тропу, приметы, но не бросил спутника, вывел его из большой беды, спас и себя. То был небывало голодный путь, нечеловеческие испытания. И все это он снова переживал в снах, которые часто переходили в кошмары. Улукиткан сбивался с направления, тонул вместе со спутниками в зыбунах или на поро-

гах, бессмысленно блуждал по чащам и болотам. А просыпался с тяжелой головой.

Утро ещё таилось за тусклым горизонтом, когда Улукиткан застегнул за собою вход в палатку, привалил край полотна поленом. Долго стоял, поглядывая на все стороны, раздумывая, куда ему податься, где вернее искать свою удачу? Можно бы за реку, в ельники, места там подходящие для белки, однако кочковатые мари, не везде пройдешь. Неплохо бы податься на ложки, там-то наверняка есть зверь, но ходить по крутым отрогам у старика уже не было сил. «Совсем не остается мне и дела и места в тайге», — с горечью думал охотник.

Улукиткан еще раз окинул хозяйским взглядом становище и, подчиняясь какому-то внутреннему охотничьему приказу, уверенно отправился в глубь лиственничной тайги, навстречу разгорающемуся дню.

Лес еще был полон ночного оцепенения. Деревья стояли, опущенные снегом, с высоко поднятыми вершинами, сквозь которые чуть сочился голубоватый свет утра.

Старик неторопливо месил лыжами податливую переносу, любуясь сказочным, неповторимым снежным царством, — на пнях белые папахи, на берегах висячие кружева инея, коряги превратились в снежные хоромы, под стланиковыми навесами — таинственные пещеры. Старик бережно обходит хрупкие творения ночного снегопада.

Опытные глаза охотника ничего не пропускают. На свежем снежном покрове читают они предутренние следы лесных обитателей. Вот мышь, крошечное беспокойное существо, высочила из норки поглядеть на заснеженный мир и, пробега к соседке, настрочила

малюсенькими лапками стезжку. А это дикий олень, опускаясь в береговой ельник на кормежку, взбил сильными копытами белизну переносы, по пути развалил своей огромной тушей легкие снежные надстройки. Вот следы горностая, в поисках пищи этот хищник шнырял по темным закоулкам стланика, взбирался на валежины, чтобы осмотреться, принюхаться, и бежал дальше голодный, злой.

Из распада, к которому подошел Улукиткан, донесся еле уловимый звук. Старик остановился, напряг слух и глаза. «А где же Пакет? Почему не подает голоса, оглох, что ли?» — подумал старик и зашагал к густой лиственничной чаще, откуда донесся непонятный звук...

Охотник подошел к береговому обрыву. Дальше, за Аргой, лежала бурлистая равнина, сглаженная к горизонту белизной снегов. На ней кое-где были видны узкие полосы ельников, будто черные незажившие шрамы земли. «Там наверняка белка живет, ее места», — подумал Улукиткан и уже хотел было спуститься на реку, как слева послышался треск сучка под чьей-то ногой.

«Зверь», — заключил Улукиткан и круто повернул лыжи в направлении этого звука, потянул свой след к чуть видневшейся сквозь морозную мглу пади.

Шел он осторожно, то крался по кустарникам, низко пригибаясь, то укрывался за толстыми стволами лиственниц. Совсем близко послышался тот же треск. Охотник огляделся по сторонам — никого не видно. Вокруг глубокая морозная тишь.

Улукиткан взобрался на мысок и, прижавшись к дереву, огляделся. Впереди резкой темной полосой начинался сосновый бор. Правее его, по па-

дям и заснеженным холмам простира-лась старая гарь. Улукиткан внимательно всматривался в гарь, в подлесок, но ничего не мог различить. «Лет десять назад — враз бы увидел, а теперь лешевы глаза хоть выколи!»

И вдруг слева, совсем близко, послышался скрип снега под чьими-то тяжелыми шагами. Улукиткан глянул туда и сильнее прижался к сосне: «Сохатый!» Вот он весь повернулся к охотнику, прислушался, наострил уши. Что-то, видимо, встревожило его.

Улукиткан, пожалуй, еще не видел в жизни такого огромного зверя. Весь облитый солнечным светом, он казался прямо-таки великаном. Темной масти, а спина совсем черная. На голове корона широченных рожниц. Могучая грудь. «Однако, жирен!» — дивился старик, примериваясь глазом к зверю, от которого его отделяли слева по увалу редкий ольховник, а справа падь, заваленная стволами упавшего леса. Место неудобное для скрадывания, земля завалена сухими сучьями, малейшая неосторожность — и прощай добыча! У сохатого отличный слух и хорошее чутье, но зрение неважное. Он житель леса, а в лесу видимость короткая, и у сохатого выработалась как бы близорукость в отличие от обитателей открытых мест, степей и гор, где зрение имеет первостепенное значение. В двух сотнях шагов вряд ли сохатый отличит человека от пня, зато его шаги он услышит за версту. И все же Улукиткан решил подобраться к зверю по гари.

Пятясь задом, он спустился с мыска, скатился к реке. Достал из котомки длинные чехлы, сшитые из собачьих шкур шерстью наружу, натянул их на свои широкие лыжи. Зимой в тихую погоду только в них и скрадешь зверя — собачья шерсть глушит под лыжами шорох снега.

Воздух недвижимо висел над разогретым лесом — это для скрада не очень-то хорошо. Старик сбросил с плеч поняжку — лишняя тяжесть ни к чему. Затянул потуже ремень на животе и подоткнул под него полы дошки, чтобы ногам было свободнее шагать. Еще раз оглядел гарь, усеянную мертвыми деревьями. И бесшумно двинулся вперед.

Вот и выскорь — замеченная с мыска старая лиственница, падая, подняла своими могучими корнями большой пласт земли, точно щит, поставленный на ребро. Надо добраться до него — и можно стрелять. Слышно, как лениво шагает зверь по снегу, как с треском ломает тальник и смачно жует молодые побеги.

Улукиткан занес ногу, чтобы перешагнуть через валежину, но пошатнулся и наступил лыжей на сухой сучок. Треск сломанного сучка в тишине показался взрывом. Улукиткан, ухватившись за сушину, замер. Но зверь, почему-то даже не пошевелив головой, продолжал кормиться. «Эко, спокойный какой!» — удивился Улукиткан и осторожно перенес через валежину другую ногу.

Он подкрался к выскори. Перевел дух. Глянул в щель между корнями. Сохатый был от него шагах в пятидесяти и весь на виду. Улукиткан развязал кожаную сумочку, висевшую сбоку, достал из нее патрон с большой пулей и перезарядил бердану. Не торопясь, просунул в щель ствол...

Зверь, видимо, что-то почуял, вскинул рогатую голову, поставил торчащие уши и замер. Но было уже поздно. От выстрела дрогнула тайга. Сохатый круто развернулся, спотыкаясь, бросился вверх по пади, но, не одолев крутизны, повернул назад, вниз. В слепом беге, насккивая на сухостой, грудью руша снежные наметы, с треском подминающая под себя молодые деревья, он уходил к Арге. И там, у реки, внезапно оборвался его бег.

Старик постоял, еще не уверенный в удаче, еще не зная, насколько тяжело задела пуля сохатого. Он разрядил бердану, продул ствол. До его слуха долетел гортанный крик какой-то птицы, должно быть, первой увидевшей свалившегося сохатого. Вот и горностаи прошмыгнули мимо старика в ту же сторону. Этот запах крови чувствует далеко. Над рекой появилась стая кукуш. «Ничего в тайге от них, негодниц, не скроешь, исподволь за всем следят, все видят и тотчас передают друг другу», — подумал старик и, не задерживаясь, пошел на крик птиц.

«Знал бы Басиль, что я добыл сохатого, наверно, не пожалел бы оленей, поторопился. Он любит отварную жирную грудинку, хорошо нынче угощу его!» — Старик совсем забыл о неудаче с «казакком» (сободем), вновь повесил в себя.

По пути поднял брошенную котомку. Снял с лыж чехлы, приторочил чехлы к поняжке. Все так же не торопясь, направился к убитому зверю. «Должно же было мне сегодня повезти... Пожалуй, еще поживу своей добычей, не нужно мне занимать на жизнь у кого-нибудь. Еще будут радости!»... И внезапно до тошноты, резко ощутил он голод. Вспомнил, что с утра ничего не ел, лишь выпил кружку чаю у дупляной сосны.

След раненого зверя с гари свернул вправо, к видневшейся в сосняке полянке. Тут Улукиткан увидел лежку, залитую кровью. Но самого зверя не оказалось. Старик внимательно осмотрел лежку. Зверь лежал на левом, кровоточащем боку, головой к своему следу. Эвенк припомнил, что в момент выстрела сохатый стоял к нему правым боком — значит, пуля прошла навывлет. Не должен бы далеко уйти...

Улукиткан направился к Арге, куда раненый зверь потянул свой след. И вскоре он увидел за рекою, на заснеженной мари, живую черную копну, медленно движущуюся на юг, к темному ельнику у горизонта. Это был его сохатый. По тому, как он медленно уходил от опасности, эвенк заключил, что ранен зверь смертельно. Он заторопился — ишь как солнце-то уже низко!

Шел и думал о сохатом: «Зачем, на свою беду, ты так неосторожно ломал тальник, оставляя такие после себя следы, ведь они свели мою судьбу с твоею. Теперь мы идем одной тропой, будто связанные длинным ремнем. И возле нас близко смерть. Кого-то из двоих она скоро схватит за горло. Ты можешь рассчитывать только на себя. И я тоже. У тебя рана, у меня старость. Тебе надо уйти, а мне догнать тебя. Нам обоим одинаково трудно...»

Старик вдруг почувствовал тяжесть и боль в своих усталых ногах. Остановился в нерешительности. «Хорошо, если до темноты догоню, возле убитого зверя ночевать легко, приятно, а если добычу упрячет от меня ночь? Однако лучше вернуться на табор, а завтра утром выйти в погоню со свежими силами, никуда зверь не уйдет от своего следа». Улукиткан готов был уже повернуть лыжи, но снова задумался: «Сын Басиль, наверно, уже пришел на табор. Не скажет ли он с усмешкой:

стар ты, отец, не охотиться тебе больше, если бросаешь в тайге раненого зверя?..» Старик колебался. Склонившись грудью на посох, он смотрел, как уходила от него добыча. И чувствовал, что у него сегодня уже нет сил гнаться за нею. Издалека с заречной стороны до него донесся вой — то растеклась по равнине голодная волчья песня. Улукиткан увидел, как сохатый, слышав волка, шаркнулся в сторону, пробежал немного, остановился, опустил рога к земле, охваченный предчувствием новой опасности, готовый обороняться. «Ишь, как скоро учуял, проклятый хищник! Но нет, не дам тебе поживиться», — подумал Улукиткан о волке и решительно повернул лыжи на Аргу. Мясо зверя, пораненного волком, считалось непригодным в пищу, такой таежный закон. Не дать волку опакоститься добычей — это было теперь для старика главным.

Перебежав по льду реку, Улукиткан выбрался на марь. Последние лучи закатного солнца косо пересекали снежную белизну. На ней черным пятном маячил сохатый, он с трудом вышагивал по кочкам все в том же направлении — к ельнику. Иногда останавливался, поворачивал голову в сторону, откуда донесся вой, и надолго застыл на месте в тревожном ожидании. Страх перед хищником, видимо, на какое-то время оттеснил опасность, которую он чуял позади от шедшего по его следу человека.

Улукиткан снял лыжи, поставил их торчком в снег, чтобы на обратном пути было легче их найти. На мари на них далеко не уйдешь. Не выпуская из виду сохатого, он зашагал быстрее. Кочки, иногда высотой до пояса, очень затрудняли путь. Но мысли о волке заставляли Улукиткана торопиться. И хотя он понимал, что не в его годы состязаться с быстроногим и злобным хищником, все же решил не отступаться от своей добычи.

Сохатый стал чаще останавливаться. Видимо, его покидали силы. Может быть, так и догнал бы его старик, но послышался снова вой голодного волка, и лесной великан вскопился, охваченный страхом, он спешил скрыться в лесу, но ноги у него уже подламывались, рана болела и кровоточила, и только врожденная чудовищная выносливость толкала сохатого вперед.

Проклятые кочки вконец измотали и силы старика. Когда раненый зверь останавливался, останавливался и старик. Опираясь жилистыми руками на посох, он отдыхал. Казалось, между ним и сохатым установилось какое-то равновесие в движении и во времени. Но зверь шел все медленнее, и это обнадеживало охотника. Он рассчитал, что до темноты ему удастся приблизиться к сохатому на выстрел и тогда кончатся страдания и зверя и его собственные.

Волк был где-то совсем близко. Улукиткан, напрягая последние силы, подбирался к раненому сохатому, ползком,

хватаясь руками за кочки. Сохатый, почуяв его приближение, повернулся к охотнику, сделал два огромных прыжка в его сторону и замер, пораженный близостью человека. Но не побегал. Вечный страх перед ним уступил чему-то другому, более сильному.

Улукиткан поднялся с земли. И вот зверь и охотник стояли открыто друг против друга. Оба обессилившие, но полные решимости. Старiku надо было пройти еще шагов тридцать, чтобы стрелять наверняка. Но его ноги не в состоянии были сдвинуться с места. А соблазн был слишком велик — гора мяса, огромная шкура. И он встал, опираясь на бердану. Сохатый фыркнул, переместил все четыре ноги на шаг вперед, но удержался, не упал и медленно двинулся навстречу звенку. Вооруженная тяжелыми рогами, с выброшенными вперед острыми надбровными бивнями, голова зверя была низко опущена. Улукиткан знал, как опасен раненый сохатый.

Не мешкая, он перезарядил бердану единственным оказавшимся при нем большим зарядом. В это время на том месте, где стоял раненый зверь, поднялся огромный столб снежной пыли, сквозь которую замелькали взмахи рогов вздыбленного зверя, послышались храп и стон, ударами сильных ног сохатый рушил мерзлые кочки, разбрасывая далеко от себя мерзлую черную землю.

Звенк невольно вскинул бердану. Справа от головы сохатого он увидел серую тень волка. Это был матерый бирик — одиночка. Голод заставил его в одиночку напасть и начать схватку с сохатым, возможно, волк понял, что его могучий противник ранен. Затяжным прыжком он хотел схватить сохатого за горло, но промахнулся и лишь на какой-нибудь волосок увернулся от смертельного удара передних копыт сохатого. Волк быстро оправился, еще больше рассвирепел. Он-то знает, как брать такую крупную добычу, только бы вцепиться сохатому в горло, тогда достаточно одного сильного рывка — и жертва захлебнется собственной кровью. Но горло оказалось под охраной острых рогов и сильных ног, способных одним ударом пересечь пополам любого хищника.

Волк вдруг переменял тактику, решил взять зверя сзади. В лесу бы сохатый прижался задом к выскори или

толстой лесине и ничего бы ему не сделала даже стая волков, а тут, на открытой мари, он был беззащитен. Он разгадал маневр хищника, мгновенно повернулся к волку.

Улукиткан видел, что сохатый, отбиваясь от разъяренного волка, пятится задом к нему, все ближе и ближе. «Еще немного — и пальну». Старик приподнял ствол берданы вверх, прижал ложку к щеке и внезапно понял: зверь, доверчиво отступая в его сторону, как бы ищет у него защиты. И он опустил ружье... В это время сохатый приподнялся на задних ногах и в следующее мгновение обрушился всей своей огромной тушей на волка. Тот отскочил, но, ударившись о кочку, упал и тут же был насажен на острые рога лесного великана. Сохатый поднял волка высоко, как бы показывая невидимым врагам, на что он еще способен, и тут же сам со стоном рухнул на землю.

Волку стоило огромных усилий сойти с рогов. Он снова накинусь было на сохатого, но силы его иссякли. Хищник стал кататься, хватая зубастой пастью снег, и пополз прочь, оставляя на мари кровавый след.

Улукиткан встал, направился к сохатому, шел не таясь, держа наготове бердану. Хотел подойти поближе и наверняка покончить с сохатым: «Неправда, что счастье откатнулось от меня. Это ли не фарт!»

Сохатый увидел приближающегося человека, с трудом приподнял перед, потом зад. Встал. Еле удерживаясь на ломких ногах, шагнул навстречу охотнику. В его движениях, позе, в том, как он держал гордо приподнятую голову, не было страха. Большие круглые глаза, в которых пылал закат, смотрели на звенку печально, беззлобно. В них было столько мольбы, столько жажды жизни! Старик не выдержал, опустились руки. Он хотел отвернуться, чтобы не видеть этих грустных, совсем человеческих, осмысленных глаз, но не мог. И стрелять не мог. Взгляд зверя перевернул всю душу Улукиткана...

Себя не узнал — отступился от добычи. Возвращался к Арге своим следом. Нес в голове тяжелый, необычный для охотника груз — жалость. «Это она заставила уйти от сохатого. Видать, не промышлять мне больше зверя».

Спустившись к реке, звенк прибавил шаг. Лыжи легко скользили по гладкому льду. До этого он вроде не заме-

чал старости, старался не касаться, отгораживался от нее, не признавал ее, видел у других, не у себя. И вот она пришла к нему как бы неожиданно, без примет, не предсказанная сном, в первый, долгожданный день охоты. Пришла окончательно, властная, неуступчивая. «Стар я, что и говорить, добыча бежит от меня, как птица от пожара».

Он почувствовал ноющую боль в спине. Ноги дрожали, подламывались. Немая слабость растеклась по всему телу. Удары сердца тяжело отдавались в голове. Только бы не свалиться, добраться до табора. Пустая котомка вдруг стала тяжестью.

На холодных плечах скупой земли догорел кровавый закат. В этот короткий час, между светом и тьмою, когда в сумерках снежная белизна сливается с тьмою, смолкает робкий щебет синиц, исчезает ветерок и воздух становится необыкновенно чутким, как в летнем зное паутина.

Табор пустовал. Басиль еще не приехал. Улукиткан ждал его позднее. «Как бы кстати сейчас была печенка и отварное жирное мясо!»

Старик не стал устраивать ночлег, ушел искать оленей. Да разве их сразу найдешь! «Глупая порода, на месте не кормятся, от ягеля бегут, чего ищут — не знают», — досадовал старик. Одного ездового только и нашел, привел к табору.

Но на этом не закончился день. Надо было принести и наколоть дров, натаять воды, сварить ужин. Много дел, пока обретешь сон.

Поздно прибежал Пакет. Принес длинный язык да отяжелевший хвост. Ему было не до еды! Примостившись между корней старой лиственницы, собака долго зализывала натруженные

подошвы лап.

Из мутной бездны горизонта шла беспокойная ночь. Тьма накрыла табор. За Аргю, где потухло солнце, небо слилось с землею. Загудел ветер. Он шел с Охотского моря, сковывал стужей поверженные горы, реки и заполенную снегом тайгу. Старику казалось, ветер разбудил шаманов и пошел куролесить по зейским просторам с бубнами да со свистом. Закружились над стоянкой хрупкие пушинки снега, они падали на землю, но порывы ветра подхватывали их и в дикой пляске гнали дальше в крошечную тьму.

Снизу донесся крик ночной птицы, короткий и печальный.

Ослепленный мраком, старик долго стоял, тревожно прислушиваясь к лесному шуму, ждал, не донесется ли с Арги знакомый перезвон бубенцов на шеях оленя Басиля.

Продрогший, вернулся в палатку. В печке весело гудело пламя.

Старик страшно устал. Устал, может быть, больше от неудач, чем от долгой ходьбы по тайге и хлопот на таборе. В его ли годы такая нагрузка! Нож валился из рук, веки смыкались, хоть подпорки ставь! «А дожидаться Басиля надо. Сын придет, надо выйти помочь ему разгрузить нарты».

Улукиткан разбросал по притоптанному снегу еловый лапник для сына, заботливо ощупал его — не будет ли жестко спать. Кое-как, на четвереньках добрался до своего места и прилег, не раздеваясь. «Басиль придет — поужинаем вместе, и тогда заберусь в спальный мешок».

Мысли сменяли одна другую. Каким долгим был его путь на земле! Вспомнились тропы. Они на всю жизнь врезались в память. Все прошлое пере-

плетено ими. То он видел их торными, то в болотах толкими, зыбкими, еле приметными глазу, то взбирающимися по камню на крутизну. Тропы никогда не останавливались на месте, они шли, бежали — и тащили его за собою. Никто не знает, в каких далеких краях эти таежные тропы начинаются и где кончаются. И кто знает, что хранят в своей молчаливой памяти эти черные борозды, секущие лесное пространство вдоль и поперек? Кому поведают они тайны брошенных на их пути огнищ, захоронений, каменных курганов?

В палатке аромат разжеженной теплом хвои. Улукиткан нет-нет да и прислушивается к гудящим порывам ветра. Жалеет, что с вечера не наколот еловых плах, правнуку лыжи обещал сделать, вот и вытесал бы их теперь, дожидаясь Басиля: «Эко, не догадался!»

Одиночество никогда не было Улукиткану тягостным. В одиноких скитаниях по тайге и горам он прожил большую часть своих дней. А теперь его жизнь совсем сузилась, и он живет наедине со своими думами. Все чаще мыслью он обращается к прошлому. Он просеивает это прошлое через житейскую мудрость, судит себя самого... В печке весело потрескивали лиственничные дрова. Спать. Улукиткану совсем не хотелось. Верно, что к старости сон сменяют думы. На этот раз вспомнился ему давнишний случай. Улукиткан хранил его в своей памяти со всеми подробностями, но никогда не пытался переосмыслить ход давно ушедших событий. Эти воспоминания увели старого звенка далеко от Арги, от его последнего табора, в далекое прошлое, в другие времена.

Улукиткан увидел себя молодым...

Рисунки Б. Игнатьева

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке - гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23

тел. (8332) 64-94-27, факс 64-03-22

E-mail: Snab@brush.kirov.ru

Дорогие читатели, друзья!

подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» продолжается!

Индекс 70673 по каталогу Роспечати

По следу снежного барса

Владимир ХРУСТАЛЕВ . Ущелье Шамси, Республика Кыргызстан

Никто из нас не гарантирован от «зебры». Иной раз заступишь в черную полосу — ни вздохнуть, ни охнуть. Настрой минорный, безрадостный, эмоции гнетущие, надсадные. Кажется, полная безысходность. В таких случаях я прибегаю к собственной «психотерапии». Мысленно перемещаюсь, например, в отроги Сары-Кунгея, где мой добрый друг Василий Николаевич Смолин пленил рекордного — пятьдесят пятого снежного барса для научных целей. Замечу особо: после того, как лишился на крутом горном повороте из-за встречного грузовика левой ноги. Одноногий барсолов не только подтвердил свой класс, но и покорила заоблачные выси, да и саму немощь человеческую. И как-то сами собой уходят в небытие кажущиеся отныне мелкими и никчемными твои беды. И просветляется что-то внутри. И разливается в жилах кипенное ощущение оптимизма и радостного восприятия жизни.

Пленить «пятьдесят пятого»...

Уже месяц изо дня в день выходит Смолин на свой наблюдательный пункт — плотно притоптанный пятачок горного склона и, присев на замшелый валун, подолгу прощупывает с помощью бинокля ломаные контуры заснеженных хребтов. Сначала ближнего, потом дальнего. Ему одному ведомы вешки, по которым Василий Николаевич

определяет, был ли у ловушек снежный барс. И тяжело припадая на протез, возвращается к своей охотничьей избушке. По тому, как сумрачно кустятся его выцветшие брови, как молчаливо и сосредоточенно заталкивает он сигарету в длинный мундштук, сын Василий понимает: пустой и этот день.

Одно время даже сомнение закрадывалось: а может, фортуна отвернулась от него? Хватит, дескать, Смолин, наигрался, натешился. Свое ты взял сполна. А теперь ищи фарт в других делах. И впрямь, сколько впустую времени потратили в ущелье Ак-Суу, а результат? Кругом следы, в ловушку же, хоть лопни, зверь идти не хочет. Видно, ученый барс в этом ущелье.

А здесь, в распадке Шамси, где родился и вырос Смолин, лютовать стал зверь. Среда бела дня являться стал. Да и то сказать, не пуган он здесь никем. Воля ему вольная. Козерогов развелось, что в отарах овец. Так мало ему излюбленного лакомства, промышлять стал и на сыртах. Чабаны жаловались: на Туюке порвал барс двух яков, а на Акташе — баранов. Вот и перебазировался Смолин в родное ущелье.

Поспешать надо с «пятьдесят пятым». Он нужен Василию Николаевичу не для рекордного счета, хотя столько барсов не отловил ни один охотник планеты. «Пятьдесят пятый» — это возрождение самого Смолина. Да-да, возьмет он дикого зверя где-нибудь в

сверкающей снегами седловине Джала-Нача, сам впервые за последние годы поднявшись туда на протезе и самолично спустив добычу на волокуше вниз. Этим трофеем и докажет, что снова в строю, несмотря на приключившееся с ним пять лет назад несчастье.

Страшен зверь в порыве ярости...

Едва кинув взор на Сары-Кунгей, что по-киргизски означает желтый солнцепек, Смолин понял: быть ведренному дню. «Гора-колдун» называют еще в ущелье Шамси эту вершину. Если поутру сгустится вокруг нее сизоватая плотная вуаль тумана — жди ненастья. Зимой — обильного снега, летом — сыпуна-дождя. Но если плавится Сары-Кунгей в лучах зоревых солнца, если купаются его ледники в бездонной купели неба, смело ступай на охотничью тропу.

Перевел Смолин взор свой сначала на ближний хребет, потом на дальний. И дрогнул в руках бинокль. Не мираж ли? «Потаска», как зовет он жердину-метину, не видать. Не поверил глазам своим, передал бинокль сыну. Но и тот не обнаружил «потаска».

Три часа подъема по крутогору из каждого способны вытряхнуть душу. И если я в минуты передышки расслаиваюсь на осыпи, как затравленный зверь, Смолин досадует: не взял еще

Вот он, красавец!

своего темпа, хотя и гонит по каменным осыпям, как горный архар. Оглянется, будто огнем опалит: горят, полыхают глаза нетерпением.

«Потаск» долго искать не пришлось. Виден след на промоине, куда тащил за собой жердину попавший в ловушку зверь. Метрах в десяти и запутался тросик в кустах краснотала. Вот он, красавец! Уж поведаль их Смолин на своем веку довольно, но каждая новая встреча — в диковинку. Сказочно хороши и величествен этот зверь! Литая фигура в роскошном — ворсинка к ворсинке — длинном густом меху, с белой опушкой под брюхом. Уши наостроены, усы вздернуты, клыки в хищном оскале. На лбу, как у леопарда, множество мелких пятен. Расходятся радугой. И на бока переползают, только квадратные, темные. А глаза-то, глаза как янтара, исходят зеленым свечением!

Шагнул ближе охотник — пригнул уши хищник. Зрачки расширились. Нalились они темненью, будто набрякшая туча перед грозным дождем. Цепко следит зверь за каждым движением Смолина. Он хоть и пытается слиться с красноталом, вдавиться в бурый каменишник, а сам, как стальная пружина, взведен для броска. И когти, упрямые в подушечки лап, в любую минуту могут пройти по живому, как лезвием бритвы. Страшен зверь в порыве отчаяния!

И вот первая попытка заарканить барса. Слышу его шипение и грозное «Яу!». Не раз наблюдал охотник бросок этой огромной «кошки» с утеса на пробежавшего у подножия козерога. Раздается леденящее кровь «Яу!» — и красавец-козерог будто парализован. Его ноги уже не бегут, а катятся, как на лыжах. И в этот миг в воздухе пролетает «дикая кошка» и, ухватив за шею бедное животное, бросает его на землю. Ловок зверь. Да я и сам видел, как барс буквально «перетекает» через вертикальные уступы в седловинах, охотясь за самым первым своим лакомством — козерогом.

Как искусный дрессировщик, Смолин отвлекает зверя палкой. Тот вскакивает и молниеносно, оглашая отроги жутким рыком, бьет лапой по палке. От пронзительного «Яу!» цепенеют конечности ног и рук. А Смолин как? Не страшит его пронзительный звериный рык? Признался, как на духу: как бы ни готовился к нему, а все врасплох застает. Кровь в жилах стынет, ознобляет до самых нутряных клеток. Но не может, не имеет права барсолов подчиниться внутренней дрожи. В этот миг нужно набросить «лассо» на взметнувшуюся лапу так, чтобы охватило оно зверя через голову и шею, как наградная лента, иначе нельзя — сгубишь барса, затянется он в петле.

Хотя и взмок в этот критический миг Смолин, но заарканить успел. Остальное было делом техники: как ни упирался снежный барс, а идти в клетку ему пришлось. Под умиротворенный приговор охотника: «Успокойся, барсиша, будь умницей. Зла тебе не причиню...».

Смотрю на поджарую, а точнее — тщедушную фигуру Смолина и недоумеваю: ничего выдающегося. Ни ростом, ни осанкой, ни бицепсами не вышел. Всклопоченный ершик почти рыжих от яркого солнца в горах волос, борода и усы будто прилеплены: ни дать, ни взять — сельский дьячок из глубинки. Сухопар и жилист. А может, для гор не мощь важна, а смолинская «легкокрылость»? И еще обезоруживает его доброе лицо с глубоко посаженными, чутько наивными серыми глазами. Охотничий промысел не ожесточил его сердце. Предпочитает охотиться без ружья: выслеживает зверя, изучает его повадки и с помощью хитроумных, собственной конструкции, ловушек пленяет его.

Смолин читает следы барса, как увлекательную книгу. Бывало, начальник зообазы навестит следопыта и, пройдя звериным чернотропом, воскликнет: «Ничистый колдун ты, Василий Николаевич!» А тот добродушно усмехнется в рыжую бороду: «Вот, смотри на эти «нагребки» — интересней книги не сыщешь. Все в ней прочтешь: когда и какой барс проходил, самец или самка, когда снова вернется... «Нагребки» — это метки зверя, очертившего границы своих владений. Прошел, «отметился» и нагреб на эту мету лапой снега, травы да землицы. По рисунку «затесин» видно: крупен или мелок коготь. Возраст, стало быть, определить можно. Пару месяцев назад «отметился» — жди визита вновь. Вот и все колдовство».

Смолин и от капканов отказался. Что за радость брать покалеченного зверя? А ведь сдавали иные охотники и со сломанными лапами, и с вывернутыми суставами, и с оторванными когтями. Смолин сдает без ушибинки. Ловушки продуманы с такой тщательностью, что захлестывает в петлю лапу, а чаще костяшки с когтями так нежно, что ни испуга, ни травмы. Но и не вывернешься, как ни старайся, из ловушки смолинской конструкции.

«Беспреренно побегу»...

Изготовились для спуска. И только тут я понял: не самое сложное — взойти в гору, куда труднее — спуститься с нее. Да еще на одному, а с живым грузом в 70 килограммов весом. Думал, призовет Смолин-старший на помощь сына, хоть он тоже не выдался ростом да плечом супротив отца, но такой же хватистый и жилистый. И без того сил потрачено немало. А главное — отловил-таки пятьдесят пятую по счету барса. Кто упрекнет в том, что передал сплавлять вниз этот бесценный груз полностью сил кряжистому сыну? А нет, для Смолина-старшего Джала-Нача был не просто местом подъема и спуска, поединка с «пятьдесят пятым», он был единой линией восхождения. Линией преодоления себя, собственной немощи и страданий, возраста. Как-никак 60 годов стукнуло. Но чувствует-то он себя на сорок.

А ведь был момент, что и свет бе-

лый был ему не мил. Когда, лежа в хирургической палате, думал, что встречающая машина на горном вираже не ногу отхватила, а жизнь его наглухо «зашторила». Трагедия для любого, тем более для охотника. «Что я теперь, куда годен?» — метался он в больничной койке.

Думал — таить нечего — до первого утеса добраться и вниз головой. Но это стремление к концу и помогло увидеть спасительное начало. К пропасти путь не близок. Славив груботесанный протез, одолевал за день 50—100 метров. Потом 200, 300. Пока не понял: дошел! На протезе дошел! Этак и малая гора покорится. Вошел на нее — поманили снежные вершины. Нет, рано укоротил своей жизни искать... Еще повоюем!

Но охотник на костылях? Слыхано ли дело? «Будешь инструктором, — сказали на зообазе, — учи других своему искусству». Секретов от других Смолин никогда не тайл, но и за спины чьи-то прятаться не в правила следопыта. «Нет и нет!» — взбунтовался всем существом своим. Если ты охотник, если твой хлеб — отловленный для науки зверь, то и к черной, изнуряющей работе будь готов каждодневно. Козерога, к примеру, не только в полон надо взять, но и спустить в долину целехонького. А в нем до центнера весу, причем резвого, отчаянного. Костыли тут явно не годятся. Палкой обходиться нужно да протезом.

Но ведь и на асфальте протез — не подарок. А горы? Где каждый метр — новая нагрузка, новое преодоление. «Спасение в тренировках», — смекнул Смолин. И ходил он в горы просто так, для «натуре музелей». И днями мучил тело свое. Не выдерживали рубцы на культе — делал примочки из мумие — благо, сам заготавливал этот «горный бальзам» и очищал от породы. А если иссякала воля, брал палку и гнал сам себя на горную тропу. Там твое исцеление, следопыт! Там твое могущество!

Я пробовал пройти горными тропами, не отставая от Смолина, — пустая затея. Легко прыгал он по извивам, одолевая осыпи, поднимался по уступам. Ни пота я не видел на его лице, ни напряжения. Лишь всепоглощающий спортивный азарт. Вниз спускаться — Смолин фору любому даст. Я три шага делаю, он — один скачок. Не спускается — парит.

Когда «пятьдесят пятый» был уже в вольере, сел Смолин рядышком на брезент и закурил свою длинную, с мундштуком, сигарету. Хотел было я почувствовать ему — устал, небось, умаялся, а он рассказал увиденный накануне сон:

— И снится мне, будто бегу я в гору во весь дух. Ни себя, ни земли под собой не чувю. Будто лечу, как на крыльях. И тут просыпаюсь нехотати: хват за ногу — пустота. Не растут у людей, как у ящериц хвосты, ноги. Но ведь и без них человек остается человеком. Может летать, передвигаться. И даже одолевает горы. Бог даст, и наяву побегу. Беспреренно побегу...

Внутри ограды — только убийство

Мнениям о том, спортивна ли охота на огороженной территории, несть числа. Кто-то упирает на размеры «вольеров», кто-то обуславливает «спортивность» видом животного, кто-то ставит во главу угла трудность преследования дичи в густых зарослях, а кто-то вообще не задаётся таким вопросом. В таких случаях всегда полезно выслушать мнения людей, профессионально занимающихся охотой и разведением диких животных... и согласиться, или не согласиться с ними. Вот взгляд на эту проблему двух суперпрофессионалов своего дела — Крейга Боддингтона и Джона Траута младшего.

Крейг Боддингтон, профессиональный охотник, писатель и эксперт охотничьего оружия, родился и вырос в Канзасе. Его первые охоты на крупную дичь (вилорогов и чернохвостых оленей в Вайоминге, белохвостых и чернохвостых оленей в Канзасе и чернохвостых оленей в Колорадо) относятся к середине шестидесятих годов двадцатого века. На сегодняшний день легче перечислить страны, в которых он не охотился. Звук выстрела его винтовки слышали на всех континентах Земли. Только в Северной Америке Боддингтон охотился в двадцати девяти штатах США, в семи провинциях Ка-

нады и в пяти мексиканских штатах. Семьдесят пять африканских сафари в двенадцати странах Чёрного континента изрядно пополнили его трофейную коллекцию, в которой, на сегодня, уже более ста видов африканской крупной дичи и более двухсот видов животных со всего мира. Он опубликовал двадцать одну книгу об охоте на крупную дичь в различных уголках земного шара и более 4000 статей в охотничьих и оружейных журналах.

Джон Траут младший, уроженец Иллинойса, — один из ведущих североамериканских охотников-лучников и экспертов по преследованию и добору раненных белохвостых оленей. Известный писатель и фотограф. И в охоте, и в писательском труде Траут специализируется на белохвостом олене, дикой индейке и американском чёрном медведе. Опубликовал на эту тему девять книг и более девятистот статей в специализированных изданиях. В течение пятнадцати лет содержал научно-исследовательскую ферму, где разводил, изучал и фотографировал белохвостых оленей.

И. ДОЛГОВ

Вы называете это охотой?

«Честное Преследование» заканчивается там, где начинается ограда

На сегодняшний день, в Северной Америке, есть масса возможностей для так называемой охоты в вольерах. Значительная часть этих «консервированных охот» проводится исключительно на белохвостых оленей. Специализирующиеся на таких «мероприятиях» хозяйства, как правило, запрашивают за трофей высокую цену, которая, в свою очередь, зависит от суммарной оценки оленьих рогов. Количество охотничьих вольеров за последние годы значительно выросло. Некоторые хозяйства просто разводят и выращивают в них белохвостых оленей для продажи, в то время как другие закупают оленей с единственной целью: предоставить своим клиентам возможность убивать их. Есть самые разные доводы, объясняющие, почему существуют дичные фермы и почему некоторые личности гонятся за белохвостыми оленями на огороженных площадках.

В охоте за высокими оградами нет ничего нового. Не секрет, что многие популярные видео- и телевизионные фильмы об охоте снимались именно там.

Нельзя сказать, что дичные фермы и огороженные хозяйства это всегда плохо. Охотничья индустрия испытывает на вольерных оленях ароматические приманки, учёное сообщество десятилетиями использует белохвостых оленей, живущих в вольерах, для важных научных исследований. Вольеры помогают фотографам запечатлеть нюансы поведения оленей. С глобальной точки зрения всё это хорошо. Но как насчёт самой охоты? У вас, возможно, уже сложилось мнение об охоте на вольерных оленей. Тем не менее, при обсуждении

Вапити — североамериканский подвид благородного оленя, ближайший родственник нашего марала

этой проблемы, есть над чем серьёзно поразмышлять.

Лично я против охоты в вольерах, но это не значит, что другие разделяют моё мнение. Я знаю нескольких профессиональных стафферов различных компаний, которые в погоне за личными достижениями удачно охотились в вольерах. Говорю об этом не ради осуждения кого-то из них, а просто констатирую факт. Однако я бы никогда не стал стрелять в вольерного оленя и утверждать, что это — достойная охота. Допуская, что преследование быка бе-

лохвостого оленя на огороженном участке площадью в несколько сотен или даже в тысячу акров, может быть нелёгким делом. Однако, выяснив, как некоторые олени начинают свою жизнь в вольерах и каким образом там превращают оленят в огромных быков, я пришёл к выводу, что есть большая разница в преследовании вольерного оленя и дикого животного. Есть ещё и этический фактор. Совесть не позволяет мне стрелять по белохвостому оленю внутри загородки, будь она размером в сто акров или в две квадратных мили. Я

воспитан на принципах «честного преследования».

Что такое «Честное Преследование»?

Много лет охотники на оленей слышат выражение «честное преследование». В чём же отличие «честной» охоты от «нечестной»? Сначала давайте перечислим требования, которым должен отвечать ваш трофей быка белохвостого оленя, чтобы его зарегистрировали в соответствующем клубе в качестве рекорда. Естественно, он должен набрать определённую минимальную сумму баллов. Кроме того, клубы оговаривают, что животное должно быть добыто охотником легально, с соблюдением всех охотничьих законов, действующих в данном регионе. Также охотники должны соблюдать правила «честного преследования». Например, ваш трофей не регистрируют, если в момент добывания животное находилось в беспомощном состоянии: в западне, на льду или в глубоком снегу. Клубы не считают «честным преследованием» охоту с помощью моторизованных транспортных средств или с фонарём и использование при добыче животного транквилизаторов или ядов. Есть и много других правил. В кодексе «честного преследования» большинством клубов указано, что является неспортивным, в том числе, и, касаемо места, в котором добыт трофей. Например, правило Бун-и-Крокетт Клуба устанавливает, что нечестно «...охотиться на дичь, ограниченную искусственными ограждениями, в том числе, включающими возможность побега». А Поуп-и-Янг Клуб формулирует аналогичное правило короче и по существу. Клуб не принимает к регистрации диких животных, «...которые содержатся внутри огороженных территорий, таких как дичные фермы и т.п.». Конечно, охотники имеют свое собственное мнение о честности преследовании, когда дело доходит до преследования оленя внутри огороженной территории. Ну что ж, давайте учитывать в нашем обсуждении размер огороженного участка, на который выпускают оленей для охоты.

Тесные загоны и просторные ранчо

Большинство охотников с осуждением относятся к тем, кто стреляет оленей в вольерах. А как насчёт оленьей охоты на ранчо площадью в несколько сотен или тысяч акров? Это непременно делает охоту более трудной и интересной? Некоторые утверждают, что, да, сделает. Впрочем, давайте рассмотрим механизм функционирования большого охотничьего ранчо.

Недавно мне попалось на глаза рекламное объявление об охоте на ранчо площадью в тысячу акров, пятьсот из которых занимал лес. Другая половина приходилась на поля, отведённые под сельхозкультуры. Несомненно, что там была создана превосходная среда обитания для белохвостых оленей, и весь-

ма возможно, что они так же неуловимы, как и их вольные собратья. Только вот владельцы утверждали, что 300 быков на их ранчо имеют размеры от 125 до 200 дюймов (попробуйте-ка догадаться, достигли бы они таких размеров в дикой природе на той же площади?!). Дополнительно ферма ежедневно выкладывает на подкормочные площадки одну тонну кормов и это — очень существенная деталь племенной работы.

Многие ранчо предлагают охоту на больших огороженных площадях. У некоторых из них участки, заросшие дикой и густой растительностью, занимают не одну квадратную милю, но какое отношение всё это имеет к «честному преследованию», если специально подобранный для данных природных условий генотип и регулярная подкормка оленей резко увеличивает возможность обречения ими трофейных статей? На одних ранчо заранее оговаривается, каких быков охотник может стрелять, на других идут дальше и выделяют охотнику проводника, который и показывает тому быка, пригодного для «жатвы».

Разведение белохвостых оленей — это большой бизнес. Я знаю это, потому что занимался им в течение последних пятнадцати лет. Я не выращивал оленей ради прибыли или для «консервированной охоты». У меня была научно-исследовательская ферма, на которой я изучал и фотографировал белохвостых оленей, ставших в конце концов совсем ручными, и среди них не было ни одного трофейного быка с рекордными характеристиками. Многие фермеры, разводящие оленей, занимаются этим по той же самой причине, по которой другие выращивают скот на животноводческих фермах: чтобы получить доход от продажи животных. Огромный бык в вольере покрывает много самок. Самки дают потомство и оленят продают тем, кто занимается организацией «консервированных охот» или же оставляют в стаде для дальнейшего воспроизводства, либо охоты. Каждый такой оленёнок имеет гены мегабыка. И чем больше бык, тем дороже оленята.

Аукционы животных проводятся один или два раза в год на многочисленных аукционных площадках. Некоторые из них специализируются на трофейных белохвостых оленях и быках-производителях. Большой бык, конечно, может использоваться покупателем в качестве производителя, но обычно он более ценен, как трофейный экземпляр, из-за размеров своих рогов. Один бизнесмен рассказывал мне, что он часто даже не успевает загнать проданного быка в вольер покупателя. Он утверждал, что был случай, когда «...один тип убил оленя, как только того выпустили из лошадиного трейлера, в котором его привезли на ферму». Видимо, товарищ очень хотел 180-дюймового быка и готов был заплатить деньги, дабы не тратить времени на охоту.

Стоимость выстрела по вольерному быку белохвостого оленя различна. Вы можете сами поискать в Интернете, но имейте в виду, что некоторые владель-

цы ранчо не назовут цифр, пока не поговорят с вами лично. Я слышал об одном «охотнике», который предлагал свой новый грузовой пикап, стоимостью в \$25 000 за право убить быка, размеры которого превышали двести дюймов.

Когда нет проблем с деньгами, некоторые предпочитают «охоту» с гарантированным результатом. В конце концов шансов увидеть рекордного быка в дикой природе не очень много. Но, всё-таки, забудьте на минутку о деньгах и задумайтесь о моральной стороне стрельбы по вольерному оленю. Можно ли назвать «диким» того быка, в которого вы стреляете? И разве тот факт, что вы часами выжидали в засидке на дереве, даёт вам моральное право охотиться в вольере?

Говорите, они дикие?

Давайте вернёмся к оленятам. Владельцы оленьих ранчо покупают оленят для будущей охоты и для разведения. Большая часть из них выкармливаются искусственным путём. Оленят обычно оставляют с мамкой на 36—48 часов, чтобы они гарантированно получили необходимое им молоко. Потом они выкармливаются искусственным путём, людьми, и содержатся в загоне, где их постепенно отлучают от матери. Этот период обычно длится 90—100 дней. К тому времени, когда оленята полностью отлучены от матери, они уже предпочитают находиться в обществе человека, а не других оленей. Это очень хорошо помогает фермерам при выращивании оленят. Белохвостый олень — один из самых трудных для разведения видов. Если оленя не выкармливались искусственным путём и не привыкли к людям, то беспокойство и страх от присутствия человека может привести, в определённых случаях, к ранам, а то и к смерти животного. Высокие цены на взрослых белохвостых оленей делают выкармливание оленят практически и экономически выгодным делом. Транспортировка большого быка, который не выкармливался искусственным путём, опасна и для животного и для его владельца, так как полностью обездвиживающие препараты применять нельзя. Транквилизаторы часто убивают оленей, слишком сильно замедляя сердечный ритм. Поэтому используют малые дозы седативных препаратов и работают с оленями, пока те, после инъекции, ещё спокойны и пребывают в некотором оцепенении.

Большинство оленей в угодьях для «консервированных охот» были приобретены для этих целей ещё оленятами. Конечно, есть и такие, которые родились в угодьях и были выкармливаемы практически одомашненными самками, но они никогда не будут обладать диким нравом свободно живущих оленей.

Я знаю фермера, который разводит оленей в вольере площадью 200 акров и скоро начнёт принимать клиентов, желающих поохотиться в сильно пересечённой, холмистой местности. Он

заселял свои угодья качественными белохвостыми оленями в течение нескольких лет и теперь ожидает, что вложенные деньги вернутся сторицей. К сожалению, есть одна проблема. Каждый вечер на огромный задний двор его усадьбы приходят покормиться множество оленей. Они не обращают никакого внимания ни на самого фермера, ни на других людей. Он пытался отпугивать их с помощью взрывпакетов. Взрывы сначала пугали некоторых оленей, и они отбегали, правда, недалеко. Впрочем, олени быстро привыкли и сейчас лишь немного вздрагивают при взрывах.

Заключение

Причины разрастания «консервированных охот» более или менее очевидны. Давайте рассмотрим урон, который этот процесс наносит настоящей охоте. С каждым днём увеличивается площадь, огороженная забором. Растёт число договоров аренды земли, закрывая для многих охотников те частные земли, охота на которых была ещё не-

давно доступной. Охотничьи угодья общего пользования теперь часто переполнены, что отнюдь не способствует приятной охоте.

Многое в моей статье, вероятно, не всем придётся по вкусу. Некоторые, при этом, будут утверждать, что охота за заборами приносит экономическую пользу охоте в целом. Как бы то ни было, я просто представил факты того, что происходит за многими высокими заборами. Учитывая иную точку зрения на такую охоту, я соглашусь, что преследование некоторых больших быков никогда не будет лёгким делом, даже в огаде. Также верно и то, что какой-нибудь трофейный белохвостый олень, добытый в маленьком загоне, может быть вполне «трудовым» и честно заработанным.

Однако я не могу отрицать факты. Оленей покупают для племенного разведения и выпуска в вольеры для охоты. Олени часто получают в вольерах дополнительный корм. Сам процесс охоты контролируется для того, чтобы охотник мог убить конкретного трофей-

ного быка. Некоторые вольерные олени практически не боятся людей. И в конце, по традиции, два неопровержимых голых факта:

1. Для успеха в вольере не требуется оттачивать своё охотничье мастерство.

2. Успех в вольере гарантирован, и степень успеха определяется только количеством денег.

Подведём итоги? Вы охотитесь, если вы состязаетесь с оленем один на один, при наличии неконтролируемых факторов и вне огады. Внутри неё нет никакой охоты. Там только убийства. Я надеюсь, что будущее охоты на белохвостых оленей не подвластно огадам. Потому что, сама по себе, идея убийства животного ради «спорта» или удовлетворения собственного эго, порочна.

Джон Траут младший — охотник-лучник, писатель и фотограф. Автор многочисленных книг о белохвостых оленях и охоте на них.

Перевод И. Долгова

Источник — John Trout Jr. «You call this hunting?». «Deer & Deer Hunting» November 2003

Не огораживайте меня!

Старые песни о современной охоте с новым смыслом

Понятие, известное нам, как «честное преследование», нечто большее, чем просто название журнала. Это — основной принцип Бун-и-Крокетт Клуба (Boone & Crockett Club), клуба, по праву претендующего на то, чтобы называться одним из главных создателей «этических принципов» охоты в том виде, в каком они известны в Америке. Сегодня Бун-и-Крокетт Клуб играет серьёзную роль хранителя и защитника охотничьей этики. Внутри Клуба наша книга «Рекордная крупная дичь Северной Америки» вообще-то не рассматривается как самое важное направление работы, хотя, без сомнения, внешне это наиболее яркий, узнаваемый и известный символ Бун-и-Крокетт Клуба. Поэтому для клубного Комитета по рекордам чрезвычайно важно вести списки рекордных трофеев и наград настолько добросовестно и точно, насколько это возможно. (У Бун-и-Крокетт Клуба есть две конкурсных программы оценки трофеев — Наградная и Рекордная. Раз в три года публикуются книги со списками трофеев, вошедших в Наградную программу — «Трофеи, получившие награду Бун-и-Крокетт Клуба», и раз в шесть лет выходит подробный отчёт о трофеях, вошедших в Рекордную программу — «Рекордная крупная дичь Северной Америки».) Это не так-то легко сделать, поэтому результат не всегда безупречен. Иногда задним числом обнаруживается, что некий трофей должен был быть оценен иначе, или, хуже того, что на момент регистрации многое виделось в ложном свете. Со временем также может выясниться, что отсутствуют необходимые номи-

нации трофеев. Так, за последние годы мы добавили несколько номинаций для разновидностей вапити. Есть теперь номинации и для нестандартных трофеев разновидностей чернохвостых оленей: олень Ситка и колумбийского оленя. Как видите, наша система регистрации рекордов находится в непрерывном рабочем процессе, когда по мере поступления новой информации Комитет по рекордам делает необходимые уточнения.

Одна из проблем, которую в последние годы постоянно пытался решить наш Комитет по рекордам, это коммерческое использование диких животных, находящихся в огадах. В некоторых случаях эта проблема решается для нас просто. Например, система рекордов Бун-и-Крокетт Клуба представляет собой сведённые в таблицы данные только по аборигенным, местным видам североамериканской крупной дичи. Неаборигенные виды диких животных не принимаются к рассмотрению Рекордной программой Клуба.

В разных местах раскиданы по североамериканской земле популяции вольно пасущихся диких копытных животных: аксиса (индийского оленя), пятнистого оленя, ланей, одичавших кабанов и коз, горных козлов, североафриканских гривистых баранов, евроазиатских северных оленей, муфловов различного происхождения, их гибридов с домашними овцами и множество других. Нет никакого сомнения в том, что термин «честное преследование», в сочетании с законными и этическими методами охоты, можно применить ко всем вышеперечисленным видам. Я

добыл много диких кабанов, охотясь и около своего дома в центральной Калифорнии, и в Европе. Разницы практически нет. Я гонялся за гривистым бараном в горах Северной Африки и в горах западного Техаса. Большого различия в количестве пролитого пота не обнаружил. Но эти животные, независимо от того, добыты они на огороженной территории или нет, никогда не будут участвовать в рекордной или наградной программе Бун-и-Крокетт Клуба просто потому, что они неаборигенные для Северной Америки виды.

Проблема становится более запутанной, когда дело касается огораживания аборигенной крупной дичи. Опять же, на некоторые вопросы здесь ответить проще. Из-за огромной стоимости крупных особей престижных, с точки зрения трофейной охоты, видов животных бурными темпами растёт индустрия дичного «ранчеводства». Наиболее частые объекты такой охоты — белохвостый олень и вапити как из-за наличия достаточного количества выращенных в неволе особей, так и благодаря спросу. Имейте в виду, вполне возможно, хозяин ранчо будет уверять, что вы получите сильные впечатления (а то и сильные «охотничьи» впечатления) от охоты на стадо в загоне. Возможны и «леденящие кровь» истории.

Каждый день какой-нибудь очень большой вапити или очень большой белохвостый олень дожидаются в тесном загоне какого-нибудь обладателя очень большой чековой книжки. Лично я не осуждаю бизнесменов: у нас свобода предпринимательства. Мои упреки обращены к тем охотникам, которые

поддерживают этот бизнес. И общая наша вина состоит в том, что мы учредили такие премии за размеры оленьих и прочих рогов, что некоторые из нас забыли о спортивной сути охоты. Штат Монтана сделал решительный шаг, запретив охоту в оградах. Может быть это поступь будущего. Как бы то ни было, на сегодняшний день эта проблема не создаёт трудностей для Наградной программы Бун-и-Кроккет Клуба по той простой причине, что трофеи диких животных, включаемые в данную программу, должны быть добыты с помощью законных и этичных способов охоты в свободноживущих и самовоспроизводящихся популяциях.

А вот сейчас у нас будет самый настоящий камень преткновения. Как насчёт аборигенных животных, образующих самовоспроизводящиеся популяции в естественной среде обитания, добытых законным способом с соблюдением этических норм... внутри непреодолимой для дичи ограды?! Это, в общем, не только американская проблема: огораживание диких животных в наше время — обычное дело для многих стран мира. В Южной Африке, например, последние 30 лет охота развивалась ударными темпами, и на данный момент там самая развитая сафари-индустрия на всём африканском континенте. Для землевладельцев огораживать дичь на своих землях экономически целесообразно в силу разных причин. Самая очевидная из них заключается в том, что дичь сама по себе имеет цену. Дикие животные за оградой — обычная картина для Южной Африки. Правда, ещё сохранились земли, на которых охотятся без оград, но подавляющее большинство территорий огорожено.

У этого явления есть и другие, не столь очевидные причины. В период освоения Южной Африки её охотничьи

ресурсы были основательно подорваны, что очень похоже на нашу собственную историю. Основное отличие от нас заключалось в том, что дичь на частных землях в Южной Африке была почти полностью приватизирована. Восстановление популяций большинства практически исчезнувших видов животных было сделано на средства владельцев земли в счёт будущей прибыли. Для её получения у южноафриканских землевладельцев сейчас есть четыре способа: продажа мяса диких животных, большая часть которого экспортируется в Европу; отлов излишков диких животных с последующей их продажей через аукционы другим землевладельцам для племенного разведения; фото-сафари и охотничьи сафари. Территории, на которых сохранились остатки популяций определённых видов антилоп, потребовали от землевладельцев колоссальных вложений денег и времени для восстановления поголовья диких животных до такого уровня, при котором любой из этих четырёх способов получения прибыли начал бы работать. И, в этом контексте, огораживание животных было средством защиты сделанных инвестиций.

Не так очевидна и ещё одна причина. В большинстве провинций Южной Африки существуют регламентированные законом сроки охотничьих сезонов, мало чем отличающиеся от наших, и слишком короткие, чтобы сделать охотничий бизнес жизнеспособным. Но причудливый южноафриканский закон разрешает землевладельцам, должным образом огорожившим дичь на своих землях, игнорировать сроки сезонов охоты и проводить её круглогодично, спрашивая дозволения только у погоды.

По южноафриканским законам, огораживание диких животных и практически круглогодичная охота на них внутри оград, имеет своей целью защи-

тить от неконтролируемой охоты неогороженных животных!

На поверку, принимая во внимание здешние особенности, южноафриканская охота практически не отличается от привычной нам. Некоторые частные ранчо так огромны, что охотник может никогда не увидеть ограду или вообще не узнать, что она существует. Другие, и таких большинство, всё-таки имеют площадь поменьше, но ведь южноафриканские антилопы тоже различны по своим повадкам. Бушбок, куду или ньяла могут весьма ловко ускользнуть от охотника в густых зарослях практически независимо от того, сколько акров земли эти заросли покрывают. Другие антилопы либо гораздо менее осторожны, либо предпочитают открытые пространства, либо то и другое сразу; охотится на них проще, вне зависимости от того, огорожен участок или нет.

Огораживание дичи такое же обычное дело и для Новой Зеландии. Ни один из нынешних представителей новозеландской крупной фауны не является аборигенным. В идеальном климате при отсутствии хищников отдельные виды размножились практически до уровня стихийного бедствия, и одно время политика правительства была направлена на их уничтожение. Особенно «пользовался спросом» благородный олень — охота с вертолётов подвела численность его популяции к роковой черте. На сегодняшний день в Новой Зеландии всё ещё доступна хорошая, «без заборов», горная охота на серну и тара, но большинство охот на рогатую дичь проходит на огороженных охотничьих ранчо. Охота внутри оград становится всё более популярна и в Европе, да и не только в Европе: кое-какие великолепные экземпляры аргентинского благородного оленя тоже добываются в таких условиях.

Итак, мы видим, что в мире достаточно прецедентов охоты на огороженных территориях. Но ни один из них не создаёт проблем для Бун-и-Кроккет Клуба, поскольку в сферу наших интересов входит только исконно североамериканская крупная дичь. Сомнительные, с точки зрения кодекса «честного преследования», методы охоты, низводящие её до простого «сбора урожая» выращенных на фермах животных, мешают всё более урбанизирующемуся обществу по достоинству оценить охоту как один из видов активного отдыха, нанося тем самым удар по будущему охоты. И это очень тревожит Бун-и-Кроккет Клуб.

В настоящее время внимание Клуба сосредоточено на поддержании системы регистрации рекордов аборигенной крупной дичи там, где ответственность за дикую природу лежит на органах публичной власти, и обеспечении максимально чёткого и ясного соответствия этой системы принципам легальной и этичной охоты в духе «честного преследования».

Быстрое увеличение в последние годы числа охотничьих ранчо с огоро-

Белохвостый олень — популярнейший объект охоты в США

женной дичью поставило перед Комитетом по рекордам сложную проблему: как поступать с трофеями североамериканских диких животных, которые были добыты из вольно пасущихся в естественной среде обитания самовоспроизводящихся популяций, но внутри огороженной площади? Такая охота становится всё более и более обычным делом в Северной Америке, особенно в Техасе, где существуют программы штата, нацеленные на повышение уровня менеджмента популяций и среды обитания белохвостого оленя на частных землях. В определённом смысле, дикая природа превратилась в Техасе в товар для продажи или эксклюзивного пользования владельцем частной собственности. Это произошло по нескольким причинам. Так как в штате Техас около 98 % земель находятся в частной собственности, исторически сформировалась устойчивая традиция защиты этой собственности. В отличие от других штатов, дикая природа здесь уже давно имеет хозяйственную ценность; став взрослым, техасец обнаруживает, что, если он хочет охотиться, ему необходимо иметь собственную землю (на худой конец друзей или родственников, у которых она есть) или же вкладывать деньги в аренду такой земли. Техасцы любят своих белохвостых оленей и в умении управлять их качеством уже давно опередили всех. Правильное управление трофейными качествами белохвостых оленей на ранчо достигается менеджментом как среды обитания, так и численности популяции. Двумя важными методами создания здоровой среды обитания и регулирования численности стада являются охота и ограда. Ограда важна как для охраны оленей от внешнего воздействия, так и для удержания поголовья внутри неё. Если не все ваши соседи являются вашими единомышленниками или если вы не владеете огромной территорией, то путь к настоящему управлению качеством это огораживание своей земли.

Таким образом, мы имеем ситуацию, когда некоторые охотники и землевладельцы, и не только в Техасе, получают выдающихся белохвостых оленей (изредка вапити или представителей других видов), рога которых достойны включения в книгу рекордов Клуба. Они получили этих оленей честно, из самовоспроизводящихся популяций, в естественной природной среде, и они охотились на них законно и «этично». Единственная проблема в том, что многие из этих животных «родом» из огороженных территорий и, по правилам Клуба, не могут претендовать на включение в нашу Наградную программу. Естественно, что это раздражает многих охотников, поэтому дискуссии бывают долгими и горячими.

Что касается лично меня, то я, сделав полный круг, вернулся к исходной точке. Белохвостый олень — домосед, животное густых зарослей и перелесков, что обычно обуславливает очень

ограниченную домашнюю территорию. Если вам что-нибудь известно о белохвостом олене, то для вас не секрет, что в оптимальной для него среде обитания его местообитание ограничено довольно небольшой площадью; это, впрочем, не мешает ему ловко ускользать от охотников. Много лет назад у моего знакомого фермера из Техаса был огромный ручной бык белохвостого оленя с нетипичными рогами, обитавший на поросшем густым кустарником участке, площадью едва ли больше пары акров. Фермер давно хотел показать мне этого быка и мы пришли взглянуть на него. Хм-м. А где олень? Озадачившись, мы обшарили участок целиком. Оленя нет. Мой друг пришёл в ужас. Он был уверен — бык или сбежал, или его украли. Да нет, просто это был настоящий белохвостый олень. На следующий день он безмятежно стоял у ворот — с внутренней стороны.

Расширьте мысленно этот образ до размеров ранчо огороженной для охоты площадью от нескольких сотен до первых тысяч акров, и станет ясно, что здесь нет никаких, заслуживающих внимания этических проблем, да и не может быть. Зная всё это и имея некоторый опыт охоты на ранчо в Южной Африке и в других странах в течение многих лет, я полагал, что должен быть какой-то способ «легализации» крупной дичи, добытой в таких условиях. Но, в конце концов, я вернулся к той простой мысли, что не существует способа признать легитимным включение в Наградную программу Бун-и-Крокетт Клуба крупной дичи, добытой на огороженных ранчо. И я приветствую твёрдость и решительность Комитета по рекордам в отстаивании очень сложной позиции: не допускать трофеи североамериканских крупных диких животных, добытых внутри ограды, в Наградную программу Бун-и-Крокетт Клуба в её привычном нам на сегодняшний день виде. Безус-

ловно, это явно несправедливо по отношению к охотникам и землевладельцам, которые потратили столько сил на менеджмент качества популяции и получили впечатляющие результаты, используя огораживание дичи просто в качестве одного из методов достижения цели. Но я по-прежнему поддерживаю решение Клуба, потому что, в конце концов, всё сводится к простым вопросам: как решить, сколько акров уже достаточно? Какие управленческие приёмы являются приемлемыми, а какие — нет... и кто это решает?

Ответы зависят от среды обитания, а также от площади местообитания животных; необходимо, чтобы их естественное защитное поведение позволяло им скрыться от преследования. В некоторых районах взрослый белохвостый олень может обеспечить себя всем необходимым на нескольких дюжинах или сотнях акров, но он не сможет этого сделать, если вы выпустите его на огороженную автомобильную стоянку площадью в несколько тысяч акров. Где провести черту? Кто её проведёт? Вы сможете придумать реальную формулу для определения необходимой площади в акрах, в зависимости от среды обитания? Вы сможете инспектировать и сертифицировать частные земли для обоснования своего, принятого в каждом конкретном случае, решения: соответствует охота на этих землях принципам «честного преследования» или нет?

Речь идёт не только о белохвостом олене. Эти правила касаются всей крупной дичи Северной Америки. Для естественного поведения и использования должным образом своих органов чувств и защитных инстинктов вапити требуется участок обитания, больший по площади, чем для белохвостого оленя; ну и каким образом вы сможете одновременно и огородить широко мигрирующих животных, таких, как карибу, и

Кабан — животное, которое наиболее часто разводят для выпуска в вольеры

Фото А. Севастьянова

обеспечить их естественное поведение внутри огады? Заметьте, что Комитет по рекордам отнюдь не подразумевает, что великолепный белохвостый олень, добытый с соблюдением всех этических норм из самовоспроизводящейся популяции на большой по площади огороженной территории, представляет собой трофей менее значимый, чем такой же по размерам бык, добытый на неогороженной земле. Ни к чему открывать ящик Пандоры. Да, наша система рекордов — это несовершенный труд, но это — труд уже нескольких поколений и проводить границу между чёрным и белым очень непростая задача.

Говорят, что живущий в стеклянном доме не должен кидаться камнями. Лично я не прихожу в ярость от огад и несколько раз хорошо поохотился на огороженной территории... и не только на других континентах, но и дома.

Громадный белохвостый олень, добытый законно, с соблюдением этических норм, из самовоспроизводящейся популяции в естественной среде — это супертрофей... который то ли примут к рассмотрению в Бун-и-Крокетт Клубе, то ли нет. На самом деле очень немногие из нас охотятся «ради книги рекордов»; это решение, которое каждый из нас, так или иначе, должен принять. Требования, предъявляемые клубной Наградной программой к трофеям крупной североамериканской дичи ясны и понятны, и, если вы охотитесь внутри огады, то ваш трофей не будет принят к рассмотрению ни при каких обстоятельствах. Да, это не во всём справедливо, но в целом, я думаю, справедливо для охоты как спорта, потому что разрешить некоторым живот-

ным, искусственно изъятым из процесса размножения, конкурировать по трофейным качествам с животными, участвующими в воспроизводстве — нечестно. И ещё потому, конечно, что одни огороженные территории меньше других.

Решение, хотите ли вы охотиться внутри огады или нет — это исключительно ваш личный выбор. Может быть, это двойная мораль, но у меня нет проблем с огадами там, где нет выбора. Например, в Южной Африке или при охоте на наших неаборигенных животных. Лично у меня больше проблем возникает в связи с охотой на аборигенную крупную дичь с внешней стороны огады. Отчасти потому, что здесь как раз выбор есть и, отчасти, из-за многочисленных злоупотреблений. Если вы решили поохотиться в огаде — я рад за вас, пока ваша охота законна и этична и вы отдаёте себе отчёт в том, что ваш трофей никогда не появится в книге Бун-и-Крокетт Клуба «Рекордная крупная дичь Северной Америки».

Я могу точно сказать, где и когда у меня появились проблемы с охотой на огороженной площади. Несколько лет назад я присутствовал в качестве гостя на охотничьих соревнованиях. Я так полагаю, что хозяин хотел оказать мне любезность и поэтому выбрал для меня место, где я точно смог бы добыть великолепного белохвостого оленя. Было ещё темно, когда он оставил меня на засидке, подробно описав мне быка, которого я должен был увидеть. Я знал, что нахожусь на огороженной территории, так как по пути мы проходили через ворота, но это отнюдь не смягчило шок, который я испытал чуть позже. Когда рассвело, я обнаружил себя

внутри огороженного закутка, представляющего собой заросшие кустарником невысокие гряды, разделённые мелкими ложбинами, но всё это было совсем небольшим и, несомненно, никак не тянуло на честный поединок. Я думаю, что хозяин ранчо так до сих пор и не понял, как я за пару дней умудрился не увидеть быка. Предполагаю, что я не очень хороший охотник на оленей, но могу точно сказать, что тот бык, которого я так и «не увидел», был прекрасен!

Он был больше любого из тех белохвостых оленей, которых я добыл на то время. Но я не смог заставить себя нажать на спусковой крючок в тех обстоятельствах. Это был хороший урок, почти прозрение, потому что за прошедшие годы индустрия «дичеводства» в тех местах выросла неимоверно, и теперь есть возможность охотиться на ранчо самого широкого диапазона: от больших, с площадью, достаточной для вольного выпаса популяций белохвостых оленей, до таких, охота на которых ненамного отличается от стрельбы по вапиту в вольере. У меня были заманчивые приглашения, но я вежливо их отклонял, потому что лично для меня трофей, добытый на неогороженной территории, имеет гораздо большую ценность и приносит большее удовлетворение.

Крейг Боддингтон,
профессиональный член Boone & Crockett Club

Перевод И.В. Долгова

Источник — Craig Boddington, B&C Professional Member. «Don't fence me in».

«Fair Chase Spring 2003».

Boone & Crockett Club.

О буре в стакане воды

Юрий ТУНДЫКОВ, г. Екатеринбург

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» за 2006 г. № 10 была опубликована моя статья «Что утратили и что хотели бы приобрести». По сути, она представляла собой отклик на опубликованные в том же издании (2006, № 2) статью И. Алёхина «ТОЗ-34: уход, эксплуатация, ремонт» и статью В. Гурова «Забывтая классика» (о оружьи ИЖ-54). Солидаризируясь с авторами, я дал высокую общую оценку той и другой модели, но вместе с тем высказал и некоторые критические замечания (в особенности относительно ТОЗ-34).

В апрельском номере журнала за текущий год появилась статья И. Алёхина «А я думаю иначе». В ней рассматривается довольно широкий круг вопросов, касающихся оружия и охотничьего обихода, но почти треть статьи по-

священа, опять-таки, оспариванию моих оценок ТОЗ-34. По прочтении у меня не осталось никаких сомнений в том, что статья написана в первую очередь ради того, чтобы, как говорится, поставить на место меня (осмелившегося возражать Игорю Алёхину).

Теперь о главном. Доказал ли автор свою правоту и мою неправоту? Нет, не доказал. Не стану разбирать все спорные позиции (их несколько). Остановлюсь лишь на двух, наиболее предметных, содержательных.

Игорю Алёхину не нравится, что ощутимым недостатком ТОЗ-34 я считаю ненадёжность боевых пружин, которые могут ослабевать и ломаться чаще, чем в других ружьях отечественного производства. А ведь Америки я не открыл. На этот недоста-

ток не раз указывали другие авторы. Вспоминаю: в советское время в городке при СУГРЭС (под Свердловском) жил и работал слесарь, который изготавливал для ТОЗ-34 оригинальные безотказные пружины полуспирального типа (с одним витком, как в булавке). Такими пружинами он снабдил всех местных владельцев ТОЗ-34. Обращались к нему и заказчики из Свердловска (я в том числе). Наконец, из недавнего сообщения В. Гурова знаем, что у модели ТОЗ-200, в которой использованы узлы и детали ТОЗ-34, боевые пружины иного типа — пластинчатые, однопорьевые, «что существенно повышает их надёжность» («Охота и охотничье хозяйство», 2009, № 4, с. 33).

Второе по значимости моё замечание относительно ТОЗ-34 звучало так: кнопка

предохранителя смонтирована на колодке таким образом, что при отводе назад она накрывает выход снизу стяжного винта и может наталкиваться на этот винт при малейшем его выступе над поверхностью колодки (что нередко и происходит при подтягивании винта).

Игорь Алёхин думает «иначе»: «... не кнопка предохранителя «смонтирована» не очень удачно, а сам винт поставлен «наоборот» относительно «классического» его положения» (с. 22-23).

Принципиальной разницы между моей и «иной» (алёхинской) точкой зрения я здесь не усмотрел. Оба мы ведем речь о реальной конструкторской недоработке. Фактически спор в этом пункте не выходит за рамки известного вопроса: «Стрижена, иль бри-та?»

Амурскому обществу — 45 лет

Амурское районное общество охотников и рыболовов отмечает в этом году 45-летний юбилей. По-разному складывались прошедшие годы. Особенно трудно приходилось в 90-е годы. Тогда общество потеряло охотбазу по р. Харпи в водно-болотных угодьях. В связи с обвалом экономики г. Амура и оттока людей из города, более чем в 2,5 раза сократилось число членов общества охотников. Но несмотря на все финансовые трудности, общество не сгнуло, выстояло, а в настоящий момент динамично развивается. Сегодня Амурское районное общество охотников и рыболовов объединяет 1600 охотников. Ежегодно охотугодья посещают свыше 1800 охотников, большинство из них — в период охоты на водоплавающую и боровую дичь. Сезонная путевка, сравнительно к другим регионам, недорогая — 200 рублей на весеннюю охоту и 400 рублей на осеннюю охоту. Кроме этого существуют 50-процентные льготы пенсионерам по старости и охотникам, имеющим стаж охоты 25 лет, а участникам ВОВ путевки бесплатные. Ежегодно на промысел пушнины выходит 40—45 охотников-любителей, добывая пушнины на сумму от 1,5 до 2 миллионов рублей. Охотничьи участки закреплены за каждым охотником на срок от 3 до 5 лет, с последующим продлением, если нет

нарушений предусмотренных договором. Охотугодья обустроены базовыми зимовьями, переходными охотизбушками, имеются лабызы и бани. Охотники районного общества осуществляют биотехнические мероприятия, ведут соловью подкормку диких копытных, отстреливают ворон и сорок до 100 штук ежегодно. Каждый сезон добываем 3—4 волка, численность этого хищника, после запрета применения для их уничтожения яда фтороцитата бария, последние два года стала неуклонно расти. Правление общества установило премию за добычу самки — 1000 рублей, самца — 800 рублей и за сеголетка — 500 рублей. Стабильный доход обществу приносит магазин. В продаже имеется обширный ассортимент товаров для рыбалки, охотничий инвентарь (за исключением оружия и взрывчатых веществ), товары для туризма и отдыха. Реализуется в магазине добытая охотниками пушнина, шкурки лисицы, енотовидной собаки, выдры, белки, колонка и другие.

Годовой товарооборот магазина составляет 1,5 млн. рублей. Казалось бы нарабатанный положительный результат в работе общества должен внушать оптимизм, но в 2009 году принят Федеральный Закон № 209 от 24.07.2009 г. «Об охоте и сохранении ресурсов». Охотпользователи ждали этот закон и

надеялись, что он позволит внести ясность в запутанных отношениях между охотниками и лесниками, позволит охотпользователю реально заниматься охраной охотугодий с составлением протоколов на браконьеров, но надежды не оправдались. Более того, закон перечеркивает дальнейшее существование общественных объединений, с аннулированием членских охотбилетов и заменив их на государственные охотничьи билеты. Уважаемые охотники! Это бесплатный сыр в мышеловке. вновь созданной инфраструктуре по выдаче, продлению и замене охотбилетов нужно будет финансовое вливание. Вопрос, за счет каких средств оно будет существовать? Из-за бесплатного охотбилета оставшимся на плаву охотпользователям придется значительно увеличить стоимость путевок и других услуг, дающих доходную часть. Хотелось бы знать: кому нужны такие реформы? Тогда уже не будет выше перечисленных льгот для пенсионеров, охотников со стажем и участников ВОВ. Уважаемые авторы закона, хочется надеяться, что до июля 2011 года вы сможете в законодательном плане предложить иные формы объединения охотников и рыболовов.

**Коллектив охотников
Амурская РООИР**

Консультации охотоведа А. Блюма

К нам в редакцию пришло несколько писем с просьбой рассказать, влияет ли на кучность боя ствола с цилиндрической сверловкой применение пластмассовых контейнеров.

Прямой информации об этом в литературе найти не удалось. Причина скорее всего в том, что пластиковые контейнеры и пыжи-контейнеры появились сравнительно недавно, и на это же время пришлось практическое исключение стволов с цилиндрической сверловкой из номенклатуры изделий оружейных заводов.

Общеизвестно, что контейнеры повышают кучность боя пулючков и чоков прежде всего потому, что дробовый снаряд, находясь в контейнере, перестраивается в более длинный и узкий столб и таким вылетает из ствола. Второй причиной, очевидно, будет отсутствие контакта периферийных дробинок со стенками ствола, они не истираются и не теряют своей формы по этой причине. В цилиндрическом стволе при использовании контейнера мы искусственно сужаем дробовой столбик на величину двух стенок контейнера, и дробины со стороны ствола больше никаким воздействиям не подвергаются.

На мой взгляд, роль дробинок, истирающихся о стенки ствола, в уменьшении кучности несколько преувеличена. Деформированные или нормальные, но

крайние дробины всё равно имеют тенденцию к разлёту, и практически они не попадают в мишень. Разве что целые дольше держат скорость, летят подальше и в принципе могут поразить дичь за пределами величины нормального убойного круга.

Этот вопрос был задан несколькими опытными охотниками и стеновиками, которые, как было известно, любили поэкспериментировать. Практически все они дали одинаковый ответ, что кучность при стрельбе с контейнером из цилиндра увеличивается, но очень незначительно. В.Ф. Гуров назвал 6—7%.

Некоторое время спустя представилась возможность проверить эти утверждения стрельбой. Ружьё немецкого мастера, оба ствола цилиндрической сверловки, калибр 16. Патроны собственной снарядки: порох — 1,8 г, пыж войлочный, дробь диаметром 2,4 мм, 28 г. Вторая группа патронов — всё то же самое, только вместо войлочного пыжа — полиэтиленовый пыж-контейнер.

Стрельба велась из правого ствола по столовой мишени. Сделаны 3 серии по три выстрела каждым типом патронов. Результат: кучность без контейнера 32%, с контейнером 38%.

В редакцию приходят письма с просьбой рассказать о гладкоствольном ружье Сайга 20К.

Это ружьё разработано на ИЖМАШе на базе автомата Калашникова. Ружьё самозарядное 20-го калибра с магазинами на 5 и 10 патронов. Индекс «К» говорит об укороченном до 430 мм стволе на этой модели. К сожалению, следует сказать, что хорошего боя на нормальные охотничьи дистанции добиться из него трудно. Всё дело в том, что отечественные пороха в стандартных патронах рассчитаны на полное сгорание в стволах длиной 680—760 мм, именно в стволах такой длины они полностью реализуют свои энергетические возможности, т. е. придают снаряду (дробь или пулю) необходимую скорость, а вместе с ней резкость и необходимую дальность боя. Короткие стволы из-за неполного сгорания пороха не позволяют снаряду набрать достаточную скорость и обеспечить надёжное поражение дичи. Короткоствольная Сайга чаще используется как служебное оружие.

Использование ствольных насадок (инвекторов) позволяет до некоторой степени исправить положение, но следует знать, что добиться удовлетворительного боя можно только в том случае, если диаметры каналов ствола и насадки будут совпадать, а в месте сопряжения внутренних поверхностей не будет уступов, т. е. оси ствола и насадки тоже будут совпадать.

И. ПОГОЖЕВ с товарищем на охоте

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам охотник со стажем, много лет выписываю и с удовольствием читаю ваш журнал. Каждый номер жду с нетерпением, а вот пишу впервые.

Охотой увлекаюсь с детства, охотниками были и отец, и дед. Люблю зимнюю охоту и на пернатую дичь. Весенняя охота в этом году удалась на славу. Дичи было много. Раньше охотился в основном на селезня, гусь попадался, но редко. Вместе с товарищем несколько зорь посвятили охоте на гуся на полях, и удача улыбнулась нам, добыли шесть гусей. Впечатлений, конечно, на целый год. Высылаю фотографию с трофеями, опубликуйте, пожалуйста. Спасибо!

Желаю вашему журналу оставаться таким же интересным, красочным, а главное — полезным.

И. ПОГОЖЕВ
Воронежская обл.

Уважаемая редакция, на мой взгляд, данная информация может представлять интерес для орнитологов, так как залет кольчатой горлицы в бассейн верхнего течения реки Лебедь (северо-восточный Алтай) ранее не отмечался. Прежде в наши края залетали розовые пеликаны, журавли-красавки и другие нетипичные представители орнитофауны. Кольчатая горлица появилась в нашем селе в конце апреля 2010 г. после нескольких теплых и солнечных дней, которые подарила нам поздняя и холодная весна. Птица прожила неделю и исчезла.

В. ТОКАРЕВ

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет ваш постоянный читатель из Рязанской области. Я хотел бы рассказать один случай, который произошел с нами на весенней охоте.

В том году гуся для отдыха облюбовали зеленую луговину недалеко от нашего города Сасово Рязанской области. В одну из утренних зорь мы здесь охотились втроем. Погода была ясная и ветреная. Гусь шел невысоко, но мы никак не смогли сбить хотя бы одного. И вот, наконец, каждый из нас выбил по одному белолобому. Гусь Александра Акимова оказался подранком. Принеся свою живую добычу к скрадку, Александр засунул его в рюкзак. Он объяснил, что посадит гуся к живущим у него уже несколько лет другим белолобым, которые тоже были подранками. Их он собирался использовать в качестве подсадных.

Сначала подранок сидел спокойно, затем рюкзак на-

чал кататься по земле. Александр решил проверить, насколько сильно ранена птица. Он развязал рюкзак и вытащил гуся на траву. Тот встал на лапы, пошел, а затем побежал, разгоняясь для взлета. Саша пытался преследовать его, но белолобый выиграл этот забег. Резкий бросок к ружью нашего третьего товарища и дуплет в угон желаемого результата не дали. Гусь медленно, но уверенно набирал высоту. Я не мог удержаться от смеха, глядя на грозное лицо Александра, и попытался его успокоить словами о том, что гуся он еще добудет, а такая забавная ситуация вряд ли повторится.

А. ДЕМИДОВ
Рязанская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала! «Охоту и охотничье хозяйство» я беру читать в сельской библиотеке дома Культуры в п. Кедровом Ханты-Мансийского района. И вместе со мной его читают более 30 наших жителей, занимающихся любительской охотой.

Спасибо журналу за то, что он делает нас экологически грамотными. Мне 26 лет, охотой занимаюсь с детства, охотничий опыт мне передавал 87-летний охотник из хантыйского поселения на реке Назым. В зимний период занимаюсь подкормкой зверей и птиц и веду их учет. По образованию я лесничий. Занимаюсь разведением кедровников и других орехоплодных, плодово-ягодных, медоносных деревьев и кустарников на площади в 4 га — всего 278 видов. Еще развожу на грядках до трех лет женьшень, затем высаживаю его

в естественную среду, уже интродуцировал 366 штук, он хорошо растет и плодоносит.

Напечатайте, пожалуйста, мой адрес для тех, кто интересуется разведением женьшеня и хочет приобрести или обменяться семенами: **628544 Тюменская область, Ханты-Мансийский АО — ЮГРА, Ханты-Мансийский р-н, п. Кедровый. Кедровский ботанический сад. Калимулину Алексею Мансуровичу.**

Вадим Алексеевич Морозов

Уважаемая редакция журнала! Уже почти полвека занимаюсь любительской охотой и более 30 лет выписываю журнал «Охота и охотничье хозяйство», который читаю с большим наслаждением. Моя любовь к природе и неистребимая страсть к охоте с гончими до сих пор неотъемлемая часть жизни. Прошу вас опубликовать мое письмо, так как очень хочу поздравить с Днем защитника отечества своего зятя Морозова Вадима Алексеевича, который трудится в Ордынском РОВД Новосибирской области. Он награжден 28 орденами и медалями за участие в боевых действиях и охране общественного порядка в Чеченской республике, а именно в Утукмалинском районе, куда выезжал в течение 5 лет.

Вадим — страстный охотник, занимается охотой уже 20 лет. Он очень добрый и порядочный человек с большой внутренней культурой. Всегда откликается на просьбы охотоведов о проведении биотехнических мероприятий, выезжает в рейды по охране охотугодий.

Желаю ему успешной службы, доброго здоровья и семейного благополучия.

Н. КОЛЕСНИКОВ,
р. п. Новосибирской обл.

Кольчатая горлица

Алтай, Турачакский р-н

Долеко-долеко, в самом сердце африканских джунглей жил маленький белый человек. Самое удивительное в нём то, что он дружил со всеми зверями в округе.

«Друж зверей» — книга, написанная Джеральдом Дарреллом в возрасте 10 лет

Новый Ной и его ковчег

К 85-летию Джеральда Даррелла

Это был необыкновенный человек. Мальчик, первое произнесенное слово которого было «зоо»; мальчик, которого приводили в восхищение скорпионы; юноша, потративший все свое состояние на экспедицию по отлову зверей для зоопарков; замечательный писатель, который не любил писать. Не получивший формального образования, он был членом Международного института искусств и литературы Королевского литературного общества, Кавалером орденов Золотого Ковчега и Британской империи, имел почетные степени профессора Йельского, Кентского, Даремского университетов. Один из первых защитников окружающей среды, он создал зоопарк, целью которого было сохранение и последующее возвращение в места обитания самых уязвимых животных. Имя этого человека — Джеральд Даррелл.

У нас в стране он стал известен с 1958 года. Именно тогда в СССР была издана его первая книга о путешествии в Африку «Перегруженный ковчег». С тех пор и по нынешний день он остается одним из любимых писателей-натуралистов, произведения которого есть во многих домах и которыми зачитываются и стар и млад. Его книги переведены на десятки языков, и всюду они пользуются огромной популярностью. А «Моя семья и другие звери» о детстве на острове Корфу на родине Даррелла, в Великобритании, даже включена в программу выпускных школьных экзаменов. Его брат Лоуренс, известный писатель, так отзывался о литературном творчестве Джеральда: «Дьяволенок пишет чертовски хорошо! Его стиль напоминает свежий хрустящий лист салата!» Но, сам Даррелл говорил: «Для меня литература — это способ заработать деньги, чтобы иметь возможность работать с животными». Ведь цель, которой он посвятил всю свою жизнь, была в другом — создание собственного зоопарка, но не обычного, а такого, который стал бы, по его собственным словам, «убежищем для тех видов животных, которые находятся под угрозой исчезновения, заповедником, где они могут спокойно жить и размножаться».

В 1959 году воплотилась в жизнь его заветная мечта — на острове Джерси он приобрел поместье Огр Мэнор (Дом привидений) и открыл собственный зоопарк. История Дарреллова ковчега началась.

В 1963 году Джерсийский зоопарк был преобразован в Джерсийский трест охраны диких животных — первый в мире специализированный центр по разведению и дальнейшему расселению исчезающих видов. В качестве символа был выбран дронг (крупная

летающая птица, обитавшая на Мадагаскаре и уничтоженная за короткий срок), концепцией — ковчег, а лозунгом — «Исчезновение — Это Навсегда». Добровольными членами треста стали тысячи людей по всему миру.

Джеральд Даррелл умер 30 января 1995 года. Он похоронен в поместье Огр. На памятнике выбиты слова, написанные в начале XX века пионером охраны природы Уильямом Бибом: «Красоту и гениальность произведения искусства можно восстановить, даже если оно будет уничтожено; исчезающая гармония может много лет спустя

вдохновить другого композитора; но когда последний представитель расы живых существ перестанет дышать, потребуются иной мир, чтобы эта раса вновь появилась на Земле».

Жизни этого замечательного человека, его путешествиям и его зоопарку была посвящена выставка «Новый Ной и его ковчег». Посетители могли видеть австралийских вомбата и лирохвоста, африканскую птицу-носорога, древесного дикобраза — поркупина, так восхитившего Даррелла и многих других обитателей нашей планеты.

Дарвиновский музей, 2010 г.

ЛАПСИН Г. Нужен ли России промысловый охотник?	1
ВЕХОВ Н. Охотничье-промысловые избушки	4
ДАНИЛКИН А. Европейская и сибирская косули: основы трофейной селекции	6
БЛЮМ А. Московские открытые соревнования по высокоточной стрельбе	8
КРУТОРГОВ А. Науку — на службу охотничьему хозяйству	9
НАЗАРОВ А. Ласка	10
АЗАРОВ А. В поля за русаком	12
ТУМАНОВ И., СМЕЛОВ В., КОЖАЕВ А. Жизнь, отданная охотничьему хозяйству и охране природы. К 85-летию П. Д. Иванова	14
БОГАТОВ С. Промысел белки с лайкой	16
БЛЮМ А. Промысловая охота с малокалиберной винтовкой	22
АСТАФЬЕВ Н. Без права ношения	25
КОРНИЛОВ Л. Трёха	26
БУЛГАКОВ М. Русские писатели-охотники. Григорий Анисимович Федосеев. 1899—1968	30
ФЕДОСЕЕВ Г. Улукиткан	31
ХРУСТАЛЕВ В. По следу снежного барса	36
ДОЛГОВ И. Внутри ограды — только убийство	38
ТРАУТ Д. Вы называете это охотой?	38
БОДДИНГТОН К. Не огораживайте меня!	40
Амурскому обществу — 45 лет	44
БЛЮМ А. Консультации охотоведа	44
Письма читателей	43, 45
Новый Ной и его ковчег. К 85-летию Д. Даррелла	46
Реклама	13, 15, 21, 35
ШИШКИН В. Широконоска и мандаринка	48

На первой и второй страницах обложки: Из 7-ми видов, обитающих в России представителей семейства Собаки (волк, шакал, лисица, корсак, песец, красный волк, енотовидная собака), волк, несомненно, наиболее вредный хищник. Февраль для волков — разгар периода спаривания

Фото А. Севастьянова

На четвертой странице обложки: Белка и ласка

Фото А. Назарова

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

А.М. Блюм, М.В. Булгаков, Г.В. Висящев, Т.А. Волжина (ответственный секретарь), Л.А. Гибет, В.В. Дежкин, А.М. Лаврова, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, А.А. Севастьянов, А.А. Улитин, В.Б. Чернышёв, В.С. Шишкин

Главный бухгалтер Н. М. Видулина
Зав. отделом писем И. И. Полосухина
Художественный редактор М. Л. Кнерцер
Оператор компьютера Н. В. Дервиз
Корректор З. М. Данилова
Фотокорреспондент А. Ф. Дигилевич

Сдано в набор 02.12. 2010 г. Подписано к печати 28.12.2010 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28000 экз. Заказ 308.
Цена — по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 101000, Москва,
Потаповский пер., д. 3
Тел.: 8 (495) 641-02-28.

Электронная почта ohot.a.ohothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 г. Чехов, Московской обл.
Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru
Факс 8(496)726-54-10, тел. 8(495) 988-63-87
В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

По своеобразному, расширенному на конце, клюву **широконоску** в любом наряде легко отличить от других видов речных уток. Селезень в брачном перье узнаваем издали. Это довольно крупная птица (вес может превышать 1 кг, размах крыльев — 80 см) с рыжевато-коричневым брюхом, с белым зобом и темной, с металлическим зеленым отливом, головой. Спина темно-бурая, за исключением двух узких белых зон, примыкающих к основанию крыльев. Надхвостье, подхвостье и центральные рулевые черные (остальные рулевые — светлые). Подхвостье отделено от рыжеватого брюха белыми участками оперения. Зеркальце зеленое с белой полосой по верхнему краю, на надкрыльях заметна зона светло-голубых перьев. Удлиненные плечевые в продольных черных и белых полосках. Клюв черный, ноги оранжевые, радужина желтая. Самка широконоски похожа по цвету оперения на самку кряквы, но безошибочно отличается зеленоватым зеркальцем с белой каймой. Кроме этого, в полете хорошо заметны светло-серые (а не голубые, как у селезня широконоски) зоны на крыльях (сверху) и, конечно, характерный клюв. Широконоска встречается на гнездовании в различных ландшафтах Евразии и Сев. Америки — от лесотундры до пустынь. У нас широко распространена, но на севере лишь кое-где перешла Полярный круг. Перелетна. Занимает в сезон размножения околородные биотопы, прилетая позже кряквы. Гнездо, как у многих других уток, на земле. В кладке около 10 яиц. Самка насиживает 22—24 дня. Пуховики похожи на птенцов кряквы. На крыло молодые широконоски становятся на 40—45 день. Кроме животных кормов, водных беспозвоночных, в рацион входят семена и зеленые части растений. Запасы широконоски у нас, по-видимому, не превышают 500 тыс. птиц (в ряде мест численность снижается). Эта утка остается распространенным объектом охоты.

Мандаринка же, из рода древесных уток, напротив, внесена в Красную книгу России как редкий, нуждающийся в охране, вид птиц. Численность мандаринки, гнездящейся у нас в лесах Дальнего Востока, вероятно, не более 15 тыс. пар. Этот вид хорошо размножается в зоопарках, акклиматизирован в ряде стран Европы. Размеры птиц средние — длина 50 см, вес не более 500 г. Как будто радуга играет всеми цветами в брачном перье селезня мандаринки. Фиолетово-красноватая грудь, очерченная по бокам поперечными черными и белыми полосками. Белое брюхо, бронзового цвета бока. На голове беловато-охристая зона вокруг черных глаз оторочена по щекам оранжево-рыжими удлиненными перьями. Переливающиеся от зеленого к сине-фиолетовому лоб и темя, оранжевый затылок с ниспадающим медно-красным хохлом, окаймленным белыми полосками по бокам и подбитым зелено-синими перьями снизу. Зеркальце зелено-синее. По одному из внутренних маховых на каждом крыле («парус») причудливо выгнуто вверх, благодаря разросшемуся внутреннему опахалу рыже-каштанового цвета. Клюв красный со светлым кончиком, лапы желтоватые. Самка окрашена в сероватые тона. Белое кольцо вокруг глаза, светлая пятнистость на зобе и боках, следы зеркальца на крыле. Мандаринки гнездятся в основном в дуплах деревьев, используют также искусственные гнездовья. В кладке 9—12 яиц. Насиживание 28—30 дней. На крыло птенцы становятся на 40—45 день. Питаются как растительными, так и животными кормами. Мандаринка — особо охраняемый вид в заповедниках Дальнего Востока и Приморья. В Китае мандаринки — древний символ супружеской верности.

В. ШИШКИН

Широконоска
(самец, самка)

Мандаринка
(самцы)

Мандаринка
(самки)

Широконоска
(самка, самец)

 мандаринка

 широконоска

Индексы: 70673 — на полгода, 72376 — на год

USSN 0131—2596. Охота и охотничье хозяйство, 2011. № 2. 1—48.